

разногласия

Выйди на улицу.

Верни себе город

№ 9

Разногласия.
Журнал общественной
и художественной критики.
№9: Выйди на улицу.
Верни себе город
(Октябрь 2016)

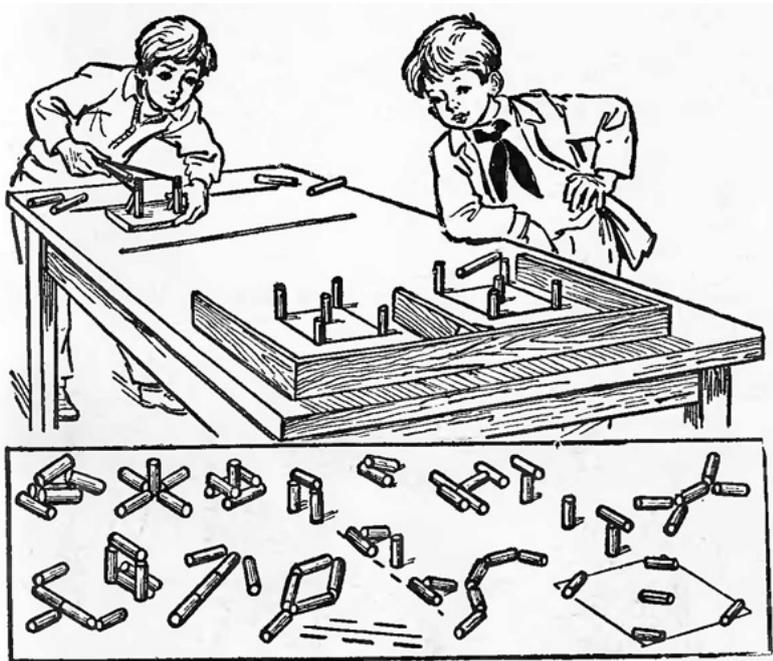
«Разногласия» – ежемесячное
приложение к сайту Colta.ru.

Содержание

Городки: Кизел, Чикаго, Великий Новгород, Москва ГЛЕБ НАПРЕЕНКО АЛЕКСАНДРА НОВОЖЕНОВА <i>Глеб Напреенко и Александра Новоженова начинают новый номер «Разногласий» с приглашения к урбанистическому исследованию: от шахтерских протестов к делу 6 мая</i>	5
Битва за Москву ПЕТР ИВАНОВ <i>О чем молчат The Village и Урбанфорум и чем 2016 год отличался для москвичей от пяти предыдущих, рассказывает социолог Петр Иванов</i>	44
НЭР: «мир, принадлежащий всем и каждому» ДАРЬЯ БОЧАРНИКОВА <i>В поисках альтернатив российскому урбанизму 2010-х историк архитектуры Дарья Бочарни- кова обращается к одному советскому проекту времен оттепели</i>	56
Зомби-манифест неолиберального урбанизма НИКОЛАЙ СМИРНОВ <i>Подмосковные «Короткицы» как постгородской лимб. Географ Николай Смирнов о квиризации пространств и самого себя</i>	69
Машины против машин ГРУППИРОВКА ЕЕЕFFF <i>Группировка eeefff о своих поисках дата- центров и цифрового пролетариата — от Москвы до Сантьяго</i>	87
Как быть невидимым в городе? ДЕББИ КЕНТ АЛИСА ОЛЕВА <i>И как обходиться с государственной паранойей? Точные инструкции от художницы Алисы Олевой и писательницы Дебби Кент</i>	99

- «У меня не было ничего, но мне почудилось,
что улицы — мои» 107
ЭЛЬЗА АБДУЛХАКОВА
ГЛЕБ НАПРЕЕНКО
*Большой опрос художников о Москве и
Питере 1990-х: Бренер, «Новые тупые»,
Глюкля и Цапля, Кулик, Осмоловский, Тер-О-
ганьян, Мавроматти*
- Памятник. Призрак. Революционер 152
ГЛЕБ НАПРЕЕНКО
*Глеб Напреенко о том, как революционер
Дзержинский стал памятником, который
снесли революционеры, Бренер стал призра-
ком того памятника, а Павленский хочет
стать памятником тому призраку*
- Сегрегация в России: социальная, этническая,
транспортная 168
ИВАН НАПРЕЕНКО
*Советское наследие смягчает постсовет-
скую сегрегацию или заложило ее основы?
Где острее стоит проблема? Кто что
может сейчас исправить? Мнения исследо-
вателей*
- Ребекка Зорак: «На этом чикагский 187
модернизм умер»
АЛЕКСАНДРА НОВОЖЕНОВА
*Гангстеры-активисты, городские парки,
сегрегация и комьюнити-арт глазами док-
тора искусствоведения из Чикаго*
- Шесть штатаний 202
ОЛЬГА ЖИТЛИНА
АНАСТАСИЯ РЯБОВА
*О бездомности и о любви. Личная переписка
художниц Ольги Житлиной и Анастасии
Рябовой (ака Дневник октября)*

Городки: Кизел, Чикаго, Великий Новгород, Москва

*Глеб Напреенко и Александра Новоженова
начинают новый номер «Разногласий»
с приглашения к урбанистическому исследованию
от шахтерских протестов к делу 6 мая*

Этот номер «Разногласий» родился из нескольких простых соображений.

Город — это не только Москва. Москва — это не только ЦАО.

Существует не только урбанистика потребления, но и урбанистика производства.

Не только урбанистика социальной разрядки, но и урбанистика социального конфликта.

Не только урбанистика комфорта, но и урбанистика выживания.

Общество сегодня стремительно проигрывает город крупному капиталу — в том числе государственному.

Множественные линии фронта проходят через каждый город,

путаются, собираются в клубки.

Чтобы очертить эти клубки, мы составили анкету художественного анализа города и заполнили ее для четырех городов: Кизела, Чикаго, Великого Новгорода и Москвы.

Продолжить предлагаем вам.

Кизел (Пермский край)

Вход

Через город с севера на юг проходит федеральная автотрасса, которую в 1990-е годы после закрытия угледобычи перекрывали бастующие шахтеры. Никакой реакции со стороны властей не последовало, что делать массово оставшимся без работы жителям, никто толком сказать не мог. Очень многие кизеловские таксисты, разъезжающие теперь взад-вперед по трассе, — бывшие углекопы.

© Google Street View

Дорога спускается с одной уральской вздыбленности в долину реки Кизел и взлетает на другую. С востока и запада город окружают заброшенные шахты и густые леса — в них можно только уйти, но не уехать.

Вольнорабочие стекались в Кизел из окрестных сел. Но не так уж многие попадали сюда по своей воле. С XVIII века до отмены крепостного права в рудниках трудились крепостные горнозаводчиков Строгановых и Лазаревых, нередко были восстания и побегы — через леса на Каму. В советское время сюда попадали спецпоселенцы, люди, только что освободившиеся из лагерей, а также заключенные — близ города после Второй мировой войны разместилась Исправительно-трудовая колония ГУЛАГа (хотя она не была структурообразующей

для местной экономики, в отличие, например, от сталинской Воркуты).

В постсоветское время людей в Кизел перемещало насилие первоначального накопления капитала — но теперь оно вернулось сюда уже не ради организации угледобычи. «Черные риэлторы» переселяли в шахтерские поселки жителей Перми, вынужденно или обманом продавших свое жилье в областном центре, а бывшим шахтерам, переезжавшим в центр из Кизеловского угольного бассейна (КУБа), продавали квартиры по завышенным ценам.

«

Не только урбанистика комфорта, но и урбанистика выживания.

»

Как изменилась численность населения города с 1960 по 1990 год?

После бурного роста угледобычи, который стимулировали нужды промышленности 1930-х — 1950-х годов, к началу 1960-х годов население Кизела достигло своего максимума. С тех пор оно плавно, но неуклонно убывало — добыча местного угля становилась все более нерентабельной. Из 60 687 человек 1959 года к 1989 году осталось 36 746, но выработка угля продолжалась. Резкое решение о закрытии шахт было принято только в 1990-е — тогда в экономику Кизеловского угольного бассейна перестали течь необходимые инвестиции и дотации и был начат всероссийский проект реструктуризации угледобычи, означавший закрытие многих недостаточно эффективных шахт, в том числе шахт КУБа.

Как изменилась численность населения города с 1990 по 2016 год?

Уменьшилась более чем в два раза, с 36 746 до 16 173 человек. Реструктуризация угольной отрасли стала вызовом либе-

ральным реформам экономики. На смягчение ее последствий шли деньги Всемирного банка, но до шахтеров в регионах они доходили с большими потерями. Оставшиеся деньги должны были помочь в организации переселения потерявших профессию шахтеров. Но треть кизеловцев, получивших по сертификатам новое жилье, продавала его и возвращалась обратно.

© Google Street View

Сейчас половина домов в Кизеле пустует, а шахтерские поселки Шумихинский и Юбилейный неподалеку от Кизела почти мертвы. В Юбилейном жители панельных шестиэтажек пережили одну зиму при коллапсе централизованной отопительной системы, школа и Дом культуры закрыты. В Шумихинском умирание распространяется из центра, который больше всего похож на город: опустели двух- и трехэтажные дома, Дворец культуры, детский сад. Деревенские дома, окружающие руинированный центр, не нуждаются в централизованном водоснабжении и котельной и потому лучше приспособлены к новым условиям. Кажется, что для этих поселков конец индустриального общества оказался не столько переходом к постиндустриальному, сколько возвращением к допромышленной эпохе.

Последние массовые протесты в городе, в ходе которых пострадали представители власти

Самыми заметными для власти протестами с участием кизеловцев были протесты шахтеров в Москве — в том числе знаменитая **сидячая забастовка 1998 года на Горбатом мосту у Белого дома**.

<https://www.net-film.ru/film-14798/>

Запах

Пахнет снегом, но все время кажется, что пахнет на самом деле углем.

Первое впечатление от города

Автобус, на котором я ехал в Кизел из Чусового, постепенно пустел, кроме меня оставалось не более пяти пассажиров. Была зима, никаких фонарей, и мне казалось, что мы едем в какие-то неисследованные земли (призрак колонизации Урала?).

В Кизеле я выскочил, не доезжая до конечной, на какой-то остановке у сквера. В глубине его я углядел памятник. Проваливаясь в сугробы нерасчищенных дорожек, подошел. В свете телефонного фонарика разглядел занесенную снегом стелу с цифрами «1918» шрифтом, хранящим память о стиле модерн, и с покрытой льдом трибуной. Похоже, с нее никто не произносил речей уже много лет — и вряд ли уже когда-либо произнесет. Но в тот момент я вдруг осознал: в Кизеле тоже была Гражданская война.

«

В Юбилейном жители панельных шестиэтажек пережили одну зиму при коллапсе централизованной отопительной системы.

»

Страх

Страх внезапно провалиться под землю, в мифические тлеющие угольные копи. Кажется, что земля под Кизелом полая: под ослепительно чистым снегом морозного города, оставшегося без промышленности, подозреваешь столь же ослепительно черное и жаркое нутро. Страх этот не такой уж фантастический: действительно, шахты Кизеловского угольного бассейна нередко проходят под жилыми зданиями и, не законсервированные должным образом, чреватые провалами. В соседнем

с Кизелом Гремячинске в такой провал попал трактор, а в Губахе упал человек и погиб.

Самый большой торговый центр

Торговых центров в городе нет — здесь сохраняется реликтовое разделение заведений по функциям: отдельно столовая, отдельно магазин продуктов, отдельно одежды, отдельно хозяйственный. Будто имеешь дело со старым механизмом вроде бурильных орудий в шахтах, где соблюдается принцип «одна кнопка — одна функция» — обесцененный единственной кнопкой айфона.

© Google Street View

Общественный транспорт

Маршруты связывают автобусную станцию с окрестными поселками. Каждый ходит с регулярностью раз в час-два примерно с 6 утра до 9 вечера. Рейсы в соседний с Кизелом город Губаху, впрочем, недавно отменили

Самый большой завод

Одной из крупнейших шахт Кизела была шахта им. Ленина, до 1918 года — Княжеская копь, которую в свое время посещал химик Менделеев. Ей посвящена [статья](#) на интернет-ресурсе «Свободная шахтерская энциклопедия» (*MiningWiki*). Сейчас шахта, как и все прочие, заброшена — на момент закрытия в 1997 году в ней работало 1020 человек.

[http://miningwiki.ru/wiki/Шахта_имени_В._И._Ленина_\(Кизел\)](http://miningwiki.ru/wiki/Шахта_имени_В._И._Ленина_(Кизел))

Самый большой/старый храм

Так как храм в городе всего один, то самый старый храм и есть самый большой. И хотя он вовсе не велик и не так уж стар, судьба его примечательна. Это бывший советский клуб, к кото-

рому пристроили звонницу и привесили козырьки в форме кошиков над окнами: процесс, обратный тому, что шел после революции 1917 года, когда церкви массово переделывались в дома культуры или во что-то более прозаическое. Внутри повсюду видны фрагменты прежней отделки, и перекрашенные, и нетронутые. Алтарь располагается на бывшей сцене; войдя в храм, можно спутать богослужение со спектаклем, а священника с актером.

Последние массовые протесты в городе, в ходе которых пострадали протестующие

18 мая 2016 года в кизеловском следственном изоляторе № 3 несколько арестантов **объявило голодовку**. *«Все началось, когда тут поменялось руководство. К нам сразу же после этого зашли люди в масках, избили и отобрали средства личной гигиены. По камерам бегают крысы, вода для питья абсолютно не пригодна, освещения почти нет, матрасы и подушки грязные, канализацию не чистят — полная антисанитария. Наше единственное требование — чтобы соблюдались нормы содержания заключенных»*. Представители ФСИН объяснили недовольство заключенных желанием дискредитировать новое руководство.

<https://zona.media/news/2016/18/05/sizo-kizel>

«

На момент закрытия в шахте работало 1020 человек.

»

Где расположена гей-плешка

Поверхностное исследование не дало ответов на этот вопрос. Читатели могут продолжить его сами.

Самое большое заброшенное здание

Руины главной обогатительной фабрики. В 1941 году ее недостроенные корпуса вместили эвакуированный из Киева Станкостроительный завод им. Горького.

Сегодня «обогащение» ассоциируется не с рудой.

Какой район считается самым плохим

Сегодня Кизеловский угольный бассейн называют одним из самых депрессивных регионов России. Внутреннего антирейтинга КУБа никто не составлял.

Местный праздник

«Роман Ермоленко а.к.а. RoNikEr, заведующий студией (звукорежиссер) МБУ “КСЦ” (городской ДК) г. Кизел, Пермского края.

Небольшой информационно-технический фотоотчет о праздновании Дня Шахтера в г. Кизеле.

© Google Street View

© Google Street View

Для нас началось все с траурного митинга у памятника погибшим шахтерам, который расположен на городском кладбище. Так как до ближайшего источника питания довольно далеко, использовался двухкиловаттный бензогенератор. Хорошая штука. Можно в чистом поле развернуть довольно громкую “звуковую деятельность” и не зависеть ни от чего и не от кого... Роман Дроздов озвучивал встречу кизеловцев у места, где была первая штольня довольно немаленького Кизеловского угольного бассейна. Проводила встречу директор музея Гущина

Венера. Музей располагается в здании ДК. После этой встречи все сели по автобусам и поехали в ДК, где было торжественное мероприятие с награждениями и концертом коллектива “Прикамье”. Директор — художественный руководитель, лауреат конкурса балетмейстеров Урала, Сибири и Дальнего Востока Алексей Григорьевич Мулин. Молодцы — хорошо поют, танцуют. Сопровождение — небольшой “живой” оркестр “народников” из восьми человек — скрипка, балалайка, бас-балалайка, два баяна, флейта, тромбон, ударные/перкуссия. На саундчеке никак не мог понять откуда берутся фидбеки, подправлял *FOH* и мониторными эквалайзерами. На концерте ничего не свистело, слава Богу. Отработал на совсем небольшом уровне звукового давления... Концерт “Прикамья” закончился и все плавно переместились на фуршет. На этом мероприятии выступали наши “Сударушки”. Как без них.)) Молодцы! Народу нравится.

«

Алтарь располагается на бывшей сцене.

»

...Мой “сетапчик” был в этот день довольно скромным... Пришлось еще и делить аппарат на две площадки, *full Shit (!)*. Еще на поселке “Южный”, на агитплощадке работали с Жаном Целуковским и Константином Беспаловым... Потом выступал Игорь Ярков. Мы с ним уже знакомы — работали вместе на закрытой вечеринке за месяц до этого. Молодец. Хорошо поет! Закончил мероприятие духовой оркестр Березниковского музыкального училища. Здорово играют!»

Смычка города с природой

Складки Урала испещрены тысячами пор — скрытых, вскрытых, закупоренных. Городки Кизеловского угольного бассейна окаймляют края этих пор и притуляются в складках. Говорят, угледобыча испортила экологию района, умертвив реки кислыми водами из шахт. Это, конечно, верно, но можно посмотреть на все иначе: углекопы вскрыли земные нарывы и сами стали геологическим фактором; следы тысячелетней деятельности

природы и вековой деятельности человека неразделимы.

«Антропоцен» — модное слово из словаря философов-постгуманистов, обозначающее эпоху, когда существование человечества стало одной из сил, необратимо меняющих природу. Распространение этого слова исторически обусловлено. Оно стало возможным, когда промышленность и измененные человеком ландшафты превратились в часть природы, подверженную эрозии и разрушению; когда противостояние культуры и природы, поддерживавшееся эпохой промышленного прогресса, вдруг оказалась неактуальным. Индустриализация завершилась. Природы, настойчиво отделяемой от общества во имя ее колонизации, больше не осталось. Это момент конца — или же, в случае России, краха — индустриального общества. Лишь сегодня, когда борьба окончена, огромные затраты человеческого труда, изменившие ландшафт вокруг Кизела, могут казаться чем-то в самом деле безличным, как геологические процессы, формирующие уголь.

© Google Street View

Смычка города с искусством

Происходит в домах культуры. В центре каждого поселка, посреди общего запустения, сугробов и груд угля, стоит то ли античный храм, то ли дворянская усадьба. Дома культуры изначально обладали ясной социальной прагматикой, которая еще жива в населяющих их кружках и секциях. Но сегодня кизеловские ДК постепенно движутся к состоянию подлинно автономных произведений искусства — избыточных и изъятых из окружающего контекста. В Доме культуры в поселке Северный мероприятия проходят все реже, доски объявлений у входа почти пусты. Но сотрудники заботятся о здании, внутри

Чикаго

Вход

Кому как повезет — или не повезет.

Последние массовые протесты в городе, в ходе которых пострадали представители власти

12 марта 2016 г. Приезд Трампа в Университет Иллинойса в рамках избирательной кампании был отменен в результате протестов, перешедших в беспорядки. Двое офицеров ранено.

16 июля 2016 г. 19 человек арестованы в центре Чикаго по разным обвинениям, в том числе по обвинению в нападении на полицейских, после того как группа активистов провела несанкционированный марш протеста против убийств афроамериканцев в Батон-Руже, Луизиана, и в Сент-Поле, Миннесота.

Запахи города

Вечером пахнет марихуаной и жареным мясом.

Первое впечатление от города

Древность индустриализации.

Страх, связанный с городом

Шальная пуля — «но ты не волнуйся, там, где мы живем, такого не бывает».

Самый большой храм / самый старый храм

Старый католический св. Патрик, собор в неороманском вкусе, построенный ирландской общиной в 1845-м и переживший великий пожар 1871 года, когда сгорела большая часть старой застройки. Но интереснее самые новые храмы, которые в бесконечных районах не отличить от магазинов и которых может быть по несколько на улице — витрин, затесавшихся среди булочных и химчисток. Здесь храмы устраивают, не спросившись у какой-либо церкви, это дело общин и обществ, которые снимают помещения — иногда даже у школ — для условно христианских молитв и чтения Библии (ее раздают на каждом углу), а иногда, кажется, для совершения ритуалов, которые выдумали сами, по собственному разумению: любой может арендовать пространство и организовать секту.

Как изменилась численность населения города с 1960 по 1990 год?

До 1960 года население Чикаго только росло. В 1960-м произошло

первое снижение— на 1,9%. С 3 550 404 в 1960 году население упало до 2 783 911 в 1990-м и постепенно доползло до 2 720 546 в 2016-м. Безработица, преступность, проблемы со школами и цены на аренду гонят жителей искать лучшей жизни в других штатах. Процесс идет медленно, но Чикаго вот-вот уступит место второго по величине города Америки Хьюстону. По состоянию на 2016-й в Чикаго живет 32% афроамериканцев, 28% латино-испанского и 44% белого населения. Больше четверти населения говорит по-испански.

Где находится гей-плешка

1) гей-бары; 2) гастроном полезной органической еды *Whole Foods* в районе Бойзтаун; 3) поезда на красной и коричневой ветке в определенное время суток; 4) улица Нью-Бродвей в районе Ригливилл, где расположен основной ЛГБТ-квартал; 5) беговые маршруты вдоль озера на северной стороне города; 6) гей-френдли фитнес-клубы.

«

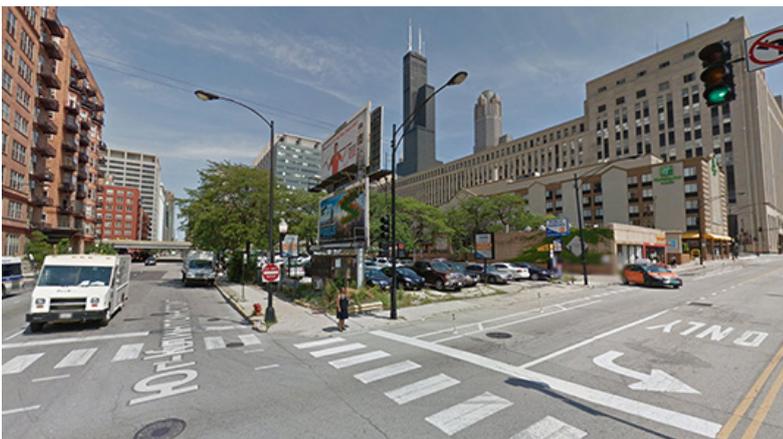
Любой может арендовать пространство и организовать секту.

»

Самое большое заброшенное здание / самый большой торговый центр / самый большой завод

По части урбанистических руин Чикаго не может тягаться с Детройтом, к тому же его самые важные забросы были снесены в 2000-х. Гигантский торговый центр *Dixie Square*, построенный в 1966-м в чикагском пригороде Харви, начал приходить в упадок из-за общего обнищания района. Вокруг него стали происходить убийства и грабежи, и магазины уходили один за другим, пока центр не закрылся в 1978-м. Здание пытались приспособить для киносъемок, два года там размещалась средняя школа, затем каток, но в итоге молл стал пристанищем бездомных, а также укромным местечком для банд, наркоторговцев и тем-

ных дел. Местные власти не имели ресурсов, чтобы охранять циклопическую руину от проникновений или хотя бы патрулировать ее, не говоря о том, чтобы удерживать ее от распада, — одним из решений в какой-то момент было открыть на ее бывшей парковке ювенальный суд. Ни один из планов по редевелопменту не осуществился. Тратиться на снос тоже никто не хотел. Остатки центра приходили во все более угрожающий упадок, и в 2012-м государство выделило четырехмиллионный грант на его ликвидацию. Другая впечатляющая руина, переставшая существовать в 2015-м, — одна из самых больших конфетных фабрик в США, *Brach's*, построенная в 1923 году за рекордные для того времени \$5 млн. Чикаго называли конфетной столицей, и фабрика пережила Великую депрессию, пожары и взрывы. Она закрылась только в 2000-х, после того как взлетели цены на американский сахарный песок. Конфетное производство таких масштабов теперь могло быть рентабельным только за пределами страны.

© Google Street View

Какой район считается самым плохим

[\(лента новостей о Сауфсайде 2015–2016 гг.\)](#)

<https://www.wbez.org/staff/Natalie+Moore>

4 мая 2015 г. Жители района Энгельвуд недовольны «Чи-раком» Спайка Ли*

*Чи-рак — неологизм, образованный от топонимов Чикаго и Ирак

Мэр Рэм Эмануэль критикует решение режиссера Спайка Ли сделать местом действия своего фильма беднейший чикагский район Энгельвуд. Фильм «Чи-рак» рассказывает о насилии черных по отношению к черным.

7 мая 2015 г. Энгельвуд готовится к открытию магазина органических продуктов *Whole Foods*

Сетевой магазин органических продуктов откроется только в 2016-м, но местные жители принимают активное участие в планировании.

14 мая 2015 г. Спайк Ли защищает название «Чи-рак» для фильма о Чикаго

Режиссер, номинировавшийся на «Оскар», приехал в чикагский Сауфсайд, чтобы встретиться с родителями, потерявшими своих детей в результате захватившего город насилия, связанного с бандами и эпидемией огнестрельных убийств.

16 июня 2015 г. Активисты, выступавшие за организацию Травматологического центра в Сауфсайде, обретают надежду

Университет Чикаго* больше не отвергает возможность организации Травматологического центра для взрослых на территории своей больницы

*Кампус крупнейшего университета Чикаго находится посреди Сауфсайда. Университет содержит гигантскую армию профессиональной вооруженной охраны.

29 июня 2015 г. Жители Вест-Сауфсайда залечивают расовые травмы

После того как двое афроамериканцев погибли от ножевых ранений в парке Кэнэривилл, местные жители размышляют над расовым разделением в Сауфсайде.

14 июля 2015 г. Почему уменьшается число черных учителей в чикагских средних школах?

За последние 15 лет процент черных учителей в Чикаго упал с 40 до 23.

30 июля 2015 г. Медленный исход предпринимателей из Бронзвилла

В дни своего расцвета район славился мелкими предприятиями, принадлежавшими черным бизнесменам. Куда они делись? Сыграла ли в этом свою роль отмена законодательной сегрегации?

26 августа 2015 г. Вест-Сауфсайд пытается возместить

ущерб от ухода фабрики Oreos и потери 600 рабочих мест

Компания, владеющая гигантской пекарней на пересечении 73-й авеню и Кедзи, переводит производство легендарных печений в другой район.

4 сентября 2015 г. Перед первым днем учебного года отряды «снова-в-школу» стучатся в каждую дверь

CPS (организация государственных средних школ города Чикаго) хочет убедиться, что студенты появятся в школе в первый день учебы.

10 сентября 2015 г. Группа по черным исследованиям отмечает 100-летний юбилей

Группу организовал в Сауфсайде Картер Г. Вудсон, основатель Месяца черной истории.

12 октября 2015 г. Доступное жилье в хорошие районы

Политики ищут пути строительства жилья для рабочего класса даже в самых элитных районах.

«

**72 процента списков
очередников на получение
доступного жилья были
закрыты.**

»

12 октября 2015 г. Критики утверждают, что кампания «Черные жизни имеют значение» не учитывает проблемы женщин

Кампания «Черные жизни имеют значение» сделала полицейское насилие против афроамериканцев темой национального значения. Однако высказываются опасения, что истории подвергшихся насилию женщин остались за кадром.

4 ноября 2015 г. Сложности в поиске доступного жилья

По новым данным, 72 процента списков очередников на получение доступного жилья были закрыты.

6 ноября 2015 г. Апелляционная комиссия по доступному жилью: «Мы просто сидим и смотрим друг на друга»

Спустя более шести лет после своего создания апелляционная комиссия Иллинойса, созданная для стимуляции строительства доступного жилья в муниципалитетах, не рассмотрела ни одного дела.

25 ноября 2015 г. Почему Чикаго не восстал после публикации видео с убийством полицейскими Лакуана Макдональда

После публикации видео, на котором зафиксировано убийство белым офицером полиции чернокожего подростка, власти готовились к волне протестов на улицах. Читайте комментарии молодых черных активистов, которые объясняют, почему протест оказался мирным — и все еще не закончился.

© Google Street View

7 декабря 2015 г. Спайк Ли ищет вдохновения в античности

Новый фильм Спайка Ли «Чи-рак» обращается к античным идеям в поисках решения для современного кризиса огнестрельного насилия.

18 декабря 2015 г. Травматологический центр послужит Сауфсайду

В Сауфсайде не было своего Травматологического центра с тех пор, как в 1991 г. закрылся центр Майкла Риза.

1 января 2016 г. Уровень убийств вырос за бурный 2015 год

Огнестрельное насилие на подъеме, но полиция сообщает о падении уровня преступности.

26 января 2016 г. Особые отряды для беглых подростков

Когда дети, находящиеся на государственном учете, пропадают в графстве Кук, их поиском занимается специальный отряд шерифов. Сотни детей были найдены с 2012 года. Но, по некоторым данным, проблема далека от решения.

31 января 2016 г. Эксперты в ООН говорят о расизме в США

Международная комиссия утверждает, что репарации могут быть способом преодолеть последствия уродливого рабовладельческого прошлого и законов Джима Кроу, которые все еще влияют на жизнь афроамериканцев.

«

**Постепенно появляются
рестораны и прочие
рекреационные заведения.**

»

1 февраля 2016 г. Черный молодежный «Проект-100» призывает требовать репараций

Национальная молодежная организация, базирующаяся в Чикаго, опубликовала свою политическую программу, обращенную к черной Америке. В программе заявлено требование о повышении минимальных окладов и запрете на ограничительную политику аренды жилья.

8 февраля 2016 г. Разговор об «интеграции внутреннего города»

Натали Мур с сайта *WBEZ* побеседовала с исследователями Робертом Часкином и Марком Джозефом об их новой книге,

посвященной жилищной политике чикагских властей.

29 февраля 2016 г. Работники *Nabisco* продолжают борьбу за рабочие места

Работники *Nabisco* продолжают бороться за то, чтобы предприятие осталось в Сауфсайде Чикаго. Материнская компания *Mondelez* строит новые производственные линии в Мексике.

10 марта 2016 г. Грядут торжества по случаю столетия Великого переселения

100 лет назад черные мигранты с юга начали свое путешествие в Чикаго. Идет подготовка к годовичному празднованию Великого переселения.

23 марта 2016 г. Исследователи утверждают: ничто не остановит пулю лучше, чем работа

Новое исследование, проведенное в Университете Иллинойса, показывает, что в молодежной безработице присутствует гигантское расовое неравенство.

8 апреля 2016 г. Заработал Афроамериканский архив черной истории

Чикагская группа *History-Makers* открыла свой цифровой архив для 10 университетов по всей стране.

12 июля 2016 г. Раса и этничность влияют на интересы молодых избирателей

Новый опрос показывает, что Хиллари Клинтон нужно еще много работать над симпатиями цветных избирателей, если она хочет выиграть президентскую гонку.

28 июля 2016 г. Вашингтон-парк недобрал голосов в качестве места для будущей библиотеки Барака Обамы

Библиотека будет построена в Джексон-парке — отличная новость для всего Сауфсайда.

3 августа 2016 г. Президентский Обама-центр — шаг в длинной истории Джексон-парка

Жители чикагского Сауфсайда в восторге. Но они хотят быть уверены в том, что Джексон-парк останется оживленным местом черной культурной жизни.

**5 августа 2016 г. Один белый житель Чикаго о посещении
Мartiном Лютером Кингом Маркет-парка**

«Не заметил в тот день, чтобы парк был полон любовью», — вспоминает Джим Капраро.

**10 августа 2016 г. Городская лига Чикаго: план по устранению
структурного расизма, стоящего за насилием**

Городская лига Чикаго выступила сегодня с планом по устранению структурного расизма в Чикаго.

**22 августа 2016 г. Как одна мама в одиночку создает в Эн-
гельвуде комьюнити**

Группа матерей все лето по вечерам патрулирует угол 75-й авеню и Кедзи — они жарят мясо на гриле, играют музыку и следят за играющими детьми. Но они помешали владельцу соседнего доходного дома, который требует, чтобы они ушли.

«

**Город пользуется озером,
чтобы растворить свой
индустриальный апломб.**

»

5 сентября 2016 г. Матери из Энгельвуда прощаются с летом
Энгельвудский материнский патруль прощается с летом,
вынужден искать новое место.

**16 сентября 2016 г. Исследователи почти не видят частных
клиник, продвигающих здоровый образ жизни в Сауфсайде**

По данным исследователей из Университета Чикаго, в Сауфсайде в два раза больше клиник диализа, чем центров для снижения веса.

**28 сентября 2016 г. Почему белая семья отдала свою дочь
в черную среднюю школу**

Исследование показывает, что белым студентам может быть

полезна интеграция, она делает их более понимающими и избавляет от предрассудков.

28 сентября 2016 г. Whole Foods открылся в Энгельвуде

Три года назад Чикаго потрясла новость о том, что *Whole Foods* откроется посреди продовольственной пустыни беднейшего черного района Сауфсайда.

30 сентября 2016 г. Исторические Розенвальд-Апартментс в Бронзвилле теперь сдаются по доступным ценам.

Цены варьируются от \$760 до \$900 в месяц.

10 октября 2016 г. Супермаркет Mariano открылся на земле, когда-то предназначенной для доступного жилья

Когда магазины решаются открыть филиал в Сауфсайде, это становится сенсацией.

© Google Street View

Общественный транспорт

По воскресеньям за проезд платят даже дети.

Как устроено пространство

Типичная, кажется, для американских крупных городов древнеримская разливовка на «вдоль» и «поперек» — стрит-грид — так, что одна улица тянется через весь город и в прямоте своей пересекает все его разнораспорные области: «белые», «черные», богатые, бедные, опасные и не очень. Расположенные на одних и тех же улицах, но в разных районах станции метро называются одинаково. Мы живем на Эддисон красной ветки.

В часе ходьбы — Эддисон голубой, чуть ближе — коричневой. На улице Кедзи пять станций метро, все носят ее название. Метро в Чикаго старое, навесное: «элевейтед» или просто L. Город испещрен ржавыми помостами в высоту второго этажа, по которым круглые сутки громяют оцинкованные вагонетки. Восемь из семи веток сходятся в центре города в так называемой Петле (*the Loop*). Петля — удивительное сооружение — опоясывает несколько кварталов знаменитых небоскребов, позволяя въехавшим на нее поездам совершить разворот и лечь на обратный курс. Тут же осуществляются пересадки. Кедзи пересекает Чикаго с севера на юг. Длина Кедзи — около двадцати миль. В центральной части к западу — Вестсайда: бедные и опасные территории. Направляясь из Вестсайда на восток, сначала из гетто попадаешь в промзону, фабричного вида пыльные дома с конструктивистским остеклением. Затем такие же здания, но переделанные в лофты, галереи и дорогие квартиры. Постепенно появляются рестораны и прочие рекреационные заведения, перетекающие в бетон и стекло небоскребов. За ними море — озеро Мичиган. Очень ветрено.

Местный праздник

День Казимира Пуласки мало известен за пределами Чикаго. Пуласки — герой Войны за независимость, служивший до нее в польской и российской армиях и ставший основателем американской кавалерии. Имя, которое носит улица Пуласки, идущая через весь город, и праздник Пуласки, который весь город отмечает с 1977 года, — результат усилий активистов и сенаторов от большой польской общины Чикаго.

Как устроена смычка города с искусством

Через канонизированный модернизм: 1) а) (европейский) в Чикагском институте искусств хранятся «Воскресный день на острове Гранд-Жатт» Сера и «Спальня художника» Ван Гога; б) (американский) в Чикагском институте искусств хранятся «Полуночники» Эдварда Хоппера и «Американская готика» Гранта Вуда. 2) В Чикаго строили Мис ван дер Роэ и Фрэнк Ллойд Райт. Здесь проходит важнейшая архитектурная биеннале. 3) В Чикаго руководил вторым Баухаузом Ласло Мохой-Надь. *Через систему современного искусства. Через музей.* Кроме твердыни Художественного института тут есть Национальный музей мексиканского искусства и Музей современного искусства, *Field Museum*, где хранятся археологическая и антропологиче-

ская коллекции, а также коллекция искусства Древнего мира, Музей афроамериканской истории и Музей истории Чикаго. Все они помогают разнообразить порой несколько навязчивую историю, которую рассказывает Чикагский институт.

Через субкультуру. Есть детройтское техно, есть чикагское техно, есть чикагский футворк, в футворке есть moves — есть шаги Вестсайда, есть шаги Сауфсайда, быстрые ребята знают, как подать свой бренд, — никакая субкультура не останется без грантов и культурологов, а за пять баксов можно нанять опытного репетитора, чтобы показал, как шевелить ногами.

Через нейборхуд. Комьюнити-арт-центры как пункты просветительской и творческой деятельности и местные муралисты, которые расписывают стены своих районов (черных, мексиканских или смешанных) политическим паблик-артом, образуют районную инфраструктуру художественной жизни, не связанную ни с системой современного искусства, ни с центральными музеями, ни с модернистскими ценностями. Ближе всего эти среды пересекаются с активистами, интеллектуалами и академическими исследователями, которые пытаются строить альтернативные истории искусства.

Через университет. Чего в Чикаго с его университетом хватает, так это исследователей, которые курсируют между перечисленными мирами.

© Google Street View

Как устроена смычка города с природой

Великое озеро Мичиган — море, от которого не пахнет, главный фактор этого места. Вдоль озера вытянут город. Небоскребы в районе Центральной петли смотрят в него как в зеркало — это парадная часть отношений города со своей водой. От озера проложены каналы, через которые перекинуты ве-

ликолепные клепаные мосты, крепкая старина индустриализации. На южном и северном концах город, напротив, пользуется озером, чтобы растворить свой индустриальный апломб. Десятки станций метро, вдоль берега тянутся песчаные пляжи и парки. Парки были устроены в XIX веке как пространства общественного досуга и примирения в стремительно раздувающимся от промышленных и торговых успехов мегаполисе, где бедные вдруг слишком резко стали отличаться от богатых. Население движется вдоль береговой кромки бегом и на велосипедах. Играет во все виды мячей. Жарит мясо. Ловит покемонов. Читает на шквальном ветре, выдирающем книги из рук. Выходит к озеру подправить далью уставшие от экранов глаза. Кое-где вода кишит собаками. Это собачьи пляжи. На берегу в киосках торгуют угощениями для собак. В городе быстро живут и героически умирают десятки и сотни тысяч белок, кроликов и крыс.

Как добраться до IKEA

IKEA находится в северном пригороде Шаумбург, туда не идет общественный транспорт. Чтобы попасть туда из центра, следует доехать на метро до *Ogilvie Transportation Center*, пересестись на систему электричек *Metra* и доехать до станции *Arlington Heights* (40 минут). От *Arlington Heights* до *IKEA* можно доехать только на такси (30 минут). Обратное добираться будет сложнее. Проще купить подержанную мебель на дворовых распродажах.

Выход

От дорогой аренды в приличных районах яппи-неудачники спасутся в Денвере. Из плохого района не так просто уехать, особенно если там родился. Но этот факт можно использовать для краудфандинга. «Поддержите *Drum Beat Journey* — проект, который документирует жизнь четырех афроамериканских парней, исполнителей на ведрах из Сауфсайда, в момент, когда они совершают музыкальное паломничество в Западную Африку. Используя пластиковые ведра как средство выразить мощные эмоции и познать свой творческий дух, Деметриус, Ди'Куан, Данте и ДаМонте, четверо молодых людей из самого сердца одного из наиболее жестких районов Чикаго, решили следовать зову своего сердца, которое привело их туда, куда их не привел бы разум».

Великий Новгород

Вход

В этот город искусствоведы попадают через университет, остальные — на поезде, автобусе или машине. Главный ветхо-древний вход — через который вошел в свое историческое существование сам этот город — по воде. Река Волхов и Ильмень-озеро — часть пути «из варяг в греки». Сейчас варяги и греки обходятся без Новгорода. С той древности Волхов **не потерял умения течь вспять**: не из Ладоги в Ильмень, а обратно. Новгород — очень плоское место.

<http://www.nat-geo.ru/fact/35108-непостоянные-реки/>

Как устроено пространство

Вокруг древнего мира, пристроившись, стелется современный, безвестный. Это спальные районы. К ним почти равнодушны две главные силы, которые схватились за сердцевинное ядро древности, — это силы Церкви и Музея. Обороняя свои драгоценности, каждая из двух готова огораживаться и юлить, принимая разные обличья. Где-то живут послушники, где-то закрыто на реставрацию, где-то законсервировано. Иногда брошено — не все древности одинаково драгоценны. Иногда бывает так: кто смотрит за этими местами, тот в них и живет, кто в них живет, тот и смотрит. Управители древностей оберегают их от губительного интереса, взглядов, сырости и лучей.

«

**В городе чем дальше,
тем сильнее пахнет ладаном
и воском.**

»

Государство не вмешивается, выдавая только на поддержание самой нетребовательной жизни долготерпеливых камней. На реставрационных столах в мастерских выложены тысячи древних кусочков, образующих лики и крылья. Федеральный центр в курсе — но не заинтересован скрепить осколки и переместить в вертикальную плоскость. Иногда силы Церкви

и Музея объединяются, но только ради экономии: город продолжается в озерах, на островах живут смотрители, в музеях правят хранители — они с друг другом на связи и в сговоре. Новгород расплывается в горизонтальном направлении, параллельно плоскости озера и реки, но для тех, кто попадает сюда через университет, важна не площадь, а глубина. В одном из открытых археологических раскопов я заметила человеческую челюсть, лежавшую без всякого присмотра. Я спустилась в раскоп, взяла челюсть и положила к себе в рюкзак.

Страх, связанный с городом

Некоторое время я чувствовала челюсть спиной и боялась заглядывать в рюкзак, если что-то было нужно достать. Шутка перестала нравиться, стало казаться, что челюсть принесет несчастье. Через пару часов я привыкла и стала смело доставать челюсть, рассматривать ее и играть с ней.

Как изменилась численность населения города с 1960 по 1990 год

С 60 669 в 1960-м до 231 000 в 1990-м. Выросла почти в четыре раза. Был построен ряд крупных промышленных предприятий.

Как изменилась численность населения города с 1990 по 2016 год

С 1990 года население с 231 000 упало всего на 10 тысяч. Это не идет ни в какое сравнение с резней, устроенной опричниками при Иване Грозном в 1569—1570 годах, когда было убито и запытано, по разным оценкам, от одной шестой до половины населения, и с динамикой 1571—1617 годов, когда из многотысячного города в результате Смуты и шведской оккупации остались в живых 527 человек.

© Google Street View

Запахи города

Кафе «Колобок» в сердце города, куда тянет и туристов, и местных. Бесподобно пахнет мокрыми тряпками, сдобой, жареным мясом и вообще всем, что есть в ассортименте. В целом в городе чем дальше, тем сильнее пахнет ладаном и воском.

Первое впечатление от города

Поезд из Москвы приходит ранним утром, когда город еще только начинает просыпаться. И таким утром он кажется на удивление не столько древним и не столько современным, сколько замершим где-то в Советском Союзе 70-х — 80-х годов. После Второй мировой войны люди здесь жили в землянках, город был полностью в руинах, и восстанавливать из них стали только памятники средневековой архитектуры — остальное было застроено по новой. Именно с этим меланхолическим послевоенным городом и имеешь дело по пути с вокзала.

«

Город военных спецпроизводств и шарашек, закрытых зон и «почтовых ящиков».

»

Самый большой / самый древний храм

Как и в Кизеле, самый большой и самый древний храмы города совпадают. Но, в отличие от кизеловского экс-ДК, новгородская Святая София — древнейший храм России. От Музея София перешла Церкви почти в ту же секунду, что кончился социализм, — в 1991 году. Но Музей не может так просто отступить от Софии. Слово «собор» подходит к Софии как нельзя лучше: здание вмещает в себя множество словно бы самодостаточных, но переходящих друг в друга пространств, самоценных, но наслаивающихся временных пластов — осознать этот простран-

ственно-временной комплекс за одно посещение невозможно. В Софию приходится возвращаться.

Самый большой завод. Последние массовые протесты в городе, в ходе которых пострадали протестующие

«Акрон» — третий по величине производитель минеральных удобрений в России. Основанный в 1961 году и ныне приватизированный, он был ключевым советским предприятием отрасли. Встречи с «Акроном» не минуют ни богомольные паломники, ни дотошные искусствоведы: он находится между Вяжищами, где расположен действующий монастырь, здания которого славятся своими изразцами, и Сырковом, где стоит полузаброшенный собор XVI века.

29 июля 2016 года «Акрон» посещал Владимир Путин, где

© Google Street View

с ним встречались председатель координационного совета ПАО «Акрон» Вячеслав Кантор, председатель правления «Акрона» Владимир Куницкий, председатель совета директоров Александр Попов и руководитель проекта строительства Андрей Колосовский.

Визит президента повлек неожиданные последствия, о которых высокопоставленные участники встречи, вероятно, никогда не узнают.

«В Великом Новгороде утром были задержаны трое пикетчиков — местный политик Андрей Никонов и две пожилые вкладчицы обанкротившегося кооператива «Общедоступный кредит», потерявшие свои сбережения. Они попытались провести пикеты по дороге к предприятию «Акрон», которое сегодня посещал Владимир Путин», — [сообщает «ОВД-Инфо»](#) со ссылкой на [«Великий Новгород.ру»](#).

<https://ovdinfo.org/express-news/2016/07/29/v-novgorode-zaderzhali-piketchikov-pytavshih-sya-vstat-u-dorogi-gde-proezzhal>

http://www.velikiynovgorod.ru/news/citizens/isteriya_po_prezidentu_zaderzhan_novgorodets_trebovavshiy_vstrechi_s_vladimirom_putinyam/

Где расположена гей-плешка

Помимо городского сада у кремлевских стен, что на месте скрытого в XIX веке земляного города, в городе есть несколько клубов, служащих местом гей-встреч. Некоторые недоброжелатели из местных видят в этом влияние столичной культуры Санкт-Петербурга. Комментаторы об открытии в Великом Новгороде клуба «Бункер»: *«Что самое “замечательное” во всем этом, так это существование в Санкт-Петербурге клуба “Бун-*

© Google Street View

<http://vnnews.ru/sobitjai/27907-v-velikom-novgorode-otkrilsya-nochnoie-klub-bunker-fotoreportaj.html>

кер”. И все бы ничего, если бы не профиль этого заведения — клуб для гей-круизинга, а по-простому — гей-клуб. **Уж не “филиал” ли открыли в нашем городе?**

Самое большое заброшенное здание

Помимо десятков условно законсервированных древнерусских забросов, на которые у государства не хватает энтузиазма, и еще менее им опекаемых зданий небольших мануфактур конца XIX — начала XX века в Новгороде есть целый заброшенный аэродром «Новгород» («Юрьево»), построенный в 1962 году и прекративший функционировать в 2006-м. Регулярные рейсы прекратились еще в 1997-м. «На территории аэропорта по сей день находится самая оснащенная в городе площадка для игр в пейнтбол. В 2010 году земля аэропорта была приватизирована. В настоящий момент идет строительство жилого комплекса “Аркажская слобода”» (Википедия). Жилкомплекс назван в честь находившегося на этом месте Аркажского монастыря, упраздненного еще в XVIII веке и разобранного в XIX — при строительстве аэропорта археологами были исследованы его фундаменты.

Какой район считается самым плохим

[http://gpnv.ru/
blog/388](http://gpnv.ru/blog/388)

[https://vk.com/
wall-312000_1360](https://vk.com/wall-312000_1360)

[http://gpnv.ru/
blog/382](http://gpnv.ru/blog/382)

GPVN.ru:

«На днях запустил опрос ВКонтакте, чтобы узнать какой район Великого Новгорода по мнению пользователей самый депрессивный. Пока без учета районов, которые присоединятся к городу в ближайшее время (Трубичино, Новая Мельница и остальные “новые” районы). Причиной проведения такого опроса стал также мой переезд в Северный жилой район Великого Новгорода. Некоторые новгородские СМИ тоже заинтересовались результатами опроса и сообщили своим читателям его результаты. На данный момент в опросе приняли участие более 300 человек. По началу лидировал Северный район, но сейчас Северный и Западный районы идут поровну, по 20% голосов, то есть по 60 человек проголосовали за депрессивность каждого из этих двух районов. Если подумать, то Северный и Западный районы сегодня — это практически весь город, большая его часть. Остальные районы — это либо центр города, либо отдаленные районы, такие как Деревяницы, Волховский, Кречевицы. Эти отдаленные районы в антирейтинге следуют за Северным и Западным».

«

Города оккупированы, но не нами.

»

«А район Колмово! Это самый декаданс и разруха. По прошествии трех лет, как я уехала оттуда, моя гоперская “Шука”, бомже-алкашная Нехинская и наркоманский отстойник между Псковской и Октябрьской — изменились вообще до неузнаваемости. Но Колмовский парк, район областной больницы и ветеранского госпиталя, по-моему стали еще хуже, чем раньше, при том, что там мамы с детьми гуляют, гимназия, 2 детсада, река...»

«А я свой Волховский ругать не буду. 61 год там прожил, и ничего, почти, там не изменилось. Разве что в клубе опять церковь открыли. Магазины были и 50 лет назад, были и три

спортплощадки, была и баня, библиотека, школа, сельсовет, медпункт и вечный кирпичный завод. Все то же».

Местный праздник

Забронзовел в монументе 1000-летия Руси еще в 1862 году.

Как устроена смычка города с природой

Отношения Новгорода с природой оформлены в охранном статусе памятника.

Смычка города с искусством

Смычка города с искусством попеременно оспаривается Церковью и Музеем. Этот спор можно увидеть с двух точек зрения.

С точки зрения потребителя культуры

Через логику Музея город распахнут во Всеобщую Историю Искусства — тут вам и приплывшие по морю романские врата из Германии, и фрескописцы, приехавшие с Балкан, и византиец Феофан Грек, и торговые контакты с городами Ганзейского союза, сказавшиеся на формах новгородской церковной архитектуры XV века, и даже чистейшая готика с нервюрами в Грановитой палате кремля. История искусств — ключ к космополитизму. Что Музей представляет как памятники, Церковь предлагает воспринимать как святыни. А святыня — всегда что-то немного не от мира сего, замкнутое в своей предполагаемой таинственности. Тут уже не до космополитизма — пространства церквей становятся сакральными утробами, которые не могут быть полноценно объяснены ни через какое внешнее, ни через какой контекст, будь то средневековый или современный, исторический или экономический. Русская национальная религия, одним словом.

С точки зрения производства культуры

Все наоборот. В этом городе Музей окукливается и огораживается, зато Церковь экспансивна. Музей защищается, Церковь атакует — много влияния в Великом Новгороде ей не бывает.

Как добраться до IKEA

Еженедельные поездки в Санкт-Петербург, до «Меги»-«ИКЕИ» на Дыбенко, из Великого Новгорода. Стоимость проезда туда-обратно с багажом — 700 рублей. Рейсы каждую субботу, отъезд из В. Новгорода в 8:30, обратный отъезд в 18:30.

Выход

Внутри одной из церквей XV века от нехватки жилья после войны сделали перекрытия и заселили людей. Еще недавно в отгороженном в отдельную квартиру алтаре была мастерская художника, заставленная картинами и сплошь заклеенная открытками с работами импрессионистов и постимпрессионистов. Этому же художнику принадлежало помещение этажом выше — там точно так же стены были покрыты открытками, а на полу и мольберте стояли очень похожие картины. Они отличались от картин в нижней мастерской только подписью, которая закручивалась в противоположную сторону. Другим отличием было то, что среди открыток в алтарной мастерской не было ню, а тут они были. Посетителям художник объяснял,

© Google Street View

что второй мастерской пользуется его брат — и от нее нет ключей у старообрядческого батюшки, который готовится занять церковь и часто приходит к художнику. Именно поэтому там могут находиться репродукции картин с обнаженными женщинами. Конечно, обе мастерские занимал один этот художник. И все картины, конечно, написал он сам. Вероятно, у него не было братьев, а может, даже и сестер. Может быть, он был безумен, а может, он просто был большой выдумщик. В 2014 году здание было передано Русской православной старообрядческой церкви и готовится к расселению.

Москва

Вход

В Москву нет въездов и выездов, самый разумный способ по-

пасть в нее — приземлиться на вертолете в самое темя, но эта возможность уже зарезервирована. Выехать из Москвы еще сложнее. Город в осаде, но некоторые ощущают ее как объятия. Когда протестовали дальнбойщики, стало ясно, что перспектива окружения города в кольцо — если бы вдруг для этого нашлись силы достаточной протяженности — реальна. Подвозы и подъезды продовольствия и других товаров через крупные пункты по окружности — слабый момент и одновременно потенциал для восстания, которое в будущем охватит город. Третье кольцо, парализованное силами повстанцев, — это был сильный мираж, который развеялся довольно быстро, но в который, кажется, поверили кое-какие чины. Аниме-фантазия, где караван постапокалиптических фур двигался, чтобы сомкнуться в кольцо вокруг обездвиженного города. Циркулярная система — удавка на шее Москвы; может быть, когда-нибудь ее стянут, и голова болванчика разлетится на ошметки. Эвакуироваться будем через грузовые врата «Ашанов», которые отверзнутся напролет.

«

Обсуждение плохих районов Москвы несет на себе печать бытовой ксенофобии.

»

Изменение населения с 1990 по 2016 год

По официальным данным, население выросло на 3 450 002 человека (почти на три с половиной миллиона) — до 12 330 126 (более 12 миллионов). Но перенаселенность Москвы, самого населенного города Европы, — мифологический сюжет. В Википедии раздел посвящен конспирологическим и научным версиям того, что такое «москвич», сколько человек проживает в городе на самом деле, сколько из них нелегальных мигрантов и приезжих. Самая радикальная цифра — 20 миллионов. В лю-

бом случае никто не узнает всех, кто живет в Москве.

Последние массовые протесты в городе, в ходе которых пострадали представители власти

Об этом часто говорят с опаской, а то и стыдом: 6 мая 2012 года протестующие били полицейских, срывали с омоновцев шлемы, кидали в них кусками асфальта и пластиковыми бутылками с водой. Вскоре Ксения Собчак публично отреклась от тех, кто поднял тогда руку на представителей власти, — **они нарушили закон и должны понести ответственность.**

Сейчас в тюрьме сидят люди, решившиеся бороться за право на город и право на государство. Пока они не на свободе, пока дело 6 мая не признано противозаконным, любые урбанистические подарки власти не могут избавиться от привкуса подачки, хотя привкус не нов. Города оккупированы, но не нами.

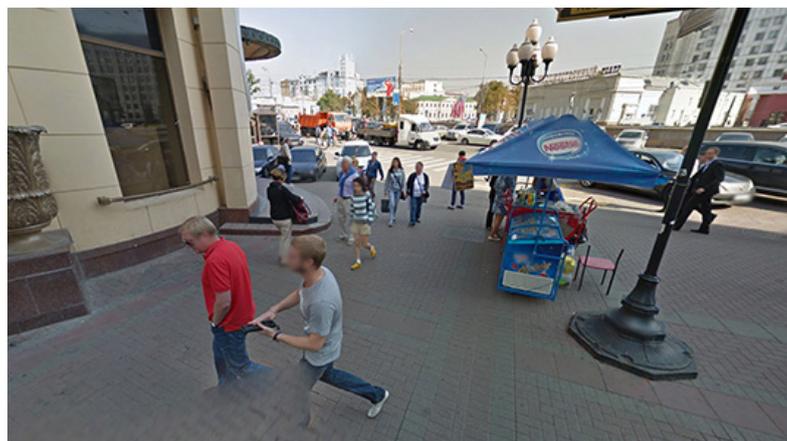
Запах

О том, что Москва плохо пахнет, москвич узнает, вернувшись с дачи.

<https://daily.afisha.ru/archive/gorod/archive/media-sobchak-kashin/>

© Google Street View

© Google Street View

Первое впечатление от города

Спросите приезжих.

Страх, связанный с городом

Страх, что не существует ничего, кроме Москвы, и что сама Москва вся одинаковая и укрыться в ней невозможно. Помню в школе тоску в конце лета оттого, что каждый раз, где бы ты ни был, надо возвращаться в Москву, — и каждый раз было ощущение, что никогда больше оттуда выбраться не получится. Конечно, это тоска столичного школьника-отличника. Невозможность настоящего путешествия.

«

**Эвакуироваться будем
через грузовые ворота
«Ашанов», которые
отверзнутся напролет.**

»

У этого страха есть две исторические реализации. Вторая — современная — расплывающаяся Москва триумфальной точечной застройки, избавляющаяся и от пустырей, и от точных границ с Подмосковьем. И первая — советская, уходящая корнями в сталинизм, но все еще пробивающаяся сквозь современность: город военных спецпроизводств и шарашек, закрытых зон и «почтовых ящиков», в одном из которых, занятых ракетостроением, работал мой отец. Он же рассказал мне в детстве об одном из самых моих тогда фобических объектов Москвы — ядерном реакторе Курчатовского института. Мы жили неподалеку от института, и по ночам ребенком я часто представлял, что, пока все спят, реактор взорвется, как в Чернобыле, и убежать из города мы не успеем.

Самый большой торговый центр

«Авиапарк» — сердце новой застройки Ходынского пустыря, известного по коронационной катастрофе. В советское время

тут был главный московский аэропорт, потом аэровокзал. Несколько лет назад на месте «Авиапарка» можно было бродить по зарастающим травой взлетным полосам и смотреть на Москву из ее внутреннего далека. «Авиапарк» открылся в 2014-м, это один из самых печальных памятников путинского урбанизма. Концентрирующиеся в сердцевине круглого пространства мегамолл, Ледовый дворец и церковь окружены фантастическим хороводом — шайбообразный небоскреб, дома-стаканы и другие дома, форма которых не имеет имени. «Авиапарк» — самый большой торговый центр в Европе, мираж, вводящий путников в заблуждение кажущейся близостью. Пришлый человек может передвигаться по Ходынке только по окружности, путь напрямик к «Авиапарку» перерезан, каждый дом отделен от соседнего радиусом забора с закодированной калиткой.

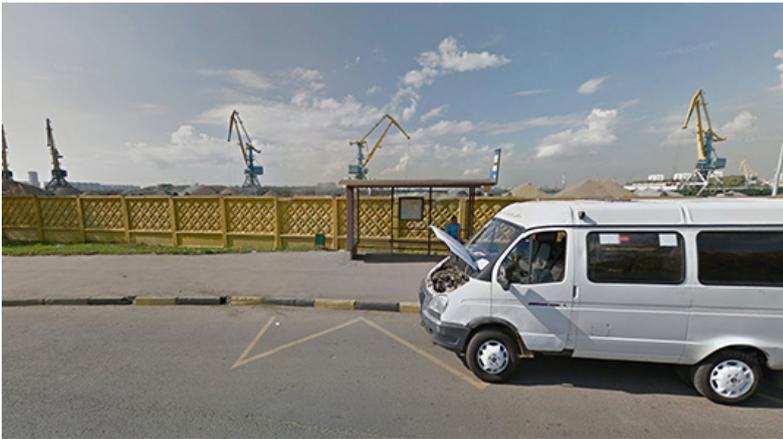
© Google Street View

Вместо листвы, прикрывающей приватность, — редкозубые железные ограды, сквозь которые свищут ветры. Нельзя обмануть просматриваемое и продуваемое пространство, порожденное фантазией о частной жизни на территории охраняемого комплекса в шаговой доступности от «Ашана». Впрочем, нерезиденты могут доехать до «Авиапарка» на бесплатном автобусе от метро «Сокол». Автобус ввиду недостаточной развитости общественного транспорта в этом районе очень популярен и среди местных.

Самый большой завод

Похожим образом на месте металлургического завода «Серп и молот» компания «Дон-строй» возводит элитный жилой комплекс «Символ» — что за символ, не уточняется, но подразумевается. Представители «Дон-строя» неоднократно сетовали,

что «Серп и молот» строили на тысячелетия и что снести его более затруднительно, чем компания рассчитывала. Но Москва уже не является тем городом заводских рабочих, которым она была 30 лет назад; теперь это город офисных работников. Так что самый большой завод Москвы сегодня — это самый большой офисный центр: Москва-Сити.

© Google Street View

Самый большой храм / самый старый храм

Самый старый и самый большой храмы Москвы — Спасский собор Спасо-Андроникова монастыря и храм Христа Спасителя — во всем противоположны друг другу: один миниатюрный, другой колоссальный, один — плод советской научной реставрации и реконструкции, другой — никогда не претендовавший на научность новодел, один построен, когда Москва еще не была монструозной «собираательницей земель русских», второй возведен как символ абсолютного первенства столицы, способный обновиться при любой смене политической конъюнктуры, будь то самодержавие (когда был сооружен первый ХХС), сталинизм (когда проектировался Дворец Советов) или капитализм (когда снова возвели храм).

Как изменилась численность населения города с 1960 по 1990 год?

Неуклонно росла: с 6,2 млн человек в 1960-м, когда была установлена граница города по очередному кольцу, МКАД, до 8,8 млн человек в 1990-м — и тогда Москва уже начинала за МКАД выплескиваться.

<http://www.colta.ru/articles/raznoglasiya/11740>

Где расположена гей-плешка

Московским «плешкам» посвящен [проект художника Евгения Фикса](#). Банальнейшие достопримечательности города — как сквер у памятника Пушкину или у Большого театра — увиденны двойным зрением: взглядом туриста или гида — и взглядом желания. В эпоху клубов, сайтов знакомств и специальных приложений для смартфонов «плешки» с их двойным зрением уходят в историю.

Самое большое заброшенное здание

«Синий зуб», заброшенный бизнес-центр «Зенит» на «Юго-Западной», — последнее творение советского архитектора Якова Белопольского — символ провала надежд перестройки на плавное и безболезненное введение в экономику СССР элементов рынка. Задуманное в конце 1980-х здание было почти достроено, когда в 1995 году произошел конфликт собственников, а подрядчик обанкротился.

Какой район считается самым плохим

Почти всегда обсуждение плохих районов Москвы несет на себе печать бытовой ксенофобии и мигрантофобии. Например: *«Чтобы составить “антирейтинг” московских районов с точки зрения качества жизни, мы обратились к экспертам рынка недвижимости с просьбой оценить районы города по шести параметрам: транспортной доступности, социальной инфраструктуре, качеству жилой застройки, экологической обстановке, [уровню преступности и присутствию мигрантов](#)»*. «Присутствие мигрантов» тут выступает как самостоятельный негативный фактор — помимо, например, уровня преступности или регулярности «Русских маршей». Похоже, никого из «экспертов» такая постановка вопроса не смутила.

<https://ria.ru/moscow/20131105/974770708.html>

Последние массовые протесты в городе, в ходе которых пострадали протестующие

Предлагаем читателям самим заполнить эту графу анкеты.

Местный праздник

Предлагаем читателям самим заполнить эту графу анкеты.

Как устроено пространство

Предлагаем читателям самим заполнить эту графу анкеты.

Как устроена смычка города с природой

Предлагаем читателям самим заполнить эту графу анкеты.

Как добраться до IKEA

Предлагаем читателям самим заполнить эту графу анкеты.

Смычка города с искусством

Предлагаем читателям самим заполнить эту графу анкеты.

Выход

О том, какой выход может быть из тупика под названием «Москва», размышляет вся страна.

Мы также предлагаем читателям самим заполнить анкеты по предложенному образцу для городов:

Иваново-Вознесенск

Нижний Тагил

Бишкек

Лальск

Медвежьегорск

Мариуполь

Ялта

Венеция

Лапута

Результаты присылайте по адресам:

gleb23@gmail.com, deadlyrattle@gmail.com

«Разногласия» благодарят комментаторов, блогеров, авторов новостных лент, составителей вики-статей и Дмитрия Власика за помощь в заполнении анкет.

Битва за Москву

Защитники Кусково
© Lena Hades

*О чем молчат The Village и Урбанфорум и чем 2016 год отличался для москвичей от пяти предыдущих, рассказывает социолог **Петр Иванов***

Город в России стал темой для широкой публичной дискуссии сравнительно недавно. Это произошло в начале 2010-х годов, когда начали стремительно появляться и проявляться ключевые производители урбанистического дискурса — «Стрелка», The Village, Илья Варламов и Максим Кац с их «Городскими проектами», Высшая школа урбанистики, Московский урбанистический форум, фестиваль «Делай Сам», Partizaning, а вслед за ними и другие медиа и институции, транслирующие пока еще неведомые для слуха внимательно следящего за модой читателя слова «урбанистика», «урбанист», «городская среда».

Важным импульсом к фокусировке внимания общественности на городе послужило движение «за честные выборы» 2011—2012 гг., одним из лозунгов которого был «Это наш город!», а один из лидеров — Алексей Навальный — призвал протестующих баллотироваться в муниципальные депутаты.

© vao.mos.ru

Эта протестная волна катализировала появление во многих районах Москвы независимых муниципальных депутатов и вызвала к жизни новую форму гражданских активистов — активистов городских. Начал бурно формироваться букет феноменов, до сих пор качественно не осмысленный, который нарекли зомби-понятием «хипстеры», чем во многом закрыли ходы к осмыслению. У публичных спикеров на страницах газет и в описаниях лекций начал появляться титул «урбанист». Все в едином порыве начали обсуждать качество городской среды, свои чаяния, требования и экспертные мнения по поводу того, как правильно прокладывать велодорожки, сколько нужно ставить лавочек и как же нам сделать так, чтобы было «как в Европе». Ключевые производители дискурса, к которым все пристальнее присматривалось правительство Москвы, обеспечивали наполнение дискурсивного поля новыми понятиями и зарубежными экспертами — Яном Гейлом, Энрике Пеньялосой, Вуканом Вучиком и незримо присутствующим Ричардом Флоридой.

Мало кто видел в разворачивающейся погоне за благопри-

ятной городской средой работу идеологий — разговор о них практически не шел. Отдельные попытки некоторых игроков поднять вопросы идеологии отметались, как не имеющие отношения к открывшейся новой реальности настоящих, конкретных дел, направленных на решительный качественный скачок в светлое будущее. Казалось, что образовавшиеся экспертные и активистские силы, наделенные верой и знанием в диалоге с озаботившимися общественным благом властями, отбросят все идеологические разногласия и вместе построят новые принципы городской жизни. Чего, разумеется, не произошло.

«

На наших глазах были упразднены муниципалитеты и демонтирован институт публичных слушаний.

»

Параллельно с восторгами от парка Горького, соседских обедов и появления пешеходных зон в центре Москвы в обиход москвичей начали входить такие понятия, как «градостроительный конфликт», «расширение вылетных магистралей», **«Петр Павлович Бирюков»**. Оказалось, что помимо улыбчивого Сергея Капкова на электрокаре в городской администрации есть еще крепкий хозяйственник Бирюков, практикующий ковровое благоустройство, и зловецкий Марат Хуснуллин, чьи строительные амбиции не знают слова «урбанистика». Эти люди, по сути дела отвечающие за физическое производство пространства города, не спешили корректировать свою практику в угоду разговорам о городской среде.

Отдельные образцово-показательные заповедники «нового русского урбанизма», расположенные, разумеется, в Центральном административном округе, появлялись, и некоторые из них действительно были симпатичны. Но уже тогда можно

[http://
compromatwiki.
org/Бирюков,_
пётр_Павлович](http://compromatwiki.org/Бирюков,_пётр_Павлович)

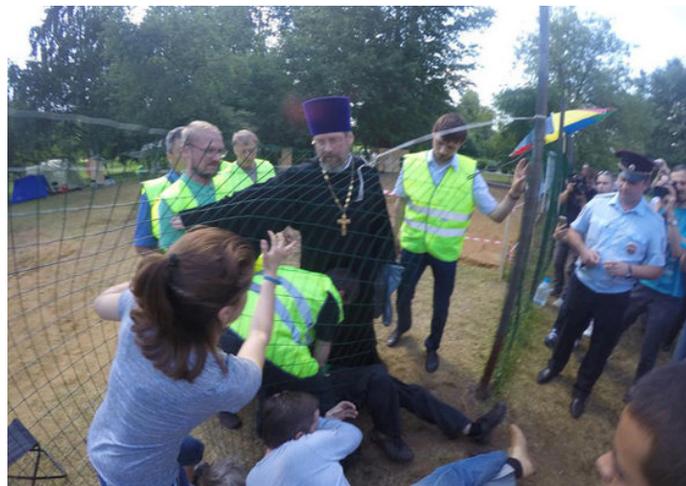
было заметить, как за декларируемой ценностью города в масштабе человека начинает проявляться, если называть вещи своими именами, идеология неолиберализма. Парк Горького, которому в один голос пели дифирамбы все городские издания, оказался слишком шумным и насыщенным активностями для пожилых посетителей и, кроме того, переориентировался

Задержание защитников
парки «Дубки»

на более платежеспособные группы населения — в первую очередь, на креативный класс. Пешеходные зоны также оказались неоднозначным явлением, поскольку были результатом того, как поняли городские власти понятие пешеходной инфраструктуры: тотально, нечувствительно к деталям, не заботясь о существующих и будущих смыслах.

У сэра Теренса Дэвида Джона Пратчетта в цикле фэнтези-романов о Плоском мире есть такой персонаж — Смерть. Смерть живет в собственном мире, однако с интересом смотрит на мир живых и даже иногда пытается его копировать

Применение силы
в парке «Торфянка»

для того, чтобы внучка Сьюзан чувствовала себя как дома. Так, например, у Смерти есть ванная комната, где есть красивые, но твердые полотенца, а трубы сделаны из цельного куска металла, без полости внутри, по которой могла бы течь вода. Эта ванная комната — точная метафора того города, который строило для москвичей правительство Москвы. Ведь те качества и элементы городской среды, что мы наблюдаем в восхищенных репортажах Ильи Варламова о городах Европы и Америки, — это не только и не столько продукт дизайна, сколько продукт демократического процесса, системы сдержек и противовесов, научного анализа, общественного обсуждения и долгосрочного планирования. Демократический процесс, конечно, не защищает от градостроительных ошибок, но он позволяет их признавать. В Москве же даже тот минимальный демократический процесс, который существовал, в последние годы стремительно сворачивался и подменялся технологиями псевдововлечения.

«

**Оптимизировалось
и сокращалось
здравоохранение,
осуществлялись слияния
школ, а ГБУ «Жилищник»
с энтузиазмом занималось
опустыниванием районов.**

»

На наших глазах были упразднены муниципалитеты и демонтирован институт публичных слушаний. Вместо этого были созданы площадки «Активного гражданина» и «Молодежного парламента», позволяющие как бы участвовать в принятии решений и в других аспектах жизни города, а на самом деле подменяющие вовлечение и волеизъявление горожан гейми-

фицированным участием в аккламации. Выборы мэра Москвы и выборы в Московскую городскую думу (а впоследствии и в Государственную думу), несмотря на то что на первых Алексей Навальный получил второе место, деморализовали оппозицию, объем вложенных усилий и ожиданий не соответствовал результату. Учреждения социального обеспечения, административный ресурс и советники управ в каждом подъезде смогли переварить почти все протестные усилия.

© Геннадий Гуляев / Коммерсантъ

Электоральная база протестов 2011—2012 гг. была в значительной степени убаюкана на глазах оживающей сказкой хипстерского урбанизма, дающего ощущение «как в Европе» здесь и сейчас. На фоне этого оптимизировалось и сокращалось здравоохранение, осуществлялись слияния школ, а ГБУ «Жилищник», созданное по образцу советского ПЖРО, с энтузиазмом занималось опустыниванием районов, игнорируя предписания ДПиООС по ограничению покоса зеленых насаждений. Неoliberalная политика снижения издержек и переложения расходов на жителей разворачивалась все сильнее.

И вот в 2016 году городское пространство в Москве наконец проявило себя по-новому — уже не как царство благоже-

<http://anna-nikolaeva.livejournal.com/357058.html>

<http://activatica.org/problems/view/id/387/title/moskvichi-vzyali-pod-ohranu-park-torfyanka-kotoryy-pytaetsya-zastroit-rpc#description>

<http://www.colta.ru/news/10868>

лательного или равнодушного консенсуса, а как поле битвы. Градостроительные конфликты пришли почти в каждый район. **Парк «Дубки», парк «Торфянка»**, дорога в Раменках, парк «Кусково», парк Дружбы, сквер у гостиницы «Спутник», поля Тимирязевской академии, апартаменты в Теплом Стане, точечная застройка в Тропареве-Никулине, **снос Таганской АТС** и еще десятки и сотни градостроительных конфликтов, вокруг каждого из которых жители районов объединялись, выходили на митинги, формировали межрайонные коалиции. На районных митингах все чаще звучали призывы баллотироваться в муниципальные депутаты на следующих выборах с тем, чтобы в районах было не по одному настоящему депутату, а по возможности все.

«

Парк Горького оказался слишком шумным для пожилых посетителей и переориентировался на более платежеспособные группы населения.

»

Также на этих митингах прозвучал важнейший тезис, что градостроительные проблемы районов — не отдельные случаи, каждый из которых необходимо тщательно разбирать, но результат системной дисфункции градостроительного права в Москве. Системной дисфункции, по сути дела наделившей неограниченной властью Градостроительно-земельную комиссию Марата Хуснуллина.

Наконец, все сильнее звучала тема окружающей среды — со ссылками на 42-ю статью Конституции РФ, закрепляющую за человеком право на благоприятную окружающую среду. И если на заре московской урбанистики эко-активисты вызы-

вали скепсис у городских активистов, то сейчас стало понятно, что город и природа — не только не взаимоисключающие, но органически переплетенные вещи.

Митинг в защиту парка «Дубки»

А пока районы полыхали в градостроительных конфликтах, пока их жители отбивались от строительной техники и боевиков из «Офицеров России», нападавших на митингующих на глазах у бездействующей полиции, сытый искусствовед Григорий Ревзин расписывал в своих статьях, как москвичи, словно бараны, сами потянутся на свежее благоустроенные улицы в Центральном административном округе. Ведь, объяснял он, эти улицы теперь оформлены по всем законам урбанистики ведущими специалистами — то есть по стандарту, разрабо-

Московский урбанистический форум 2016. Дискуссии «Этот мой район. Возрождение идентичности места»
© Михаил Терещенко / ТАСС / Московский урбанистический форум

танному на «Стрелке» чуть позже окончания работ по благоустройству и в соответствии с пожеланиями жителей, которых опрашивали уже в ходе проведения работ... Тем временем муниципального депутата района Хамовники Александру Парушину, попытавшуюся задать вопрос о вырубке Кускова и Лужников, [выгнали с Московского урбанистического форума охранники Марата Хуснуллина](http://www.greenpeace.org/russia/ru/news/2016/04-07-kuskovo-luzhniki/), дав всем понять, что форум — не место для дискуссий.

Одновременно горожане почти привыкли постоянно иронически изумляться фестивалям, непрерывно идущим во всем ЦАО и заполняющим улицы и площади все более и более немислимыми малыми архитектурными формами. Впрочем, «горожане» — не совсем точное обобщение. Речь, скорее, идет о тех, кто включился в урбанистический процесс в начале 2010-х годов. Для большинства москвичей в скульптурах «Урбантино» не было ничего предосудительного. Эти фестивали, проходящие на созданных для креативного класса пешеходных зонах, были направлены отнюдь не на хипстеров, но на тех, кто до сих пор был обделен вниманием московских властей, — небогатых жителей спальных районов, которые выбирают в центр города нечасто и в целом не против увидеть там любую «движуху». Для креативного класса правительство Москвы тем временем придумало гораздо более изощренную уловку.

«

Кризис ставит жесткое условие публичного одобрения любых решений партии и правительства.

»

Дело в том, что креативный класс хорошо чувствует себя в стабильных, растущих экономиках. Продукт его труда отнюдь не относится к товарам первой необходимости. Таким образом, креативный класс оказывается в уязвимом положении, когда дело доходит до экономического кризиса. Спрос на услуги

креативного класса падает, снижаются гонорары за проекты, расширяется спрос на низкоквалифицированных креативных специалистов, которые согласны работать на еще более плохих условиях. Впрочем, это касается коммерческого сектора. Российская экономика устроена так, что государство является наиболее стабильным заказчиком в кризис. Но государство понимает сложное положение креативного класса и предлагает ему контракт, который подразумевает даже не столько покупку у креативного класса его услуг, сколько покупку его лояльности. Если в докризисные годы можно было обслуживать госзаказ и одновременно выступать с критикой существующего положения дел, то кризис ставит жесткое условие публичного одобрения любых решений партии и правительства.

«

Неограниченная власть Градостроительно- земельной комиссии Марата Хуснуллина.

»

И ровно тут рассыпается представление о том, что урбанистика — это за все хорошее против всего плохого. И открывается подлинная идеологическая и политическая природа городских процессов. Может ли урбанист, наблюдая сотни градостроительных конфликтов в Москве, заявлять, что в Москве с приходом Собянина покончено с точечной застройкой? Может ли урбанист посещать Московский урбанистический форум, на котором не звучит ничего, кроме осанны Собянину? Впрочем, за это лето само слово «урбанист» стало ругательным, связанным с непрофессионализмом, дурным вкусом и полной нечувствительностью к реальности. Отмыть это слово от ругательных коннотаций может только гражданская ответственность профессионального сообщества. Но профессиональное сообщество еще не успело сформироваться, а гражданской ответственности угрожает искушение лояльностью.

Эти два тренда — с одной стороны, требование демократического градостроительного процесса со стороны жителей районов и потребность в гражданской ответственности профессионалов, с другой, непробиваемая решительность неолиберального альянса власти, бизнеса и лояльного креативного класса — задают то политическое поле, в котором будет формироваться новый дискурс городского развития. Сложно представить точно, как этот процесс будет происходить. Но я вижу

«

Александр Парушину выгнали с Московского урбанистического форума, дав всем понять, что форум — не место для дискуссий

»

здесь большой ресурс для самоорганизации: для привлечения профессионалов в активистские проекты по разработке инсургентных планов развития районов и создания профсоюзов урбанистов (или, если угодно, городских инженеров); для объединения различных районных инициативных групп в общемосковскую коалицию, создания платформы активистской и профессиональной взаимопомощи и обмена компетенциями; для народного просвещения в области градостроительства, территориального и муниципального управления, городской экологии. Впереди выборы муниципальных депутатов, и у коалиции есть шанс провести огромный корпус независимых депутатов в районные муниципальные собрания. И начать строить демократию, собственно, с самого низа. А вместе с демократией — и спрос на настоящих профессионалов.

Многие из этих процессов уже идут, пусть в не до конца проявленных форматах или только на уровне обсуждений, интенций, пожеланий. Но главное — понимать, что эпоха хипстерского урбанизма, аполитичного счастья от того, что ты

впервые услышал о понятии Анри Лефевра «право на город», безвозвратно прошла. Пора отстаивать это право в идеологической и политической борьбе, а не думать, что оно — лишь один из объектов потребления. Пора вернуть этот город себе.

НЭР: «мир, принадлежащий всем и каждому»

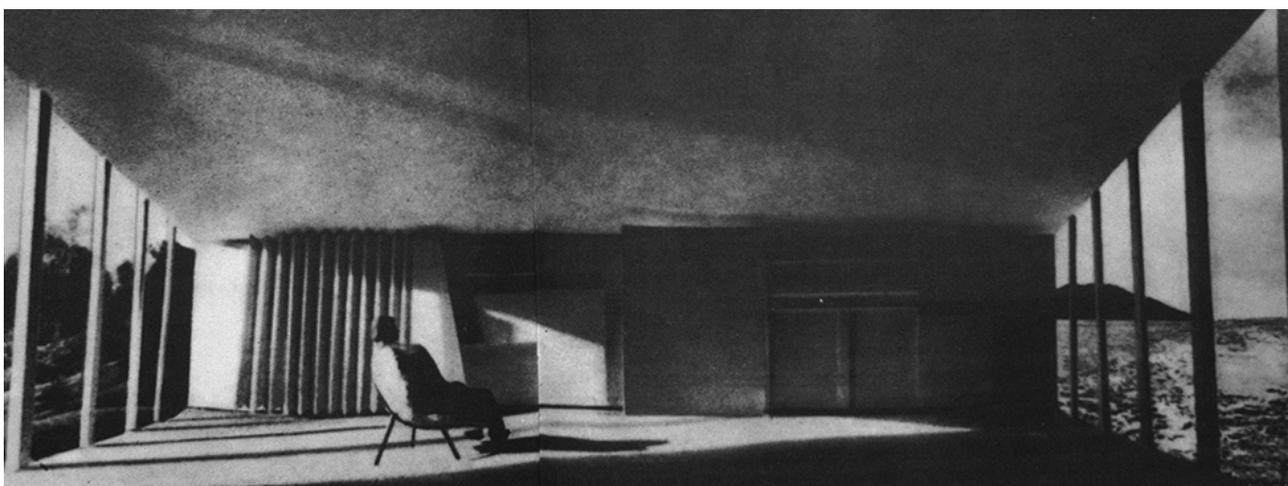

Иллюстрация к идее интерьера
квартиры, открытой на две стороны
света (Gutnov, A., Baburov, A. et al.
(1971). The Ideal Communist City.
G. Braziller, New York, p. 160—161)

В поисках альтернатив российскому урбанизму 2010-х историк архитектуры Дарья Бочарникова обращается к одному советскому проекту времен оттепели и хочет стать памятником тому призраку

В России 2010-х много спорят об урбанизме. В особенности много спорят о том, можно ли довольствоваться разными проектами городского благоустройства в контексте все большего ограничения политических свобод и неработающей системы политического представительства. По Ревзину и Баунов, это конфликт партии «европейских граждан» против партии «европейских горожан», выбор между политической свободой и комфортом повседневности. При этом Европа, которой обе партии меряют российскую политическую реальность и городскую среду, — тоже уникальный вымысел России 2010-х. Ино-

[https://snob.ru/
profile/5326/
blog/104531](https://snob.ru/profile/5326/blog/104531)

[http://carnegie.ru/
commentary/2016/
07/26/ru-64168/j37t](http://carnegie.ru/commentary/2016/07/26/ru-64168/j37t)

http://www.dp.ru/a/2016/09/01/Evropa_porusski?print=true

гда этот вымысел получается воплотить то в Парке им. Горького в Москве, то в **Новой Голландии** в Петербурге. Но от этих отдельных удач спор разгорается только еще ярче. Тем более на любой прогрессивный проект обустройства парков или улиц у городских властей есть уже не раз опробованный метод «ночи длинных ковшей». Даже защитнику собянинского урбанизма Ревзину такая методика городского благоустройства не по душе. «Собянинский урбанизм умер. Бесконечно жаль», — констатировал Ревзин в феврале 2016 г. после первого сноса киосков в Москве. И только Александр Баунов продолжает терпеливо разъяснять, что мещанское стремление к уюту — это и есть путь в европейское настоящее и нам всем давно пора расстаться с нашими иллюзорными представлениями о мире и уж тем более перестать исключать Россию из него. По Баунову, российский урбанизм 2010-х не хуже и не лучше урбанизма в других **«нормальных» странах**.

<https://daily.afisha.ru/cities/2856-sergey-sobyanin-ranshe-goroda-borolis-zazemlyu-i-zavody-aseychas-zalyudey/>

В этом споре, конечно, очень много сиюминутной российской специфики. Но в его основе — принципиальное напряжение между логикой революции и логикой реформ, которые по-разному постулируют роль городских преобразований в деле социального и политического прогресса. Это противоречие отлично обозначил еще Фридрих Энгельс в серии заметок, известных под общим заглавием «К жилищному вопросу», написанных в 1872—1873 годах. В этих текстах он обрушивает всю силу своей критики на два, казалось бы, противоположных течения — утопический социализм (и, в частности, Прудона) и консервативную (буржуазную) филантропию. В контексте стремительной урбанизации и обострения жилищного кризиса в индустриализирующейся Европе XIX века оба течения с одинаковой силой начали бороться за улучшение жизненных условий рабочих и расчищение трущоб. Для Энгельса эти усилия представлялись одинаково ложными и безрезультатными. Он настаивал: «Чтобы положить конец этой жилищной нужде, есть только одно средство: устранить вообще эксплуатацию и угнетение трудящихся классов господствующими классами». Никакие реформы и временные попытки облегчить положение рабочих, с точки зрения Энгельса, не могут изменить их жизнь к лучшему, а именно — искоренить фундаментальное классовое неравенство, встроенное в систему индустриального капитализма. С этой точки зрения городское благоустройство и любые попытки социал-реформаторов (таких, как Баунов и Ревзин) настоять на необходимости городских преобразо-

ваний — лишь способ замаскировать социальную несправедливость капиталистического общества и отвлечь пролетария от его борьбы за радикальное переустройство мира.

Кажется, за современной дискуссией о велодорожках, парках и киосках российская публика, порой сама этого не осознавая, пытается вести разговор о том, как именно нужно переустраивать российское общество, о том, возможны ли в принципе некоторые перемены без революционных потрясений, — и о том, правда ли, что без устранения системной коррупции любые городские проекты продолжают работать на благо (то есть обогащение) исключительно класса чиновников. Но хотелось бы, чтобы этот разговор о проектах

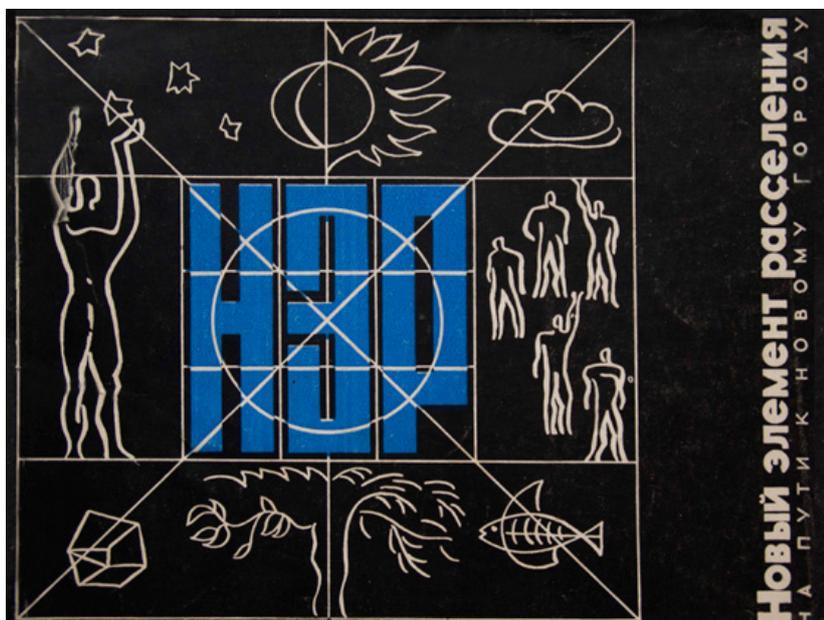
«

**Без устранения системной
коррупции любые городские
проекты продолжают
работать на благо (то есть
обогащение) исключительно
класса чиновников.**

»

благоустройства более откровенно оперировал желанными сценариями будущего и честнее обозначал неприемлемое в современном городе и государстве. Даже если предположить вслед за Энгельсом, что городские преобразования вторичны и не способны сами по себе разрешить социальные конфликты, дебаты о городе — это очень эффективный способ создания и обсуждения проектов будущего, а заодно и политического размежевания по более конкретным критериям, нежели «за все хорошее» европейское «против всего плохого» российского. Тем более в России у таких дебатов длинная и богатая история. О городе много спорили и в предреволюционной России, и в Советском Союзе. Причем если споры урбанистов

и дезурбанистов 1920-х — 1930-х гг. более или менее известны просвещенной публике (хотелось бы в это верить), то дискуссии о городе 1940-х — 1950-х и тем более поисковые проекты позднесоветского периода по большей части забыты.

Обложка книги «Новый элемент расселения». Авторы: А. Бабуров, А. Гутнов, Г. Дюментон, И. Лежава, С. Садовский и З. Харитоновна

На мой взгляд, один из самых любопытных и недооцененных проектов в этом архиве — проект группы НЭР, созданный на рубеже 1960-х. На волне десталинизации и широкого обсуждения принципов градостроительства группа студентов МАРХИ во второй половине 1950-х взялась за поиски схемы идеального города будущего. Первый вариант проекта был представлен в качестве коллективной дипломной работы в 1960 году. Более подробное описание «матрицы» расселения будущего нэровцы оформили в книгу-манифест, выпущенную издательством «Стройиздат» в 1966 году под заглавием «Новый элемент расселения. На пути к новому городу». После этого доработанные версии проекта выставлялись на Миланской триеннале в 1968 г. вместе с проектами таких современников, как «Архиграм» и Team 10, и на Всемирной выставке в Осаке в 1970 г. Благодаря Джанкарло Де Карло книга была сперва переведена на итальянский и следом — на английский язык. Проекты группы НЭР — неотъемлемая часть европейского неоавангарда 1960-х, стремившегося гуманизировать модернизм. При этом разработки группы НЭР содержательно достаточно сильно отличались от проектов европейских современников. Нэровцы на волне ревизии сталинизма пытались найти архитектурное

оформление коммунизму или как минимум обозначить альтернативу микрорайонам и хрущевкам эпохи «социализма с человеческим лицом». Это стремление нащупать новые формы быта общества будущего и таким образом закрепить результаты обновления советского проекта после смерти Сталина роднит группу НЭР с художниками и архитекторами эпохи «культурной революции» 1920-х — начала 1930-х годов.

«

**Проект группы НЭР —
это попытка предложить
систему расселения
в планетарном масштабе
для постиндустриального
общества НЕ-потребления.**

»

Фактически проект группы НЭР — это попытка предложить систему расселения во всесоюзном и даже, шире, планетарном масштабе для постиндустриального общества НЕ-потребления. В этом качестве НЭР — это достаточно радикальная альтернатива как современному российскому урбанизму, так и глобальному мейнстриму, редко подвергающему сомнению основы культуры потребления и частной собственности. Группа НЭР ставила своей задачей найти такую структуру расселения, которая позволит создать «мир, принадлежащий всем и каждому, мир, исполненный логики и уважения к человеку» («Новый элемент расселения», с. 116). Не ограниченные в своем мышлении реалиями частного землевладения, нэровцы предлагали создать равномерную сеть поселений ограниченного размера, не превышающих по численности 100 000 человек и обеспечивающих максимальное равенство возможностей. Именно так они видели основное преимущество коммунизма. В частности, они подчеркивали:

«Каждый человек при коммунизме будет иметь реальную и равную возможность свободно и гармонично развивать свои способности и применять их в творческом труде. Человек как творческая личность — в центре внимания коммунистического общества. С точки зрения проблемы расселения это значит, что где бы человек ни жил при коммунизме, он будет иметь одинаково благоприятную общественную и материальную среду для своего развития и творчества» («Новый элемент расселения», с. 22).

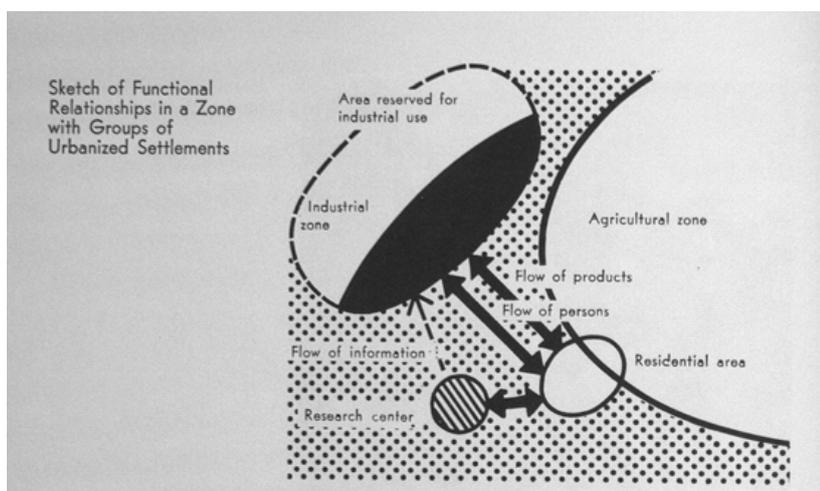

Схема функциональных связей эконом-географического района из английского издания книги (Gutnov, A., Baburov, A. et al. (1971). *The Ideal Communist City*. G. Braziller, New York, p. 46)

Чтобы воплотить этот идеал, нэровцы предлагали положить конец неконтролируемому росту городов, переориентироваться на «планомерный прерывный» рост индустрии и начать мыслить в масштабе эконом-географического региона («Новый элемент расселения», с. 33). Условно в модели эконом-географического региона они выделяли три основные функциональные зоны: 1) зону промышленного и сельскохозяйственного производства; 2) научные центры; 3) жилую зону (селитьба). Зоны промышленности, включая зоны потенциального роста промышленности, принципиально отделены от зоны жилья, примыкающей к зоне сельскохозяйственного производства и зоне «свободной природы». Научные центры, задуманные как объединение научно-исследовательских институтов, конструкторских бюро, лабораторий, высших учебных заведений и библиотек, приближены к зоне жилья. В условиях перехода к постиндустриальной экономике (или экономике знаний) и автоматизации материального производства роль умственного труда в производстве будет все больше увеличиваться, считали члены группы НЭР, а число

работников, задействованных в индустрии, будет постоянно снижаться. Это марксистское представление лежит в основе их идеи пространственной организации эконом-географического района. Именно научные центры, а не фабрики и сельскохозяйственные производства, с точки зрения группы НЭР, должны были со временем стать более значимыми центрами притяжения рабочей силы. Именно они максимально приближены к селитьбе. Жилая зона должна была объединить в себе как само жилье, так и ряд детских учреждений от яслей до средней школы, центр свободного общения, зоны общественного досуга, парки и различные предприятия общественного обслуживания, такие, как прачечные, столовые и магазины. В разработках дизайна селитьбы нэровцы ориентировались на идеал компактного города с многоэтажной застройкой, соразмерного пешеходу.

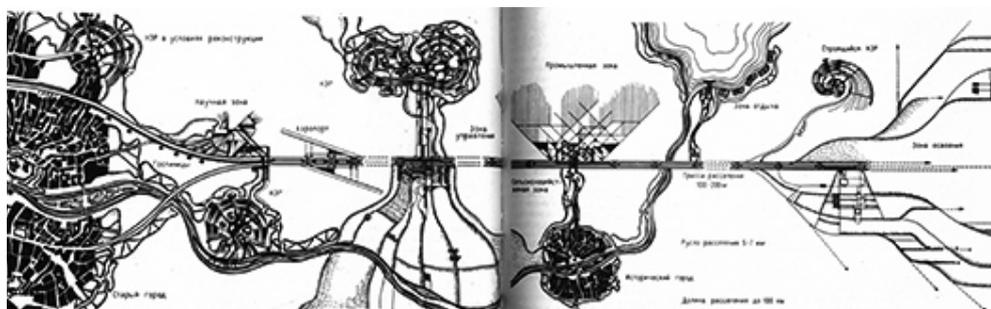
«

**Нэровцы предлагали
создать равномерную сеть
поселений ограниченного
размера, не превышающих
по численности
100 000 человек.**

»

В истории советских дебатов о городе НЭР можно читать как попытку примирить идеалы дезурбанизма и урбанизма. Перед нами модель районного расселения со множественными центрами производства и социального воспроизводства, связанная воедино системой транспорта и различными средствами коммуникации, которые обеспечивают циркуляцию предметов производства, людей и информации внутри района, чем-то напоминающая проекты Михаила Охитовича, главного вдохновителя дезурбанизма. В то же самое время группа НЭР

предлагала концентрировать жилье в компактных поселениях ограниченного размера. Научные центры тоже задумывались как компактные поселения, плотно «населенные» в течение рабочего дня. Иными словами, стремясь, с одной стороны, к созданию равномерной инфраструктуры в рамках региона или страны, обеспечивающей равенство возможностей для каждого отдельного индивида, группа НЭР, с другой стороны, также верила в ценность коллектива и необходимость обустройства пространства для общения и обмена. Эмансипация индивида и счастливая разносторонняя жизнь, с точки зрения группы НЭР, невозможны вне коллектива, а значит, задача архитекторов — найти такие формы расселения, которые будут отвечать не только потребностям отдельного индивида, но и потребностям разных коллективов. Поэтому проект НЭРа можно также читать как попытку на новом витке советской истории нащупать баланс между потребностями человека будущего в уединении и в общении, баланс между коллективизацией и индивидуализацией в системе расселения.

Поисковый проект группы НЭР (1968). «На чертеже условно показаны различные ситуации формирования и развития систем расселения — реконструкция крупного сложившегося города, формирование взаимосвязанной системы поселений, развитие новых поселений в условиях пионерного развития». Иллюстрация из книги: А.Э. Гутнов, И.Г. Лежава. Будущее города. — М.: Стройиздат, 1977, с. 44—45

При этом отдельно стоит отметить, что речь идет не только о необходимости обобществления быта, широко обсуждавшейся в 1920-х. В производстве, особенно в быстро растущей сфере научно-исследовательской деятельности, значимость коллектива тоже будет расти. Постиндустриальная экономика в видении группы НЭР — это не мир отчуждения в результате автоматизации, это скорее мир, движимый силой коллективного познания. Работе в одиночку нэровцы противопоставляли работу в коллективах:

«Вследствие массового производства информации, комплексного характера проблем и ограниченности познавательных возможностей людей, работающих в одиночку, изменяется

характер умственного труда. Получение, обмен и обработка информации в решающий момент ведутся не индивидуально, а коллективно. Любая комплексная проблема затрагивает сразу несколько сфер деятельности. Для ее постановки и решения требуется соответствующий коллектив людей — проблемный коллектив. <...> Речь, следовательно, идет не о простой сумме узких специалистов, говорящих подчас на совершенно различных языках, а о коллективах совершенно многосторонне гармонично развитых людей с призванием, способных к полноценному продуктивному общению, к совместной обработке информации» («Новый элемент расселения», с. 31).

«

Баланс между потребностями человека будущего в уединении и в общении, баланс между коллективизацией и индивидуализацией.

»

В видении НЭРа машины, освобождая людей от оупляющей работы, дают людям уникальный шанс посвящать больше времени саморазвитию и самообразованию. В этом смысле концепция НЭРа работает на создание адекватных условий как жизни, так и работы, способствующих максимальному «раскрытию индивидуальных наклонностей и интересов, дополняющих и обогащающих профессиональную подготовку в избранной сфере познания» («Новый элемент расселения», с. 31). Основные сферы жизни — труд и свободное времяпрепровождение — мыслятся взаимодополняемыми. Это также значит, что человек в градостроительной концепции НЭРа не сводится к фигуре рабочего или потребителя.

Следуя мысли Маркса и Энгельса, нэровцы считали, что ра-

бочее время будет постепенно сокращаться, а свободное время — постоянно расти:

«С учетом предела рационального сокращения рабочего времени до 4 часов в день и в результате рациональной организации системы бытового обслуживания свободное время в ближайшее десятилетие, — читаем мы в книге, изданной в 1966 году, — может достигнуть 8—9 часов в день, не считая увеличения числа выходных дней и продолжительности ежегодного отпуска» («Новый элемент расселения», с. 61).

Иллюстрация к главе «Производство и расселение» (Gutnov, A., Baburov, A. et al. (1971). *The Ideal Communist City*. G. Braziller, New York, p. 30—31)

Эти размышления наталкивают нэровцев на достаточно радикальное переосмысление жилого поселения. Жизнь «Нового элемента расселения» организуется вокруг центра досуга, который соединяет функции культурного производства и потребления, общения и самообразования. Таким главным градообразующим предприятием в концепции НЭРа мыслится многофункциональный клуб по типу клуба рабочих 1920-х годов. И даже численность населения НЭРа рассчитывается группой из необходимости создания такого «развитого центра культурной самодеятельности» («Новый элемент расселения», с. 60). По прикидкам группы, именно 100-тысячное население, включая 60 тысяч взрослого населения, является «минимальной социальной базой для полнокровной жизни клуба по интересам» («Новый элемент расселения», с. 65). Фактически это предложение движимо той же идеей создания более равномерной инфраструктуры и критической оценкой концентрации культурных ценностей и институций в столицах и крупных городах. Вторя программе КПСС 1961 года, нэровцы выступают

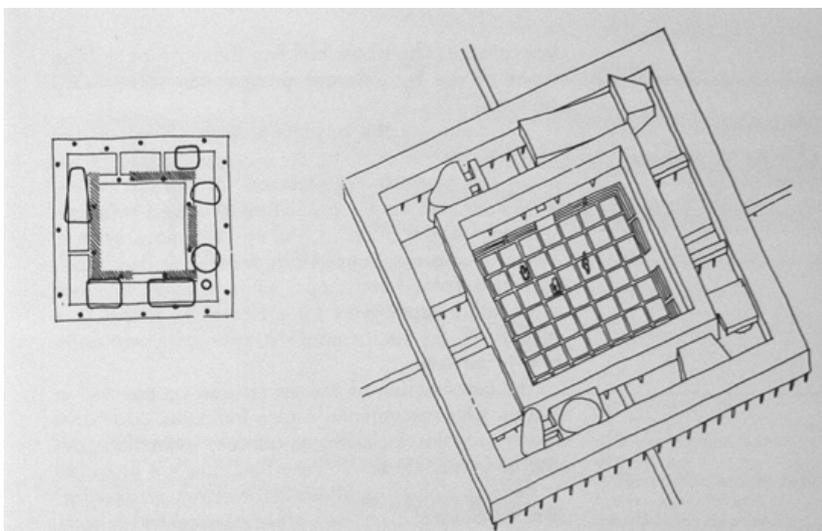
за «увеличение сети библиотек, лекционных и читальных залов, театров, домов культуры, кинотеатров; широкое развитие народных университетов, театральных коллективов и других самодеятельных культурных организаций; создание широкой сети общедоступных научных и технических лабораторий, художественных мастерских и киностудий для работающих в них

«

Мир пешеходных улиц с уличными кафе и магазинами — это «мир, принадлежащий всем и каждому»?

»

всех, имеющих стремление и способности» («Новый элемент расселения», с. 63). К тому же, настаивала группа НЭР, «по мере роста свободного времени и культурных потребностей» такой универсальный клуб по интересам станет местом, где люди проводят «столько же времени, если и не больше, сколько дома и на производстве (в необходимое рабочее время)» («Новый элемент расселения», с. 65). Именно поэтому клуб ока-

Общественный центр НЭРа.
Иллюстрация из: Gutnov,
A., Baburov, A. et al. (1971).
The Ideal Communist City. G.
Braziller, New York, p. 125

зывается максимально приближен к жилью. Таким образом, группа НЭР задает определенный маршрут «дом-клуб-работа» или «работа-клуб-дом», который в то же самое время отражает движение индивида из зоны уединения в сферу общения по интересам и дальше в сферу профессионального общения.

Вовлеченность в жизнь клуба тоже мыслится как многоступенчатая система от более пассивного посещения лекций, выставок, обсуждений и представлений до участия в образовательных программах с целью повышения квалификации или смены сферы деятельности и до активного участия в деятельности секций и кружков в роли энтузиастов своего дела и учеников. Такой клуб — это площадка для обмена знаниями, место общения и развлечения. Культурное производство и потребление помещено в самый центр системы расселения. Материальное производство, быт, потребление — все это тоже неотъемлемые элементы системы расселения, но они организованы именно вокруг потребностей человека в общении и знании.

рис. 104. Единая сеть расселения покрывает территорию страны

Иллюстрация из книги:
А.Э. Гутнов, И.Г. Лежава.
Будущее города. — М.:
Стройиздат, 1977, с. 108

Сегодня видение группы НЭР легко отвергнуть как утопию 1960-х, основанную на вере в эмансипацию через образование, культуру и человеческое общение, при этом сильно завязанную на систему централизованного администрирования и к тому же нечувствительную к вопросам экологии. Вместо критики этого проекта мне кажется важным задуматься о ценностях, которые легли в основу этого видения, и внимательнее взглянуть на ценности, лежащие в основе новых идеологий городского благоустройства. Мир пешеходных улиц с уличными кафе и магазинами — это «мир, принадлежащий всем и каждому»? Достаточно ли внимания мы уделяем в новых проектах благоустройства потребностям человека в производстве и потреблении культуры, в свободном общении с другими людьми вне контекста потребления? Доступны ли эти ценности

кому-то помимо жителей столиц и крупных городов? Задавая эти вопросы, также стоит не забывать, что группа НЭР искала ответы, когда казалось, что страна движется к разрешению жилищного кризиса. Впрочем, решение жилищного вопроса, как указывал Энгельс, требует гораздо более радикальных мер и, возможно, действительно находится вне поля российского урбанизма 2010-х.

Зомби-манифест неолиберального урбанизма

Музейный центр
«Наследие Чукотки».
Город Анадырь

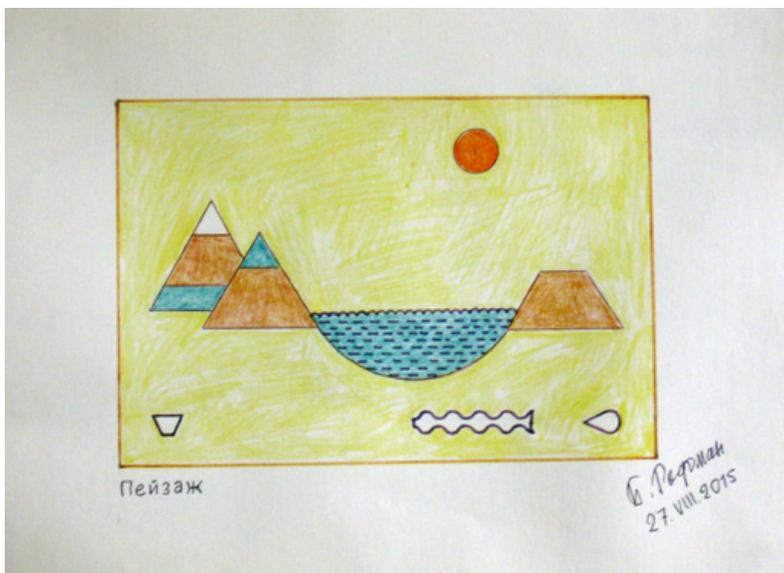
*Подмосковные «Коротыщи» как постгородской
лимб. Географ Николай Смирнов о квиризации
пространств и самого себя*

Где искать альтернативу?

Генетическая связь капитала и урбанизации неоднократно подчеркивалась географами и социологами. Например, социолог Анри Лефевр утверждал, что капитализм выживает посредством производства пространства. Географ Дэвид Харви в 1970-е и 1980-е годы развил эту мысль применительно к урбанистике. Именно экспансия «городской ткани» (термин Лефевра) является тем механизмом, с помощью которого капитализм решает проблему избыточного финансового капитала. Рост городов служит важным экономическим стабилизатором

капитализма в глобальном масштабе и ключевым фактором его распространения¹.

«Капитализм вынужден урбанизировать, чтобы воссоздать себя»², — говорит Харви и приводит два известных примера резкого расширения городской среды: одно произошло в Париже в третьей четверти XIX века, другое — в Нью-Йорке в 1940-е — 1970-е годы. И «османизация» Парижа, то есть перепланировка столицы Франции под руководством барона Османа, и кардинальная перестройка столицы США «главным строителем» Робертом Мозесом, по мысли Харви, были, в первую очередь, эффективным средством вывода рынков из кризиса. В результате возникли мощные новые рынки «бульварного»

Б.Б. Родоман.
«Любимый пейзаж
Родомана», 27.VIII.2015

потребления в Париже и пригороды-субурбии в США³, которые поглотили избыточный капитал путем застройки и привлечения инвестиций. Харви называет этот процесс расползания «городской ткани» «пространственно-временной фиксацией» (*spatio-temporal fix*).

На более глубоком уровне эти процессы наследуют и в то же время отрицают принцип локализации суверенитета и его сцепки с территорией в производстве геополитики-геоэкономики-геокультуры. Фундаментальную критику геокультуры современной капиталистической мир-системы проводит историк Иммануил Валлерстайн⁴. По его мысли, после Великой французской революции окончательно сложилась привязка суверенитета к территории, и сегодня мир предстает как мозаика ареалов, где каждая группа конструирует свою идентичность,

чтобы предъявить права на некоторую территорию. В различные периоды такими субъектами суверенитета выступали политические, экономические и культурные акторы.

Ни Валлерстайн, ни Харви не предлагают ясного выхода из такого положения дел. Они подробно его описывают как диагносты, но их призыв к альтернативе не вполне конкретен. В этом призыве ясно одно: принцип локализации суверенитета и капитала должен быть преодолен, география переосмыслена и уничтожена в своей нынешней власти. Но, описывая тотальность как тотальность, Харви и Валлерстайн занимаются тавтологией власти, попадая в методологическую ловушку.

«

**Производство «городской
ткани» приняло невиданные
ранее масштабы: теперь она
концентрируется не только
в городах, а движется словно
сама по себе.**

»

Эта проблема идет еще от Маркса, который выступил глубоким теоретиком капитализма и, по словам Эрнста Блоха, вынужден был думать как капитализм, чтобы проникнуть в его логику, подобно тому как следователь начинает мыслить как преступник в целях раскрытия преступления. После этого Маркс, убедившись, что уловил историческую логику, начинает взывать исходя из нее к альтернативе и порождает идеологический проект, который представляет собой нечто совсем другое, нежели его теоретический и диагностический проект.

Подобное раздвоение повторяют практически все критические мыслители: сначала описывают «тотальность тотальности», потом переходят к страстным призывам альтернативы. В такой модели любая альтернатива, находящаяся «за» предела-

ми системы, вскоре присваивается ей, временные автономные зоны (по Хаким-Бею) становятся полем для новой пространственно-временной фиксации, а критических мыслителей и художников — во многом справедливо — обвиняют в том, что они удваивают власть и служат дальнейшей экспансии и усилению гибкости критикуемого ими порядка.

Однако, как показывают Валлерстайн и Харви, капитал сам же производит новую реальность, отрицая и сметая свои предыдущие состояния. Анализ Валлерстайна мало касается урбанизации, а ведь именно в резком расширении городской ткани после неолиберального поворота 1980-х происходят необратимые трансформации обществ и государств. Настолько сильные, что становится возможным говорить о конце национальных государств (*nation-state end*^v). Возможно, именно неолиберализм и его «городской взрыв» являются тем поворотным пунктом, в котором капитализм, по мысли Маркса, сам произведет альтернативу, которая его уничтожит. Только вот окажется ли эта альтернатива тем, на что мы возлагали надежды?..

Дмитрий Замятин.
Работа из серии
«Геокалликратия».
Снять засосной аргамачь
(Елец), карта города,
тушь, 2015

Поляризованный город модерна

Советский географ Борис Борисович Родоман^{vi} признает необходимость городов как центров концентрации и создания различных ценностей, но при этом их недолюбливает: ведь города уничтожают природу. В качестве выхода Родоман предлагает модель поляризации биосферы: города и зеленые зоны обра-

зуют две параллельные сети, «разводятся» по разным полюсам в пространстве.

Борис Родоман часто рисует по кальке один и тот же пейзаж: он называет его «Любимый пейзаж Родомана», после чего дарит его друзьям и любимым. Сам Родоман отказывается трактовать его, однако, учитывая наличие нескольких сквозных тем в творчестве ученого, я считаю его аллегорическим изображением *opus magnum* географа — поляризованной биосферы, а в нашем контексте — поляризованного индустриального современного города^{vi}.

«

**20-километровая зона вокруг
столицы превращается
в сплошную многоэтажную
застройку, формируя
непрерывную агломерацию,
образования наподобие
«Коротиц» (Мытищи+
Королев+Пушкино+Щелково).**

»

Тогда горы на рисунке представляют города — «вершины духа», а озеро — природные заповедники. Пейзаж можно продолжить вширь в заданном формальном ритме, и тогда другие горы и озера создадут две перемежающиеся сети — городской и природной ткани. При взгляде на ландшафт сверху мы получим подобие поляризованной биосферы — модели предлагаемого Родоманом мирного сосуществования цивилизации и природы. Интересно, что некоторые горы на его рисунке также содержат в себе зеленые зоны: это уже поляризация внутри города, то есть парки. Если уменьшить масштаб рисунка в духе

любимого ученым фрактального самоподобия, то весь рисунок в целом можно прочесть как изображение города с зонированием разного уровня или же его части, где цветовая раскладка тождественна стандартной раскладке географической карты: поселения обозначены оранжевым, природа — сине-зеленым.

Отдельный интерес для интерпретации составляют оранжевый круг вверху и знаки внизу. Круг в моей трактовке — это не только солнце, но и обозначение возможности взгляда сверху — взгляда, который открывает аллегорическую сторону рисунка, позволяя прочесть в нем схему поляризованного ландшафта. Кроме того, оранжевый круг — это и традиционное изображение города на географических картах, и означающее горных вершин, и обобщенный вид на них сверху. Сложнее дать трактовку нижним знакам. Располагаясь примерно там, где располагается легенда на картах, они могут указывать как на второй — условный — характер рисунка и возможность его расшифровки, так и на некую «подземную» реальность ландшафта. Рискну придать этому значение подстилающей абстракции, которая опосредует весь ландшафт. Например, в случае капиталистического города и урбанизации такой абстракцией является капитал, производящий урбанизированный ландшафт (или урбанизированное пространство) посредством пространственно-временной фиксации.

Имел ли в виду именно такие построения Борис Борисович Родоман или нет — неизвестно. Однако, если учесть определяющее значение концепции поляризации ландшафта для его творчества и крепкую марксистскую выучку советского географа социально-экономической специализации, моя трактовка довольно закономерна.

В любом случае родомановская поляризация позволяет построить также модель поляризованной городской ткани. Распределение по оси «культура — природа» можно заменить или дополнить социально-экономической поляризацией «трудолюбия — элитная застройка». Эти две поляризации в постиндустриальном городе стремятся к совмещению — точнее, к гибридизации природного «зеленого» и элитного полюсов.

Поляризация — это модель формирования зрелого индустриального современного города и тот принцип мышления, который до сих пор по инерции часто применяется к городу постмодерна. Но, хотя процессы поляризации продолжают происходить в неолиберальном городе и современная урбанизация усиливает поляризацию, на мой взгляд, процессы вто-

рой половины XX века радикально изменили город, в то время как Харви с Валлерстайном продолжают судить о городе и мире с позиций модерна, хотя Харви и описывает неолиберальные трансформации.

Весь XX век критически настроенные мыслители и художники имели перед собой поляризованный городской ландшафт и жили в нем. Свою цель они видели в разрушении границ, видимых и невидимых, в их преодолении. Соответственно сложилась определенная традиция борьбы внутри поляризованного города. Труды Вальтера Беньямина, Анри Лефевра и Мишеля де Серто сформировали т.н. урбанистический метанарратив, дающий в руки художникам теоретический аппарат для различных практик «разрушения» внутригородских стен. Фланирование, ситуационистский дрейф, городские тактики — все это орудия критического художественного арсенала, призванные «раскачать» ситуацию, осуществить «право на город», умножить городские пространства.

Дмитрий Замятин.
Работа из серии
«Геокаликратия».
Окраин анорексия
(Екатеринбург), карта
города, тушь, 2015

Важным понятием на этом этапе развития критического урбанизма была предложенная Фуко «гетеротопия», то есть пространство, «выламывающееся» из городских порядков, место, в котором свое право на город может осуществлять сразу несколько групп населения — в различных режимах, создавая

в одном физическом месте как бы различные смысловые пространства. Горизонтом критических художественных практик XX века была именно гетеротопия — многомерность городского пространства, стремление к которой чаще осуществлялось в прямом противостоянии Системы и Индивида в трансгрессии городских границ, производимой прямым, непосредственным локальным телесным действием^{viii}.

Парадокс в том, что капитал параллельно, а часто и совместно проводил свою трансгрессию, и, кажется, на этапе неолиберализма мы получили качественно другую ситуацию, когда накопленные противоречия и множественные «преодоления» принципиально изменили положение вещей, создав ситуацию постгорода. И старой концепции поляризации в этой ситуации уже недостаточно.

«

Неолиберальные города — это города для предпринимателей, а не для горожан.

»

Неолиберальный постгород: нормализация квір-онтологий
Неолиберальный город (постгород) продолжает поляризовать пространство, однако делает он это с бóльшим размахом и хаотичностью, переводя поляризацию внутрь и тем самым разрывая себя на части. Разломы и конфликты идентичностей интериоризируются, а гетеротопия, согласно теоретику постгорода географу Дмитрию Замятину^{ix}, выворачивается наизнанку: не физическое место может содержать много режимов и дискурсов, но само пространство формируется как сеть отрицающих друг друга, взаимно «слепых» мест. Замятин пишет: «Постгород означает в онтологическом смысле амбивалентное сосуществование сопостранственностей, рождение нового типа места, отрицающего “по-гегелевски” само себя, появле-

ние видимого феноменологически пространственного “негативизма” (имея в виду негацию по Адорно)^х».

В качестве образной иллюстрации этих процессов приведу работу Дмитрия Замятина из его серии «Геокаллиграфия», общим для которых является жест псевдокитайской восточной каллиграфии, совершаемый поверх существующей городской схемы, которая выполнена в традиционной для западной системы мышления планировочной проекционной сетке. Это черный фундаментализм, одновременно отрицающий подложку, но не убирающий ее, вступающий с ней в сложный режим сосуществования пространств и мест.

Дмитрий Замятин.
Работа из серии
«Геокаллиграфия».
Храмами охромев
(Касимов), карта города,
тушь, 2015

Сегодня единая современность ставится под вопрос в тотальной сконструированности пространств. На место единому глобальному пространству приходит сопостранственность. Возвращается античное понимание пространства как хоры со своей системой координат для каждого места. Только теперь множественность этих хор изменчива и подвергается постоянной реиндивидуации, хоры не стабильны и не эссенциальны, как в античные времена, а вступают друг с другом в ситуативные партнерские и антагонистические отношения. И оператором этого нового понимания пространства, расползающегося по планете, выступает неолиберальный город.

Начиная с 1980-х в мире происходит новый «городской взрыв». Производство «городской ткани» приняло невиданные ранее масштабы, теперь она концентрируется не только в городах — цельных и отграниченных, отгороженных явлениях, — а движется словно сама по себе, чаще всего даже не формируя

городов в привычном смысле этого слова. Исследователи-урбанисты, например Найгель Трифт и Эш Амин, говорят о необходимости переосмысления понятия «город» и замены его на более широкое понятие «городское», обозначающее сложную сеть постоянных индивидуаций со множеством акторов, где человеческое переплетено с нечеловеческим: машинным и природным.

«

**Квир, обычно понимающийся
радикальными мыслителями
в освободительном ключе,
оказывается авангардом
неолиберальной
урбанистической трансгрессии,
которая создает армию
прекариата, зомби-армию.**

»

Неолиберальная логика проводит тотальную ресурсную реструктуризацию, в которой ресурсом является все: материя, люди, процессы, бренды, представления, образы, руины... В философии постструктурализм уравнивал эти сущности, разместив их на единой сложной материальной поверхности, и различные версии философии нового материализма (спекулятивный реализм, объектно ориентированная онтология) все многообразнее выражают это новое состояние мира. Единственным критерием для вынесения суждения в неолиберализме признается эффективность. Все становится взаимозаменяемым монетизируемым ресурсом: и нефтяные скважины, и образы, и «духовные ценности».

В новой практике управления городом эффективность так-

же ставится во главу угла. Поэтому неолиберальные города — это города для предпринимателей, а не для горожан. Огромные финансовые излишки пространственно фиксируются через урбанизацию посредством двух основных процессов.

Первый — бустеризм — стратегия быстрого развития городов любой ценой, в котором лавинообразное расширение «какой угодно» городской ткани «заземляет» избыточный капитал в девелоперской деятельности и создании новой инфраструктуры. Второй — реструктуризация уже существующей, но малоэффективной городской ткани посредством джентрификации. Как показал географ Нил Смит, джентрификация запускается со стороны капитала и имеющегося неравенства между существующим и потенциальным рентным доходом с городской недвижимостью (*rent-gap theory*), а не со стороны потребительского спроса, и является новым городским фронтиром, ареной борьбы полюсов, которая происходит уже внутри неолиберального города.

В итоге возникает два городских фронта: один находится на периферии производства городской ткани, а другой — множественный, реструктурирующий — рассеян внутри нее. Эти процессы хорошо видны в сегодняшней Москве. С одной стороны, идет мощная и хаотичная девелоперская застройка Подмосковья, население которого в ближайшие пару десятков лет, по некоторым оценкам, увеличится на 5 миллионов человек. 20-километровая зона вокруг столицы превращается в сплошную многоэтажную застройку, формируя непрерывную агломерацию, образования наподобие «Коротыч» (Мытищи + Королев + Пушкино + Щелково).

С другой стороны, центр Москвы в последние годы проходит интенсивную джентрификацию и турификацию — то, что Дмитрий Ольшанский назвал **«когалымской урбаниной»**. Схожие процессы в Нью-Йорке происходили в 80-е — 90-е годы XX века. В результате подобных процессов, по словам Харви, глобальные города сегодня стали глобальными паразитами, в которых красиво потребляют то, что в материальном плане производят в других местах — т.н. потогонных фабриках, гигантских агломерациях третьего мира.

Другой пример неолиберальной реструктуризации — столица Чукотки, город Анадырь. В 2000-х годах команда Романа Абрамовича провела здесь комплексный ребрендинг. Образные ресурсы сегодня так же монетизируются, как и «классические» минеральные, и их точно так же надо «добывать», то есть про-

<http://vzenite.info/society/1849-dmitriy-olshanskiy-pochemu-moskvichi-nenavidyat-kogalymskuyu-urbaninu.html>

водить ребрендинг. Команда московских креативщиков совершила то, что многие восприняли как анадырское чудо: в городе появился ряд знаковых строений вполне в постмодернистском духе — например, дом-медведь и самый большой в мире памятник Николаю Чудотворцу, стоящие рядом. Кроме того, была проведена мощная «добыча» образных ресурсов, возникли новые бренды: «Артика» (новое монументальное искусство), развлекательный центр «Баклан», радио «Пурга». На улицах появились плитка и хипстерские велостоянки, советские панельные дома раскрасили в яркие цвета, а московский центр современной культуры «Гараж» провел фестиваль современной культуры.

Современный пейзаж
подмосковного Реутова

Квинтэссенцией подхода стал музейный центр «Наследие Чукотки», где на стеклянных подиумах перемешаны все возможные экспонаты. Старинные ритуальные предметы «коренных» народов соседствуют с поделками современных мастеров, которые в новой экономике идентичностей вынуждены «работать чукчами», подобно крокодилу Гене из советского мультфильма, который днем работал крокодилом в зоопарке, а вечером одевался и шел домой играть в шахматы. Тут же рядом — чучела птиц и зверей, картины советских художников, рекламные материалы спонсоров, просто современные промышленные предметы. Все экспонаты выложены на стеклянные поверхности в контражурном освещении, так что их фактуры не разглядеть, они превращаются в силуэты, подобные картинкам, приплывающим пользователю интернета по поис-

ковому запросу. В ресурсной неолиберальной логике все равно всему, *anything goes*; главное — успешность и эффективность. Музей наследия превращается в конструктор идентичности, где посетителю предлагаются различные ингредиенты, чтобы «собрать» самого себя.

Так сегодня функционирует городская ткань — глобально-планетарный гибрид, адский бульон, городское, в котором происходят постоянные процессы распада и сборки идентичностей, коммуникативные поножовщины и войны под постоянными вторжениями всеобщего Внешнего — «ножа мясника» (пользуясь терминами философа Резы Негарестани). Как сказал один из героев сериала «*Westworld*», «Ад опустел, все бесы уже здесь!» — и эта реальность производится именно неолиберальным городским.

«

Реальный коммунизм — это зомби-постапокалипсис, который уже наступает в больших городах.

»

Можно ли вообще помыслить альтернативу в ситуации, когда внешнее и внутреннее вывернуты и пронизывают друг друга, а городская ткань приняла планетарный масштаб? Любая внешним образом понимаемая альтернатива быстро становится новым ресурсом. Какое-то время тактический урбанизм рассматривался как альтернатива неолиберальному урбанизму, однако его методы (локальная множественность, *grassroots*, *DIY*-инициативы) совпадают с характером неолиберальной урбанизации^{xiii}. Локальные телесные действия расшатывали государственническую модернистскую структуру городской ткани, действуя в одном потоке с неолиберальной рыночной трансгрессией капитала, которая фактически и уничтожила национальное государство. Возможно, это именно та точка, где праволиберальный и леволиберальный проекты совпадают, на-

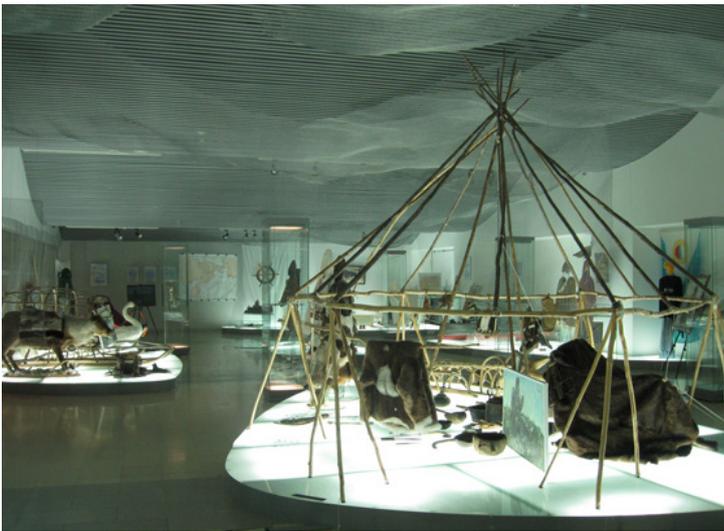
правляясь к общему горизонту, который Маркс назвал «коммунизмом», и горизонт этот производится самим капитализмом.

Этот парадокс — эффект разрыва между теоретическим проектом Маркса и его идеологическим проектом, который унаследовали все позднейшие построения критической теории. Однако современная критическая теория должна каждый раз переформулировать положение вещей в новых терминах: ведь, по словам Харви, долгие годы проводящего глубокий анализ Маркса, «капитализм никогда не является постоянным»^{xiv}. Он адаптивен и создает подвижные реалии. В неолиберальной ситуации подвижность этих реалий переходит на новую качественную стадию, порождая в городской ткани квир-онтологию. И это разделение примерно соответствует той границе, которую Майкл Хардт и Антонио Негри проводят между современным городом и постмодерным, возникающим тогда, когда, согласно их теории, глобальная Империя создает «выровненный мир»^{xv}.

Может быть, это и есть начало коммунизма? Но только реального коммунизма, оказывающегося совсем не тем утопическим светлым горизонтом, к которому звали. Славой Жижек в фильме «*Marx: reloaded*» приводит беседу с Негри, сказавшим ему: «А представляешь, если коммунизм на самом деле похож на ситуацию с картины Брейгеля “Пословицы”, когда каждый живет в меру своей глупости?» Возможно, мясное поле контингентности, современная городская ткань — это проблеск того реального горизонта, который производит капитал. Вопросом о парадоксальном «коммунизме капитала» заканчивает Паоло Вирно свою книгу «Грамматика множеств»^{xvi}. На вопрос, чего ждать от этого «коммунизма капитала», теоретиками предлагаются разные ответы. Хардт и Негри считают что множества (*multitude*), субъект позднего капитализма, разорвут своего отца — капитализм — изнутри, а Жижек критикует эту позицию как теоретическую ошибку, идущую еще от Маркса, ибо эти грезы капиталистического горизонта производятся «изнутри» капитала, принадлежат ему и трансгрессия капитала не может преодолеть свой предел^{xvii}.

Как бы то ни было, интенсивность процессов продолжает нарастать. В пространстве неолиберализм производит лимб: сотни километров тошнотворного «городского» со снятыми различиями, и прекариат — субъект (точнее, «не-субъект») этого пространства, конечно, не единственный, но самый массовый. Как индустриальный капитализм произвел проле-

тариат, так неолиберальный продолжает производить прекариат — зомби-«не-субъект», полностью лишенный стабильной идентичности. «Плоская онтология» странного материализма в отношении субъектности и при полном критическом снятии эссенциализма становится квир-онтологией. Парадоксальным образом квир, обычно понимающийся радикальными мыслителями в освободительном ключе^{xviii}, оказывается авангардом неолиберальной урбанистической трансгрессии, которая создает армию прекариата, зомби-армию.

Музейный центр
«Наследие Чукотки».
Город Анадырь.
Вид экспозиции

Сила зомби в том, что он — проводник энтропии, все, что у него есть, — это тело, но это даже не тело, а булькающая плоть, которая может терять свои части, но продолжать передвигаться с единственной целью — пожрать живого. Возможно, реальный коммунизм — это зомби-постапокалипсис, который уже наступает в больших городах, на новом фронтире. Мы можем сменить работу, профессию, место жительства, ориентацию и даже пол, и мы делаем это много раз. Это настоящая армия, авангардная армия нового, последнего, этапа либерализации: после него наступит настоящий коммунизм, который окажется совсем не тем, чего ожидали и на что надеялись, и появится новый Маркс, на новом, пост-ООО^{xix}, языке напишет «Коммунизм», ужаснется описанному и воззовет к новой альтернативе, к выходу из этого тошнотворного выровненного мира. Но, конечно, это не будет путь назад, потому что любая идентичность сегодня — это постструктуралистский симулякр и новый товарчик. А сейчас процесс, кажется, перешел критическую отметку. Как говорит тот же герой «Westworld», который оказывается созданным

андроидом: «Своими грязными руками мы отомстим вам. Вы не понимаете, где находитесь: в клетке своих грехов». И говорит он это своему создателю. Выращена армия, которая сожрет своих хозяев. Зомби, ангелы энтропии, выращенные и живущие в лимбе и языке, ни живые, ни мертвые.

И главный ужас — мы внезапно узнаем в том, чего боялись и что считали жутким Иным, самих себя. Но в этом перевороте и состоит неожиданно обнаруживаемая альтернатива: мы не доктор Франкенштейн, мы — его дитя, тот самый монстр, от которого мы собирались убежать. И, значит, мы должны оторвать голову своему создателю...

С этим нужно свыкнуться: мы — полный квир, и мы хотим ЕСТЬ!

Теперь повторю еще раз.

— Урбанизация — это вывод рынков из кризиса путем территориальной фиксации избыточного финансового капитала и ключевой фактор распространения этого капитала вместе с производством городской ткани.

— Неолиберальный период (с 1980-х годов) характеризуется самым масштабным городским взрывом. Вместо цельных городов появляется «городское» — явление планетарного масштаба.

— Неолиберальная урбанизация расширяет городскую ткань на двух фронтах: вовне, а также путем внутренней реструктуризации, основным механизмом которой является джентрификация, создающая новый, тотальный, внутренний фронт.

— В результате наряду с продолжающейся в «городском» поляризацией возникает побочный продукт — лимб: выровненное пространство квир-онтологий, основным субъектом которого является «не-субъект» — прекариат, «бездомное» множество (*multitude*).

— Способен ли этот квир, зомби — ангел энтропии, осознав свою монструозность и сконструированность, «сожрать» своего хозяина или его трансгрессия установлена пределом капитализма — этого автор не знает. Все написанное он применяет к себе изнутри и снаружи, будучи, как и многие ныне живущие, омерзительной квир-тварью с плавающей идентичностью.

i David Harvey. *The Urbanization of Capital. Studies in the history and theory of Capitalist Urbanization.* — Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1985.

ii D. Harvey *The Urban Experience.* — Oxford: Blackwell, 1989 / Перевод В.В. Вагина (2009).

iii См., например: D. Harvey. *A Brief History of Neoliberalism.* — Oxford University Press, 2005; <http://www.inop.ru/reading/page140/> **Д. Харви. Неолиберальная урбанизация.**

iv Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. Пер. с англ. П.М. Кудюкина. Под ред. Б.Ю. Кагарлицкого. — СПб.: Университетская книга, 2001.

v См., например: Saskia Sassen. *Territory, Authority, Rights: From Medieval to Global Assemblages.* — Princeton University Press, 2006.

vi Борис Борисович Родоман (1931 г.р.) — советский и российский географ, публицист, теоретик географии. Развиваемые Родоманом построения теоретической географии и предлагаемые им модели отражают особенности ландшафта СССР и России. Разработал концепцию картоидов как особого языка теоретической географии. Ряд картоидов демонстрировался на выставках современного искусства, например, на выставке «Метагеография» в ГТГ (2015), где они воспринимались как параллельные и близкие московскому концептуализму опыты и документации психогеографических практик советской интеллигенции.

vii О поляризованной биосфере и комплексе географических идей Б.Б. Родомана на поле искусства см.: Б. Родоман. Поляризованная биосфера. Сборник статей. — Смоленск: Ойкумена, 2002; Н. Смирнов. Борис Родоман. Дискретизация территории: тело и текст // ХЖ, № 96, сс. 98—105.

viii Подробнее описание критических и исследовательских художественных практик в городе XX века см.: Н. Смирнов. Искусство действия в городской среде // Городские исследования и практики. Том 1. № 1. — М.: ВШЭ, 2016. Сс. 39—54.

ix Дмитрий Николаевич Замятин (р. 1962) — российский географ, культуролог, поэт, эссеист. Автор оригинальных концепций гуманитарной географии и метагеографии. Понимает географию с постструктуралистских позиций языка и текста, в центр своей деятельности ставит понятие пространства, к которому ищет подход со стороны географических образов. В последнее время работает с теориями постгеографии и постгорода, выходя на поле современного искусства. Научный консультант и сокуратор проектов «Метагеография».

<http://www.russ.ru/pole/Postgeografiya-goroda-strategii-prostranstvennogo-voobrazheniya>

x Дмитрий Замятин. Постгеография города: стратегии пространственного воображения // Русский журнал.

xi *Neil Smith. The new urban frontier. Gentrification and the revanchist city.* — Routledge, 1996.

<http://tfolk.ru//2016/06/03/подмосковье-ожидает-коллапс/>

xii Подмосковье ожидает коллапс.

xiii См. об этом: Neil Brenner. Is «Tactical Urbanism» an Alternative to Neoliberal Urbanism?.

http://post.at.moma.org/content_items/587-is-tactical-urbanism-an-alternative-to-neoliberal-urbanism

xiv Д. Харви. Неолиберальная урбанизация.

xv Хардт, Негри. Империя. — Праксис, 2004. Сс. 12—13, 309.

<http://www.inop.ru/reading/page140/>

xvi *Paolo Virno. A Grammar of the Multitude: For an Analysis of Contemporary Forms of Life. Trans. Isabella Bertolotti, James Cascaito and Andrea Casson.* — N.Y.: Semiotext[e], 2004. — 120 p.

<http://www.topos.ru/article/4298>

xvii Славой Жижек. «Объект желания» как внутренний предел капитализма. О Майкле Хардте и Антонио Негри. Перевод и примечания Михаила Немцева.

https://vk.com/doc12791205_276201099?hash=b12cc371414e724d3c

xviii См., например: Донна Харауэй. Манифест киборгов.

xix ООО — объектно ориентированная онтология — теория в философии, развиваемая Грэмом Харманом, принадлежит к семейству новых философских теорий, называемых странным реализмом, спекулятивным реализмом etc.

«В Сантьяго продолжается студенческая демонстрация. Студенты требуют от правительства ускорить реформу, которая позволит получить бесплатное университетское образование для всех чилийцев. Напомним, что 22 мая в Чили состоялись студенческие столкновения с полицией, в результате которых один человек погиб...»

— Привет, бабуль!

Бабушка оглядывается. Ищет, откуда идет голос.

— Привет, — отвечает.

— Ну как дела вообще? Телик смотришь?

— Да.

— Ты знаешь, что есть еще другие каналы? Переключать умеешь?

— Нет.

— Понятно.

Смотрит прямо на меня — в камеру, установленную сверху.

— Болит у тебя что-нибудь?

— Нет.

— Это хорошо, когда ничего не болит.

— Да.

В начале 1970-х, во времена Альенде, в Чили разрабатывалась амбициозная система по управлению всей экономикой страны — *Cybersyn*. Целью проекта было свести в единую сеть большинство предприятий страны, предоставив междисциплинарному экспертному совету, во-первых, инструменты мониторинга, а во-вторых, инструменты управления экономикой как единым целым. Важно было оставить предприятиям достаточно большую степень свободы, чтобы они могли функционировать без вмешательства извне, если на производстве не происходит каких-то серьезных отклонений от запланированной стратегии развития.

Стаффорд Бир, английский ученый-кибернетик, был приглашен к участию в проекте в качестве эксперта по промышленной кибернетике. Его направление деятельности в то время — многослойная ризоматическая организация производства, которая оставляла возможность автоматизировать производство средствами, отличными от вертикального подхода, господствовавшего в мейнстримовой кибернетике того времени. Такой взгляд Бира на организацию производства резонировал с уверенностью чилийских социалистов в том, что экономика страны должна развиваться по пути максимально возможной свободы действий предприятий. Этот подход к организации экономики

был частью реформ, проводимых правительством Альенде, а автоматизация процессов управления экономикой — инструментом для ускорения строительства общества нового типа.

На момент начала работ над проектом (1971 год) экономические статистические отчеты готовились с отставанием от текущего момента на год — столько времени требовалось на агрегацию и обработку данных, поступающих от предприятий. Новый проект предполагал работу с экономическими показателями в реальном времени. Это означало, что все процессы производства нужно было представить в виде, который позволяет передавать, архивировать, агрегировать, обрабатывать данные о производстве. То есть требовалось разработать концепцию общения машин между собой.

«

Если нашим миром управляют трейдинг-боты, то нам определенно нужен бот-президент.

»

Cybersyn — это радикально новый для своего времени интерфейс взаимодействия человека с экономическими процессами. Члены экспертного совета не умели печатать на клавиатуре — для этого существовали специально обученные люди, поэтому был придуман интерфейс, который одновременно был понятен человеку, погруженному в техническую культуру 1970-х, и позволял бы активно влиять на систему.

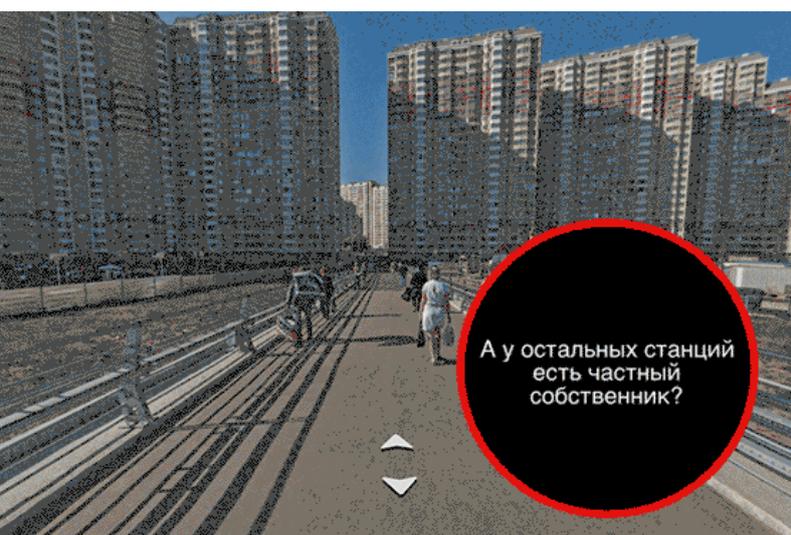
Сейчас мы тоже находимся в ситуации, когда сложность сети, вокруг которой раскручивается большинство процессов, в которые мы вовлечены, — экономических, социальных, политических, — не дает нам шанса ухватить суть и влиять на ситуацию, используя старые инструменты. Технологии всепроникающего наблюдения и *Big Data* организуют постоянный мониторинг и обратную связь с системами, которыми мы пользуемся, — это успешно решается большими корпора-

циями. Создание же интерфейсов, посредством которых можно было бы влиять на ситуацию, нам еще предстоит. Сейчас нам нужны интерфейсы, способные активизировать технологии не для улучшения уже существующих в обществе процессов, а для создания тех, что могут раздвинуть горизонт желаний.

50% трафика в интернете генерируется не людьми и, самое главное, не людьми и потребляется. Что это за трафик? Всевозможные резервные копии одних частей интернета, которые копируются в другие части интернета; информация о функционировании устройств и программ, собирающаяся системами мониторинга и автоматического реагирования; команды, которые эти системы реагирования посылают подконтрольным им системам. И, конечно же, трафик, генерируемый автоматическими трейдинг-ботами.

В этой ситуации нам необходимо повышать компьютерную грамотность и быть готовыми стать операторами интерфейсов завтрашнего дня. Мы можем разрабатывать инструменты, думать про интерфейсы и при этом сохранять возможность юмора, иронии и технологического смеха над всеми нашими разработками. «Если нашим миром управляют трейдинг-боты, проворачивающие через себя за день бюджеты небольших стран, то нам определенно нужен бот-президент, который был бы в состоянии за этим всем хозяйством присмотреть», — думаю.

Метро у молла

- А у остальных станций есть частный собственник?
- Кажется, таких всего три в Москве.

Ташусь через мост к метро. Ветер бьет в лицо. Пытаюсь всмотреться в пейзаж. Хотя что-то должно радовать. Но вижу только огни. «Крокус Сити Молл». «Крокус Сити Холл». Парковка. Бизнес-центр. Интересно, что здесь еще есть? Нужно как-нибудь сходить. Метро. Достāju планшет. Незакрытые страницы.

«Неудобно? А что хотели! Ищите работу рядом с домом», — читаю на форуме.

«Кластеризация районов по удаленности от метро, приватизация градостроения, создание удобной инфраструктуры не для жителей, а для бизнеса», — крутится в голове.

«

**Ветер бьет в лицо.
Пытаюсь всмотреться в пейзаж.
Хоть что-то должно радовать.
Но вижу только огни.
«Крокус Сити Молл».
«Крокус Сити Холл». Парковка.
Бизнес-центр.**

»

Уже пять лет в Москве проходит Московский урбанфорум — мероприятие, где бизнес договаривается с городскими властями о том, как им вместе менять город. Город при этом понимается как сервис, который они предоставляют жителям и который подлежит рационализации для повышения его прибыльности. Главным инструментом такой трансформации сейчас является глубокое технологическое переоснащение. Главное орудие социолога и урбаниста сейчас не листок соцопроса, а серверы и базы данных с информацией об активности горожан.

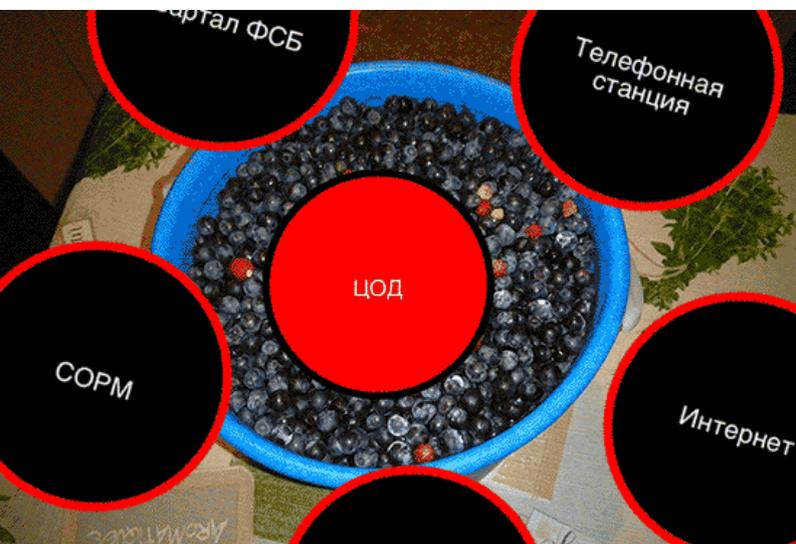
Эти процессы хорошо видны на примере оснащения города информационными указателями на остановках общественного транспорта. Старые указатели советского образца, где были

указаны интервалы движения троллейбусов, автобусов и трамваев, начали заменять на современные, электронные, связанные с GPS-датчиками, установленными в общественном транспорте. Делается это, однако, несистемно и только в центре Москвы — месте репрезентации прогресса городского развития всей России. Окраины города этот процесс практически не затрагивает.

Одновременно с этим происходит бурное развитие проектов ИТ-компаний, которые радикально реформируют городскую жизнь. Так, городской автомобильный трафик подчинен маршрутам приложений-навигаторов с функцией индикации пробок. Для планирования поездок на городском транспорте также существуют специальные сервисы. И, нужно сказать, эти проприетарные сервисы на порядок удобнее того, что предлагает муниципальная власть для укрощения сложности городских транспортных потоков; они просто не могут, да и не хотят конкурировать с продуктами корпораций.

«Хватит ныть», — говорю я себе.

Здание Яндекса на «Парке культуры». Добираться сюда мне полтора часа. А могла бы, в теории, работать из дома. Если распогодится, в обед пойду в кафе на крыше. Там неплохой вид.

Алгоритмические хождения по дата-центрам

Последние несколько месяцев мы, казалось бы, случайно перемещаемся по Москве от дата-центра к дата-центру. Правила перемещений задает алгоритм. Входная информация для него — это данные об ИТ-инфраструктуре города, которые мы нашли в раз-

ных местах в сети.

Первое и второе здания: данные запотевают здесь, в интерьерах старых заводов. Яркая облицовка режет глаз, смазывает память этого места. Все говорит: «Нет, теперь тут не завод», «Нет, не столовая, а серверы и чиллеры». Над бывшей проходной висит надпись «Центр городской культуры». Интересно, это дирекция завода придумала или девелоперская компания, которая здесь арендует площади?

Какая экономическая схема скрывается за фасадом, поддерживает старые перекрытия? Можно ли найти следы собственников этих дата-центров в панамских архивах?

«

Можно ли найти следы собственников этих дата- центров в панамских архивах?

»

Оптовый рынок с проходной. Мы точно знаем, что где-то тут, в одном из контейнеров, запрятаны стойки с серверами, где-то должны быть видны коммутации. Среди ногтевого сектора, официальных представителей фирмы *Himalai*, спортивного протеина и покрышек. Дата-центр на рынке должен быть умотан колючей проволокой, иметь сложную систему допуска — ведь иначе твои данные пропадут или уйдут третьим лицам. Кто будет ответственен, если ты туда проникнешь?

В конце концов мы его нашли. Точнее, его остатки в сети.

<http://web.archive.org/>

На сайте [Internet Archive](#) узнали, что сайт, который недавно сдавал в аренду место под серверы, сейчас приютил профессиональный блокатор калорий-20 на основе клетчатки. «Похудеть на три размера! Специальный гость программы — Полина Гагарина! И ее невыдуманная история!»

Четвертое место, куда мы отправились, — *Zdata*, сеть дата-центров. Выглядит доступно. По сравнению со всеми предыдущими привлекает и приглашает зайти. Встроенное в молл, это

место похоже на магазин, где тебе могут продать твое личное сетевое пространство, которое будет принадлежать только тебе. Никто, кроме сисадминов, не тронет его. «Надо брать!» — кричит молл, а сзади воет трансформаторная подстанция, выдавая, что именно здесь находится дата-центр: так мы его и нашли, он не прятался, он шумел.

Невидимая сетевая инфраструктура вовсе не невидима. Она выходит из серверных наружу; ультимативно отказоустойчивая и функциональная, она претендует на идеальность, своим внешним видом формирует новые тренды. Каждый город, каждое место по-своему обживает эти сгустки данных, вплетается в их материальность. В Норвегии есть оборудованные под дата-цен-

«

**Огромное поле, обнесенное
забором, и вдалеке
недосягаемое приземистое
помещение с серверами.
К нему не подобраться, нет.**

»

тры пещеры, в которых стены машинных залов прозрачны. Их директора в свободное от работы время заняты экологическим активизмом. А системные администраторы рассматривают кристаллы вулканических пород, пока идет обновление программного обеспечения.

В Минске, руководствуясь привычной логикой поиска, ничего не удавалось найти. Лишь полусекретный и, похоже, государственный дата-центр в Колодищах, небольшом поселке под Минском. Долго ехали на велосипедах по трассе вдоль леса. Свернули. Наконец перед нами огромное поле, обнесенное забором, и вдалеке недосягаемое приземистое помещение с серверами. К нему не подобраться, нет.

Ушли. В лес. Моря черники. Грибы. Нехоженный лес с окружающей дорогой. Тишина.

Черника сладкая, так и сыплется в руки. Никто ее здесь не трогает.

Программисты wanna be

Минск. Мы опаздываем на «инспекцию труда» в одну из самых больших ИТ-компаний в Белоруссии. Ловим такси.

«В «Варгейминг»? Первый раз? А я туда каждый день катаюсь. Тут у метро рыбное место. Только подъехал — опять кто-то туда... Вот скажите, стать программистом в 40 — это же, наверное, бесперспективно? Вообще бывают сорокалетние программисты? Или они все становятся стартаперами в 33?» — мы продираемся сквозь пробки.

«Вообще я думаю, что Беларусь — это страна людей, которые хотели бы стать программистами. Как говорит один мой друг: «Мы все программисты *wanna be*»», — смеется.

Сажу в танке. Танк стоит в холле 16-этажного бизнес-центра. Я улыбаюсь: танк маленький, голова смешно торчит наружу. Пока меня фотографируют, думаю: что же даст нам эта «инспекция»? Как же нам узнать, сбылись ли мечты всех, кто тут работает, всех тех, кто поддерживает на плаву *World of Tanks*? Пока поднимаемся на лифте, рассказываем экскурсоводке, что у нас лаборатория, на протяжении недели мы отдыхаем и работаем, изучая разные степени погружения то в одно, то в другое состояние. И вот мы наверху — оказывается, в «Варгейминге» есть целый этаж отдыха.

«Программисты *wanna be*» — крутится фраза в голове.

«А вы незаменимый сотрудник?» — спрашиваю.

«Конечно». Пусть это будет сотрудник № 1.

«Да нет, вы что, уволят и не задумаются, если что-то не понравится. Но приятно думать, что да» — сотрудник № 2.

«А свой стартап не думали открыть?»

«Да, я пробовал. Только меня напарник через полгода из стартапа выжил. Обдумывал об меня идею, а потом нанял команду разработчиков из Восточной Украины. Он менеджер, я технарь. Он потом в интервью говорил, что технарь — это не больше 10% стоимости проекта», — ответил сотрудник № 2.

«

Мы искали голоса пролетариата цифровой эпохи, тех, кого можно с легкостью заменить, выкинуть бейджик и забыть.

»

Продираясь сквозь массажные кресла, тренажеры, заглядывая в обшитые деревом сауны и одинаковые кухни на каждом из этажей, мы искали голоса пролетариата цифровой эпохи, тех, кого можно с легкостью заменить, выкинуть бейджик и забыть. Подводный мир компьютерной индустрии.

<http://scc.eefff.org/>

Пригласить их в наш **спекулятивный компьютерный клуб**, привлечь на свою сторону — вот наша задача.

— Бот-юрист? Никогда не слышал. Кто это сделал? Гугл?

— Почему сразу Гугл? Разве только они что-то могут?

— Не знаю. Ну, может, Фейсбук еще.

— Да нет, его сделал юрист из Лондона. Там несколько лет назад полностью автоматизировали контроль над парковками — начиная от фиксации нарушений и заканчивая выпиской квитанций о штрафах. Он начал разбираться — оказалось, автоматическая система выписывала очень много несправедливых штрафов. Парень запрограммировал небольшой чат.

В нем ты, общаясь с ботом, рассказываешь подробности своей неудачной парковки: где стоял, на газоне или нет, какие знаки были вокруг. Если нужно, бот спрашивает подробности. В конце он говорит тебе, стоит ли подавать апелляцию. И если да, ты просто нажимаешь «отправить», и он это делает за тебя. Бот выиграл уже очень много дел. То есть ты, не обладая компетенциями в области юриспруденции, общаешься с ним и решаешь свою проблему за 30 секунд. И таких, как ты, пользователей этого сервиса очень много. И теперь уже дорожная полиция и суды Лондона завалены делами об апелляциях. Эта система обманывает идею *big data* — автоматизация направляется против автоматизации. Машины против машин.

«

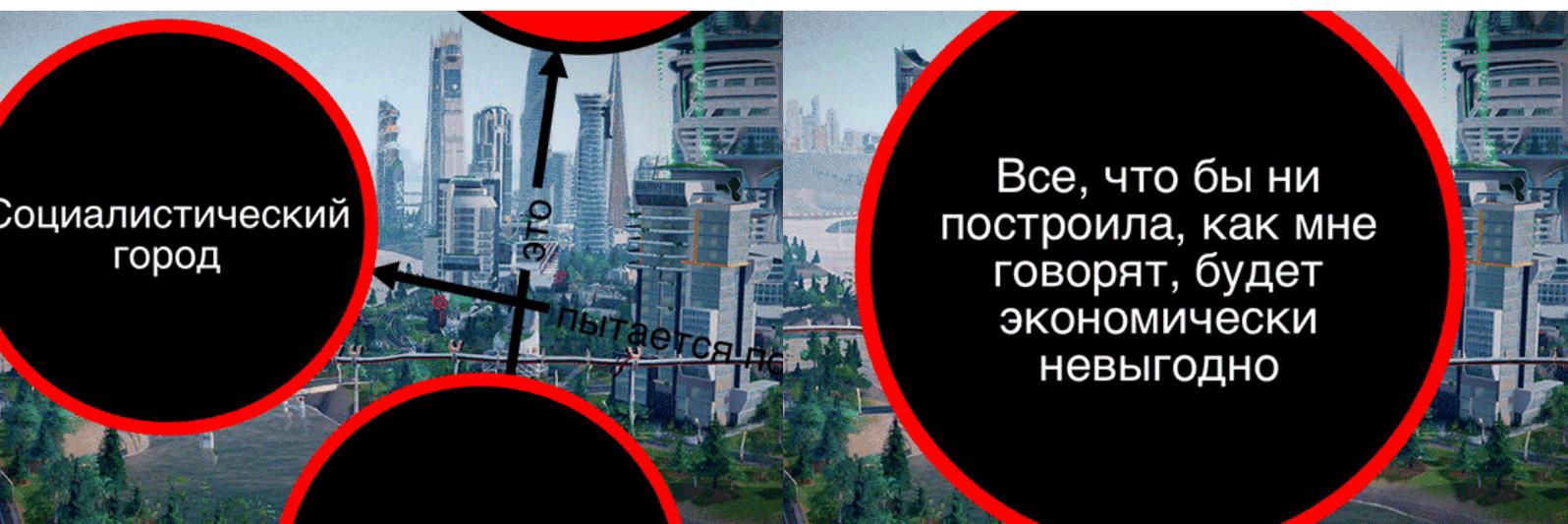
— А ты что-нибудь
программировал когда-
нибудь для семьи?

»

— Ого! Не знал.

— А ты что-нибудь программировал когда-нибудь для семьи?

— Я? Нет (пауза). Но вот мой отец еще во времена, когда не было интернета, создал программку для подсчета бюджета семьи. Это был подарок жене на свадьбу.

Экспроприация технологий

Моя страна — 2020. Пытаюсь построить социалистический город. Все, что бы ни построила, как мне говорят, не будет приносить прибыль. Отличный тренажер для будущего стартапера!

Вокруг ходят гаишники, сидим в скверике перед городской ГАИ. У меня играет музыка из планшета. Пока мной не интересуются. Мы расселись поодаль друг от друга, все играют в экономические стратегии. Действие в них разворачивается в ближайшем будущем.

<http://scc.eeefff.org/>

У нас есть своего рода **спекулятивный компьютерный клуб**, где мы разрабатываем стратегии работы с экономикой сегодня через экспроприацию и переиспользование не по назначению ресурсов, которые сейчас нам доступны. В рамках этого клуба мы планируем:

- повышать компьютерную грамотность;
- играя, использовать экономические модели виртуальных миров как тренажеры для наращивания мускулов в экономиках реального мира;
- антидисциплинарным образом соединять технологическое и политическое;
- устраивать встречи с экономистами, хакерами и программистками, биологами, футурологами и прочими;
- проводить воркшопы по сборке разных технических штук — придавать нашей спекуляции материальную форму;
- делать вылазки в город с изучением инфраструктуры на месте;
- веселиться и хулиганить.

Клуб наднациональный. Сейчас мы в Минске, завтра в Москве, а позже в Барселоне или офшорной зоне.

Группировка eeefff — Дина Жук и Николай Спесивцев

Как быть невидимым в городе?

И как обходиться с государственной паранойей? Точные инструкции от художницы Алисы Олевой и писательницы Дебби Кент

Плакат на автобусной остановке Лондона: «Обнаружить контролера просто. Они выглядят точь-в-точь как вы»

Писательница Дебби Кент и художница Алиса Олева, живущие в Лондоне, рассказывают об истоках своей художественной практики странных прогулок по городам — а в конце текста вы найдете буклет с указаниями, как к ним присоединиться

- В рассказе Эдгара Аллана По «Человек толпы» (1840) герой, наблюдая за людьми в толпе, замечает очень странного человека, за которым решает проследить.
- В фильме Фрица Ланга «М» (1931) берлинские нищие создают неофициальную наблюдательную сеть, чтобы следить

за убийцей детей.

- В фильме Альфреда Хичкока «Окно во двор» (1954) человек, не покидающий комнаты из-за полученной травмы, начинает вести наблюдение за своими нью-йоркскими соседями в их собственных квартирах.

- В проекте Франсиса Алюса «Двойник» («*Doppelgänger*», с 1999-го по настоящее время) художник приезжает в новый город и наблюдает за толпой, пока не находит человека, который похож на него (понимать это можно по-разному), и затем следует за ним.

Плакаты в Лондоне:
«Безопасно под пристальным надзором» (на остановке автобуса);
«Если вы видите или слышите что-то подозрительное, незамедлительно сообщите нашим сотрудникам. Доверяйте своим чувствам» (в метро)

- В фильме Михаэля Ханеке «Скрытое» (2005) буржуазное парижское семейство получает видеозапись, сделанную анонимом, ведущим наблюдение за их квартирой.

- В серии фотографий Ольги Чернышевой, получившей название «На посту» (2007), служащие Московского метрополитена наблюдают за пассажирами на эскалаторах.

Акт наблюдения за людьми вплетается в нарратив современного города; перечисленное — лишь некоторые из сотен примеров. Еще больше историй связано с наблюдением государства за отдельными людьми и толпой: начиная с предложенного философом Иеремией Бентамом проекта идеальной тюрьмы — Паноптикона до огромного числа научно-фантастических произведений об авторитарных обществах, которые строятся по модели, заданной романом Евгения Замятина «Мы» (1920).

Когда наблюдение ведется государством, то его основная цель, как правило, — отследить преступников, диссидентов

и террористов, то есть, иными словами, выявить врагов; в случае, когда наблюдение ведется отдельными людьми, их мотивы могут быть не такими однозначными. В «Человеке толпы», например, рассказчик начинает наблюдать за людьми из праздного, как кажется, любопытства. Через 160 лет в фильме Кристофера Нолана «Преследование» (1998) молодой писатель начнет преследовать людей по лондонским улицам в надежде преодолеть творческий кризис. В обоих случаях процесс наблюдения постепенно становится чем-то пугающим для самого наблюдателя. В фильме герой оказывается втянутым в преступление и насилие: их совершает человек, за которым он следит.

«

Как стать невидимым в городе: не попадаться на глаза другим и при этом наблюдать и оценивать их поведение в толпе.

»

В рассказе город повергает наблюдателя в тяжелое навязчивое состояние, заставляющее его ходить по улицам сутки напролет без сна. Город представлен как место, кишашее анонимными другими, как толпа, которая сперва кажется игровой площадкой для праздного наблюдателя, а после становится ловушкой.

Исследователи-психологи обнаруживают, что паранойя и паранойяльная шизофрения гораздо чаще проявляются у городских жителей. Сегодня — впервые в истории человечества — половина человечества проживает в городских ландшафтах, что, похоже, приводит к росту случаев выраженной паранойи и мании преследования. Темп городской жизни, количество незнакомых других, которых нам приходится ежедневно избегать или встречать, столкновения и конфликты представляются источником огромного психологического давления. В городской толпе полно незнакомцев, которые могут оказаться врага-

ми. А враг — это наблюдатель или наблюдаемый?

The Demolition Project, наш совместный (русской художницы Алисы Олевой и британской писательницы Дебби Кент) проект, использует город одновременно как мастерскую и как рабочий материал. Он призван исследовать подводные течения и точки напряжения, возникающие между одиноким прохожим и толпой. Вдохновившись работой Алюса, «Слежкой» Вито Аккончи (где Аккончи следовал за случайными незнакомцами по улицам Нью-Йорка), «Венецианской слежкой» Софи Каль (художница документировала наблюдение за человеком в Венеции) и ее же «Детективом» (Каль наняла детектива, чтобы он в течение дня следовал за ней по Парижу), мы тоже стали следовать за незнакомыми людьми из толпы.

Плакат в лондонском метро: «Если вы видите что-то подозрительное, незамедлительно сообщите работникам полиции или сотрудникам метрополитена»

На основе этих «прогулок» возникли две работы: аудиопрогулка «Следуй за мной» («*Follow Me*») и коллективная работа «Тень» («*Shadow*»). Кроме того, участие в различных мастерских и мероприятиях в Лондоне и Берлине принесло нам много других соображений о том, за кем и кто наблюдает в наше время.

Вместе с тем, пока мы были заняты нашим проектом, повсюду в лондонском транспорте стали появляться объявления,

которые, казалось, призывают простых граждан установить наблюдение друг за другом. Дозированно, но с настойчивой регулярностью медиа доносят предупреждения, призывающие граждан быть «бдительными» в отношении «подозрительного поведения», что бы оно собой ни представляло.

Мы склонны думать, что наблюдение за толпой в XXI веке — это нечто, ассоциирующееся с технологически опосредованным слежением за массами: камеры видеонаблюдения, беспилотники, программы, позволяющие распознать лица, алгоритмы, которые наносят на карту подозрительные схемы передвижения... Безусловно, все это не могло не заинтересовать художников — например, Ману Лукш, которая в 2007 году представила фильм «Без лица» («Faceless»), **основанный на материале с камер видеонаблюдения**; Эмили Ясир, автора проекта «Линцкий дневник» («Linz Diary», 2003), **представленного снимками с веб-камеры**; или Брумберга и Шанарина, которые использовали изображения, полученные с системы распознавания лиц, для создания работы **«Spirit Is a Bone» (2014)**; а также других, чьи работы предлагают

<http://www.ambienttv.net/content/?q=facelessthemovie>

<https://www.sfmoma.org/artwork/2009.152.A-Z>

<http://www.broombergchanarin.com/root/two-eyes-above-a-nose-above-a-mouth/>

«

Мы нашли ответ в инструкциях служб безопасности полиции Лондона, Лос-Анджелеса, ЦРУ и других источников.

»

<http://www.zachblas.info/works/facial-weaponization-suite/>

защиту от наблюдения, как **«Facial Weaponization Suite» (2011–2014) Зака Бласа**. Но это лишь одно из направлений нашего интереса. Государственный наказ следить друг за другом обладает скрытой силой, которая порождает страх и подозрительное отношение к жизни в общественных местах. Именно это явление мы хотели исследовать.

Наш друг, художник Симон Фарид, предложил нам найти

такие места, где мы могли бы укрыться как от камер видеонаблюдения, так и от глаз прохожих, и мы поняли, насколько это недостижимо в таком городе, как Лондон. Мы задались вопросом, как стать невидимым в городе: не попадаться на глаза другим и при этом наблюдать и оценивать их поведение в толпе. Ответ мы нашли в инструкциях служб безопасности полиции Лондона, Лос-Анджелеса, ЦРУ и других источников. Мы начали разрабатывать наши идеи, связанные с городской системой видеонаблюдения, в так называемых прогулочных мастерских (*walkshops*), которые проходят на улицах в различных районах Восточного и Центрального Лондона. В том числе нами была создана «прогулка» для галереи Calvert 22, где проходит сезон, посвященный власти и архитектуре, — [Power and Architecture](#).

<http://calvert22.org/events/invisible-walking>

Наши попытки наблюдать подозрительное поведение толпы заставили нас почувствовать себя самих странными и подозрительными людьми. Мы фотографировали, снимали на видео камеры видеонаблюдения, делали заметки, позволяли себе совершать «необычные действия» и «странные перемеще-

«

На фоне стены с горизонтальной кладкой двигайтесь горизонтально.

»

ния», то есть мы идеально подходили под полицейское описание потенциальных террористов. И опыт этот не обязательно был неприятен. Наши исследования показывают, насколько Лондон похож на паноптикум, где за тобой повсюду следят глаза — как цифровые, так и человеческие. Разрабатываем ли мы стратегии, чтобы защитить себя от этого взгляда, или же мы принимаем подозрительность своего поведения? Такая амбивалентность заложена в самой унаследованной нами от других авторов практике прогулок по городу. В проекте «Пассажи» («Passagenwerk») Вальтера Беньямина, представляющем собой коллаж из заметок, цитат и наблюдений о корнях модернизма

в Париже XIX столетия, автор так пишет о фланере — человеке, который бродит по улицам, наблюдая жизнь города: «с одной стороны, человек, который чувствует, что все и вся видят в нем истинного подозреваемого, а с другой, человек, которого совершенно невозможно обнаружить, скрытый человек».

Мы также хотим предложить что-то, что было бы доступно каждому, кто гуляет по городу — по месту, где подозрительное поведение производится, наблюдается и создается под влиянием страха наблюдателя. Мы решили сгенерировать и изучить урбанистическую паранойю посредством аудиопрогулки или приложения, над которыми сейчас работаем. Нам представляется, что в скором времени люди повсюду будут пользоваться этим инструментом: голосом, который будет вещать им прямо в уши, как отслеживать подозрительное поведение, в том числе и свое собственное.

А для тех, кто хочет попробовать исследовать подозрительное поведение до того, как будет реализован наш аудиопроект, мы предлагаем некоторые задания, помещенные на странице, которую вы можете распечатать и сложить в буклет, а буклет можно носить с собой.

Как избежать подозрительного поведения

- Фотографируйте неохраняемые места
- Приходите-уходите в обычной манере
- Поднимите что-то и унесите с собой
- Не шатайтесь без дела
- Держитесь подальше от фургонов
- Сообщайте всем, куда идете
- Спрашивайте у окружающих, где небезопасно
- Держите все свои вещи все время при себе
- Рисуйте и измеряйте неважные здания
- Ходите в знакомые места, где вам будут рады
- Избавьтесь от своей униформы

КАРТА НЕВИДИМОСТИ

1. (а) Найди место, недоступное для камер наблюдения.
(б) Отметь на карте интересующее место.
2. (а) Найди место, где можешь провести 4 минуты, не увидев никого и не быть увиденным.
(б) Отметь его на карте.
3. (а) Найди место, где можешь провести четыре минуты, оставаясь невидимым, но при этом имея возможность наблюдать за другими.
(б) Отметь его на карте.
4. Повторяй все задания, пока не удастся найти все места, отвечающие заданным условиям.

ЗОНЫ ПОДОЗРЕНИЯ

Правительственное здание

Религиозный объект

Парк развлечений

Спортивный или развлекательный комплекс

Высотные здания

Рынки

Школы

Отели

Театры

Торговые центры

Мосты

Общественный транспорт

ПРОТОКОЛЫ ДВИЖЕНИЯ

- + Двигайтесь медленно
 - + Присоединитесь к группе людей и оставайтесь с ними
 - + Не идите в ногу с другими людьми
 - + Идите в том же направлении, куда идут другие люди
 - + Смотрите вперед
 - + Избегайте углов
- ЗАДАНИЯ ПОВЫШЕННОЙ СЛОЖНОСТИ**
- + На дереве старайтесь походить на дерево
 - + На фоне стены с горизонтальной кладкой двигайтесь горизонтально
 - + Танцуйте с невидимостью
 - + Переходя от здания к зданию, будьте похожи на соединяющую их трубу
 - + Проходя мимо белого здания, держите перед собой кусок белой ткани
 - + На открытых пространствах ужимайтесь в камень

«У меня не было ничего, но мне почудилось, что улицы — мои»

Сергей Спирихин.
Уличный перформанс
«Яичница».
Литейный проспект
(Санкт-Петербург),
23 мая 1998 года
© Сергей Спирихин

Большой опрос художников о Москве и Питере 1990-х: Бренер, «Новые тупые», Глюкля и Цапля, Кулик, Осмоловский, Тер-Оганьян, Мавроматти

Некоторым художникам Москвы и Санкт-Петербурга, начавшим свою активную деятельность в 1990-е в уличном пространстве, было предложено ответить на следующие вопросы:

— Как бы вы охарактеризовали состояние города (как социальной, пространственной, политической системы), где проходили ваши акции в 1990-е годы? Чем это состояние отличается от городской ситуации предшествующего и последовавшего исторических периодов?

*— Пространства, в которых вы совершали ваши акции,
— можете ли вы сформулировать логику, согласно которой*

вы выбирали те или иные конкретные локации в городе?

— Как городская ситуация влияла на образ, форму и содержание ваших акций?

— Что из ваших акций было бы возможно сегодня, а что нет?

Одни опрашиваемые художники ответили на вопросы письменно, другие устно; одни отвечали на вопросы по отдельности, другие сразу на все; некоторым были заданы дополнительные вопросы. Соответственно реплики художников разнятся по форме — но едины по тематике.

Часть опроса, посвященную «Товариществу Новые тупые» (то есть реплики Александра Ляшко, Владимира Козина, Елены Невердовской, Игоря Панина, Максима Райскина, Сергея Спирихина и Олега Хвостова), собирала искусствовед Эльза Абдулхакова, научный консультант выставки товарищества, **прошедшей в этом году в ММСИ.**

[http://www.
mmoma.ru/
exhibitions/
gogolevsky10/
tovariwestvo_
novye_tupye/](http://www.mmoma.ru/exhibitions/gogolevsky10/tovariwestvo_novye_tupye/)

Участники опроса:

Александр Бренер

Олег Кулик

Олег Мавроматти

Анатолий Осмоловский

Авдей Тер-Оганьян

Ольга Егорова (Цапля)

Наталья Першина (Глюкля)

Владимир Козин

Александр Ляшко

Елена Невердовская

Игорь Панин

Максим Райскин

Сергей Спирихин

Олег Хвостов

Василий Шугалей,
Анатолий Осмоловский,
Александр Бренер,
Олег Мавроматти.
Позор 7 октября. 20
октября 1993 года

Москва

Александр Бренер

Москва первой половины 1990-х годов была пугающим и чарующим городом. Казалось, открывается нечто новое: свобода, парение любви, безвесие в отношениях с людьми, беспредметность в бытовых делах. У меня не было ничего, кроме одежды, в которой я ходил по улицам, но мне почудилось, что эти улицы — мои и я могу делать на них все, что мне вздумается. Город лежал передо мной в виде руины, в ней копошились люди, по дорогам бежали стада машин, всюду царил хаос. Москва наполнилась случайными, обалдевшими людьми, распалась на атомы, гражданская война находилась в фазе конфуза и тупого недоумения, народ чего-то ждал и на что-то надеялся, но не знал, откуда это придет и что это такое. Демократия? Обогащение в две минуты? Сексуальная революция? «Мерседес» для каждого? Полное обнищание? А я решил взобраться на эту вавилонскую руину, скинуть с себя случайную одежду и крикнуть с самой вершины: «Посмотрите — я здесь, живой! Давайте будем живыми!» Вот я и стал делать свои выходки. Я никогда не считал себя «художником», не занимался «перформансами» или «акциями», а придумывал трюки, происшествия, наскоки и выпады и осуществлял их. Иногда между придумыванием и осуществлением не было никакого зазора.

Почему я выбирал те или иные места? Потому что я их любил. Я обожал Пушкинский музей, где обкакался, меня завораживала история Лобного места, откуда я вызвал на бой

Ельцина, я хотел подразнить художников, которые собрались в бассейне на месте храма, вот я и подрочил на них, я хотел оскорбить торговцев, когда крушил мольберты уличных художников на Арбате... Я любил тогдашнюю Москву и хотел показать ей, что я с ней, что я вижу ее чудовищную красоту, что я восхищен. И я хотел, чтобы эта Москва меня заметила и тоже восхитилась.

Потом, конечно, все пошло по самому плохому пути из возможных. Как сказал тогда Подорога: «Опять на*бали...» Ну что ж, дураков на*бывают. Пора умнеть.

«

**У меня не было ничего,
кроме одежды, в которой
я ходил по улицам, но мне
почудилось, что эти улицы —
МОИ.**

»

Олег Кулик

— Как бы вы охарактеризовали состояние города (как социальной, пространственной, политической системы), в котором проходили ваши акции в 1990-е годы? Чем это состояние отличается от городской ситуации предшествующего и последовавшего исторических периодов?

— После 1991 года и до 2000-х в Москве была нестрашная милиция. С ней можно было договориться — или, если в тебе опознавали художника, к тебе не предъявляли строгих требований и легко отпускали. Это принципиальная особенность.

Опасности можно было ожидать от новых бандитов, хулиганов или отчаявшихся людей — от таких же, как и я, людей, потерявших опору, и именно поэтому я их не боялся. Такого не было ни до 1991-го, ни после 2000-х.

При этом была высокая индифферентность среды. Все

были заняты собой. Какие-либо действия, художественные или неадекватные с точки зрения обывателя, могли быть просто не замечены — на что часто и жаловались художники 1990-х: «что ни сделай, все равно Жириновский, депутат Марычев с сиськами или другой политический ньюсмейкер, бизнесмен, чеченский сепаратист круче». Все эти персонажи вели себя намного более вызывающе, артистично и зрелищно. Даже с масс-медийной точки зрения приходилось конкурировать с террористами и со всеми городскими сумасшедшими.

«

Улица приравнивалась к институции.

»

С посвященными зрителями акций часто смешивалась непосвященная и случайная публика. Это было невероятно забавно и давало неожиданный эффект. Сейчас мы сталкиваемся с ситуацией, когда на акции — либо незнакомые представители власти или случайные прохожие, либо только свои и близкие им «в теме».

— **Пространства, где вы совершали ваши акции, — можете ли вы сформулировать логику, согласно которой вы выбирали те или иные конкретные локации в городе?**

— Я выбирал именно художественные площадки — будь то галерея Гельмана или Центр современного искусства. Даже если я перекрывал Тверскую, это было согласовано с зоопарком,

Олег Кулик. Человек с политическим лицом. Тверская улица, Москва. 16 июля 1995 года

который эту акцию устраивал («Человек с политическим лицом» в рамках акции-демонстрации «Звери против зверства», Москва, Тверская ул., 16 июля 1995 г.). Одна моя акция не была санкционирована в зоопарке, но это было ответом на акцию ученых, а не обращением напрямую к жителям города («Опыты зооцентризма», Московский зоопарк, 23 июля 1995 г.). Тогда моими зрителями были люди, которые собрались на акцию современных ученых, протестовавших против пренебрежительного отношения к науке. Но и здесь моя акция оказалась внутри интеллигентной среды людей, в принципе понимающих смысл слова «акция»: ведь я лишь внедрился в другую акцию, где уже было создано некоторое художественное высказывание и пространство для него.

Но надо понимать, что в начале 1990-х все институции и площадки носили характер полуподпольный-полузаконный. Они появлялись как пузыри, быстро лопались и носили произвольный, временный характер, часто не были согласованы ни с городом, ни с властями, и их участники, скорее, пробовали себя на новом поприще публичности. Это было участие в живой жизни, которая на тот момент пока еще не была противопоставлена институциональной, так как само создание институций носило экспериментальный и, условно говоря, уличный характер. Улица приравнивалась к институции.

— **Как городская ситуация влияла на образ, форму и содержание ваших акций?**

— Городская ситуация особенно никак не влияла. Было общее восприятие, что мы живем в городе хаоса, потерянных и дезориентированных людей. Это было пространство достаточно гомогенное — по ощущению потерянности и того, что любые смелые действия могут быть успешны и будет время скрыться с места действия, так как всем наплевать; жесткого восприятия не будет в силу того, что все не очень понимают, что происходит в городе, что происходит в жизни. Думаю, так же будет в ближайшие три-пять лет.

Олег Мавроматти

— **Как бы вы охарактеризовали состояние города (как социальной, пространственной, политической системы), в котором проходили ваши акции в 1990-е годы? Чем это состояние отличается от городской ситуации предшествующего и последовавшего исторических периодов?**

— Москва переживала вестернизацию — в основном в смене

декораций, но не в смене образа мысли. В 1980-х вестерномания носила персональный характер, то есть индивид самоукрашением демонстрировал свою личную приверженность ценностям общества потребления и одновременно причастность к потребительской элите. В 1990-е из-за легализации западных товаров и услуг возникла смена культа дешевых, доступных брендов на бренды элитные. Репрезентация брендов на фасадах зданий и возведение ТРЦ — аналогов американских и европейских моллов сформировали иллюзию изобилия и возможности выбора. В нулевые вестернизация достигла полной зеркальности с Западом в сфере товаров и услуг и задала новые потребительские нормы.

«

**С конца 1990-х успешно
продвигался бренд
«Путин», сочетающий
как вестерноманию,
так и декоративную
русофилию.**

»

Одновременно происходила клерикализация: становление и развитие бренда РПЦ, к середине нулевых достигшее апогея, а в настоящий момент затухающее. С конца 1990-х успешно продвигался бренд «Путин», сочетающий как вестерноманию, так и декоративную русофилию. В ходе продвижения бренд проходил стадии модификаций, сравнимые с модификациями топовых компьютерных игр, где на брендовом движке происходит дополнение локаций и миссий, смена текстур, но программный код остается прежним, так как переписать его означает произвести замену движка.

— Пространства, где вы совершали ваши акции, — можете ли вы сформулировать логику, согласно которой вы выби-

рали те или иные конкретные локации в городе? Как городская ситуация влияла на образ, форму и содержание ваших акций?

— Выбор локаций осуществлялся в соответствии с целями и задачами акций, строго в зависимости от арт-месседжа. Если требовался ХХС задником, а Институт культурологии — «передником», то акция проводилась там, где два объекта сводились в одну логическую линию. А если требовалось место максимальной концентрации празднующих 9 Мая, то предпочтение отдавалось Поклонной горе. Иногда акции проводились исходя из особенностей расположения культурных знаков. Например, мостик между мусульманским и православным кладбищами (акция «Эгрегор НЛО» (1995)). Или обнаруженная членами Секты абсолютной любви (САЛ) могила художника с палитрой и кистями на надгробном камне, превращенная нехитрой манипуляцией с зеркалом в братскую могилу «всеобщего художника» (акция «Братская могила» (1995)).

Разумеется, стимулами к акциям стали строительство и сдача в эксплуатацию ХХС («Не верь глазам»-распятие), перенос памятника Дзержинскому и циркулировавшие слухи о его возвращении (акция «Большая чистка» (2000) — чистка памятника мощными средствами на территории парка ЦДХ), зарождение милитаристского культа 9 Мая («Не убий» (2000) — выжигание знака «пацифика» в области сердца во время

Секта Абсолютной
Люби. Слева —
Олег Мавроматти

салюта на Поклонной горе)...

Кстати, ХХС впервые появился как часть произведения именно в моей акции «Не верь глазам» (2000). Сейчас очевидно, что роль РПЦ была недооценена тогда художественным сообществом, несмотря на скандал после акции Авдея Тер-Оганьяна «Поп-арт» (1998).

— **Что из ваших акций было бы возможно, а что невозможно совершить сегодня и почему?**

— Естественно, возможно было бы даже сегодня, несмотря на прессинг власти и вероятные более жесткие последствия, провести все акции на тех же самых местах, так как ни одно из мест не было застроено или разрушено. Многие акции совершенно не утратили своей актуальности. Хотя стриминг в момент акции заставил бы ее работать на более широкую аудиторию и получать отклик еще в процессе реализации. Другой вопрос, что состояние тела перформера с годами делается менее репрезентательным... ;)

Анатолий Осмоловский

— **Как бы вы охарактеризовали состояние города (как социальной, пространственной, политической системы), в котором проходили ваши акции в 1990-е годы? Пространства, где вы совершали ваши акции, — можете ли вы сформулировать логику, согласно которой вы выбирали те или иные конкретные локации в городе?**

— Город был свободным полем дикой охоты. За чем охотились художники? Искали точки, места «силы», т.е. такие места, где появление человека выделяет его из его окружения. Ну, несколько юмористически это можно проиллюстрировать таким мусульманским понятием, как хадж. Только, в отличие от традиционного хаджа, акционист находил ранее не замечаемое место, точку. И «посещал» его. Сейчас, на мой взгляд, эта тема уже давно исчерпана. Последнее добавление сделали Pussy Riot. А Павленский — просто эпигон.

— **Как городская ситуация влияла на образ, форму и содержание ваших акций?**

— Во-первых, важен был фактор скорости. Прежде всего продумывалось, как быстрее захватить («посетить») место. Во-вторых, важен был фактор времени (как символически важной даты). Начало военных действий (15 января 1991 года — акция «Указательный палец»), вышедший накануне «закон о нравственности» (18 апреля 1991 года — акция «ЭТИ-текст» («Х*й

на Красной площади»)) или 30-летие майских событий в Париже (10 мая 1998 года — акция «Баррикада»).

— **Что из ваших акций было бы возможно, а что невозможно совершить сегодня и почему?**

— Я, честно говоря, не знаю, что ответить. Я просто не знаю, что такое сейчас уличное искусство. Граффитизм? Или павленскизм?

Я думаю, что общественно-политическая ситуация либо практически не влияет на искусство, либо ее влияние настолько очевидно, что констатировать его — банальность. Понятно, что сейчас перформансы крайне тяжело делать, но на художественный аспект это почти не влияет. Например, сделать акцию в 1991 году на Красной площади, где мы выложили слово «Х*Й» своими телами, — это был героизм, может, и побольше, чем у Павленского. Просто потому, что у всех был глубинный и безотчетный страх перед советской властью. Активисты, придя на площадь, просто одеревенели. Я их практически насильно клал на брусчатку. То есть возможные репрессии не способны остановить, если логика развития искусства диктует тот или иной жест. А значит, искусство независимо от общественно-политического влияния.

Движение
«Экспроприация
территории искусства»
(Григорий Гусаров,
Анатолий Осмоловский,
Дмитрий Пименов).
Акция «Переползание».
Ноябрь 1991 года

— Но вы же перестали заниматься уличным акционизмом именно после преследования со стороны ФСБ из-за акции с захватом Мавзолея «Против всех» (1999)?

— Да, после преследования. Но это преследование лишь наиболее рельефно обнажило проблему или, скорее, разницу между политическим и художественным действиями. Произошло осознание, что это разные виды деятельности.

Когда художник входит в непосредственное столкновение с силовыми структурами государства, довольно быстро выясняется, что законченная инновативная форма (как бы ее ни понимать) — это только помеха. В таком столкновении ценными являются быстрота реакции, постоянство и повтор элементарных форм (например, пикеты каждый день), необратимость действия (посредством достижения принятия тех или иных политических решений или законов), массовость и общедоступность. Весь этот набор прямо противоречит ценностям искусства.

«

**Единственной движущей
силой политики является
страх. Любое искусство
здесь излишне, даже
вредно.**

»

Единственной движущей силой политики является страх. Каждая из борющихся сторон должна умело этот страх вызывать. Любое искусство здесь излишне, даже вредно. Значительно более страшно безыскусное долбление касками по асфальту шахтеров, чем какая-то яркая артифицированная манифестация. Значительно более эффективны постоянные, каждый день в течение длительного срока пикеты, пусть даже из трех человек, но с элементарно сформулированными требованиями, чем несколько провокативных перформансов за этот же срок,

которые попадут в газеты. Яркость действия воспринимается как амортизация или как избыток, а подлинный страх вызывает тот, кому нечего терять, кроме своих «цепей».

Силовые структуры своими действиями просто навязывают логику эффективности, а не эффектности, которая является ценностью для художника. Художественная логика трансформируется в логику политическую. «Веселое сопротивление» по Делезу тут невозможно по определению. По крайней мере, невозможно в ситуации прямого противостояния. А это противостояние будет обязательно навязано, если структуры государства посчитают сопротивление помехой для своих целей.

Авдей Тер-Оганьян

Что бы обо мне ни думали, я не отношу себя к акционистам, работавшим в пространстве улицы. Сам по себе я всегда выступал именно в художественном пространстве. В отличие, например, от Осмоловского, который в 1990-е говорил, что хочет возглавлять субкультурное движение. Он был более авангардно настроен — искусство его тогда интересовало во вторую очередь, как средство. А Бренер занимал романтическую позицию и с нее тоже радикально критиковал искусство. Я же всегда понимал, что я всего лишь художник. Кулик, кстати, мне тоже кажется художником иного типа, чем Бренер с Осмоловским, — он не акционист, все его перформансы были очень театральны, и он никогда не был левым радикалом и никогда не критиковал искусство как таковое.

Да, я тогда очень много пьянствовал и вел богемный образ жизни. Я постоянно пребывал в какой-то стихии уличной подлинности и попадал в безумные ситуации. Меня били, забирали в милицию из-за моих чудачеств. Но это непрерывное артистическое поведение никто не называл перформансом. Я устраивал эти «перформансы» для друзей. Сейчас эти чудачества кажутся похожими на ситуационистские практики, дрейф, радикальное растворение искусства в жизни... Большинство своих художественных акций я придумал раньше в шутках, а потом перевел их в форму произведения. Но все-таки искусство для меня было всегда чем-то более сделанным, формализованным, я относился к нему иначе. Меня интересовали рамки выставочного пространства. Во многом именно за этим я приехал в Москву из Ростова-на-Дону в 1989-м: мне не хватало там художественного профессионального сообщества.

В 1980-х я был частью советской системы искусства — ху-

дожественная школа, училище... И, надо сказать, никаких двух разделенных миров официального и неофициального искусства не было — были люди, делавшие официальную карьеру, а были плевавшие на нее, но все всех знали. В перестройку вообще все смешалось, нам стали давать выставочные залы, и еще издавались огромными тиражами журналы «Творчество» и «Искусство», где все это подробно описывалось.

Когда я ездил в Москву из Ростова в 1980-е, это был очень красивый советский город с интеллигентными людьми, Москва была на очень высоком уровне — по сравнению с Ростовом тем более. Я переехал в Москву. Но вскоре, после развала СССР, начался какой-то бытовой кошмар — не было еды, целый год мы питались только в столовой. Но у этого была компенсация — ощущение безумного мира. Вначале у меня была эйфория от идеи перемен — что все пройдет и цивилизуется. Уже после расстрела Белого дома в 1993-м стало ясно, что все совсем не так хорошо.

Когда мы привели пьяных нищих с улицы на выставку в галерею в Трехпрудном и сделали их содержанием этой выставки («Милосердие», 1991 г.), это не было цинизмом. Мы с этими людьми распивали на бульваре, общались. Я привел ту реальность, в которой жил. Пусть изрядная часть московской богемы не замечала этих бездомных, а мы их привели — и это была повседневность нашей уличной жизни, а не экзотика.

Но я критично сейчас отношусь ко всей этой идее преодоления и размытия границ искусства. И, мне кажется, дурные последствия потери критериев искусства мы видим в этом повальном восхвалении *Pussy Riot* и Павленского — все как будто голову потеряли и не видят, что это не искусство, а если искусство, то плохое. Но все говорят про их героизм и их лозунги, как будто это атрибуты хорошего искусства.

Шли 1990-е. Мы пили. Накал страстей увеличивался. Я сталкивался с вооруженными людьми, меня все время грабили — а в советское время у меня не было ни одного конфликта на улице, даже несмотря на мой тогдашний экстравагантный вид.

К концу 1990-х все становилось мрачнее и мрачнее. Мы сами стали ощущать агрессию, хотя я до того был довольно ироническим человеком. И в 1998 году мы с Толиком Осмоловским дошли до того единственного для меня раза, когда мы действительно вышли за все границы — в акции «Баррикада на Большой Никитской» в рамках Внеправительственной контрольной комиссии. Мы перегородили улицу, и не было

понятно, где кончается игра, а где начинается нечто иное... Это была колоссальная разница с первой половиной 1990-х. В начале 1990-х мы понимали, что ну заберут Бренера в милицию, отпустят, но суть того, что он делает, все же со стороны искусства. Тут уже было не так просто.

Кроме того, во второй половине 1990-х произошел спад

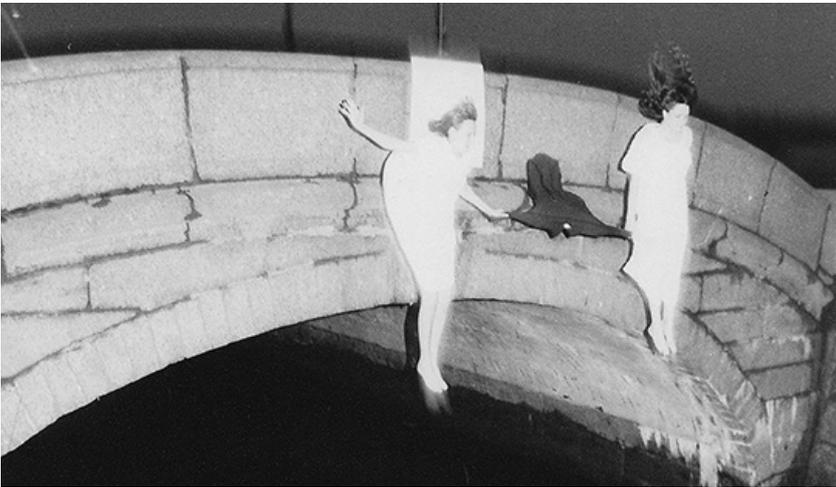
Акция «Футуристы
выходят на Кузнецкий»,
1993 год

рынка, и вся суетливая и мутная коммерческая жизнь искусства вокруг первых галерей тоже изменилась. И, когда нам понадобились деньги, галеристы тут показали себя, и стало ясно, что они никакие нам не партнеры и не друзья — как пытался, например, выглядеть Марат Гельман. И все это для меня закончилось конфликтом с арт-миром вокруг моей акции в Манеже в 1998-м («Юный безбожник»), в результате которого меня просто слили, отбросили. Я, кстати, совершенно не рассчитывал на такой медийный скандал...

Как политическое движение акционизм потерпел поражение. Его деятели оказались, в общем-то, не правы. Бренер взялся воевать со всем миром и теперь путешествует в позе обиженного анархиста. Толя Осмоловский, мне кажется, тоже растратил свой напор. Я очень уважаю этих людей, это мои друзья. Но главные проявления радикального акционизма сейчас мне кажутся ошибкой.

Санкт-Петербург

Группа «Фабрика найденных одежд» (Ольга Егорова и Наталья Першина)

Группа «Фабрика найденных одежд». Памяти бедной Лизы. 1996 год

Цапля (Ольга Егорова)

— Чем был для тебя как художницы город в 1990-е?

— Я приехала в Петербург из Хабаровска, когда мне уже было 20 лет. И как-то ужасно полюбила город — острой любовью, почти как к человеку. Я даже тогда говорила, что Питер — как муж для меня. Пока не произошли замены, это была мощнейшая привязанность.

Питер, с одной стороны, мы ощущали как живой организм, с другой стороны, как текст, литературу, произведение искусства. В Питере тогда происходило выискивание малого искусства, которое просачивалось сквозь искусство большое. Вокруг тебя большие архитектурные ансамбли, тут Росси, а тут Монферран. Но важно было найти искусство в том, как кто-то в подворотне пописал. Мы были способны встать и смотреть, как чья-то писа растеклась и взаимодействует с трещиной на асфальте. А герои Достоевского просто жили вместе с нами — не как тени, а вполне реально. Мы жили в этом. И поэтому, когда мы решили делать нашу акцию «Памяти бедной Лизы», то мы пошли, куда нас повело сердце. Нас вели и Карамзин, и опера Чайковского.

Сначала мы пошли к Зимней канавке с нашими возлюбленными, потому что нужно же было измерить глубину. Мы взяли с собой чугунный утюг, привязали его на веревочку. Саша Скидан с нами был, между прочим. Мы же не занимались тогда

искусством, как занимаются им профессиональные художники — «идем делать акцию». Нет, мы просто шли ставить памятник бедной Лизе. В Петербурге тогда искусство совершенно растворялось. Приезжали большие кураторы: «Все говорят, что в Петербурге делают исключительно прекрасное искусство. Не могли бы вы предъявить нам какой-то образец?» А предъявить было совершенно нечего. Потому что это все происходило с утра до вечера и никак не фиксировалось. Тогда же не было всех этих прекрасных девайсов.

Мы позвали тогда наших товарищей, в том числе Иру

«

Город как собственное тело. Невозможно было оторвать одно от другого.

»

Актуганову, а она взяла и пригласила телепередачу «Адамово яблоко», совершенно кошмарную, мачистскую. Мы приходим на место, а там — телевидение! Уже поставили свет, настроили камеру. Как мне было страшно! Я же плавать не умела тогда, а надо было прыгнуть. Но одновременно очень хотелось преодолеть смерть. Потому что бедная Лиза прыгнула в воды Зимней канавки и утонула, а мы-то не собирались тонуть. Мы заранее тренировались с Глюклей, прыгали со стола у нее в мастерской на счет раз-два-три. И вот мы прыгнули, выплыли, нам одеяла и водку дают, мы выпиваем водку... А эти добрые люди из «Адамова яблока» потом что только не говорили про нас по телевидению. Это были настоящие мачо 1996 года, представляешь, как они могли комментировать. После этого наш перформанс долго был заставкой к передаче «У всех на виду». И вот я иду по каналу Грибоедова и вдруг слышу, как парень стоит на этой стороне и кричит в окно девчонке: «Ты слышала, по ящику показывали вчера? Зимняя канавка...» И я иду и думаю: ура, это я, это я, это я... Наивно, конечно, но это было невероятное ощущение, что все возможно.

Питер как-то в костях оказался, потому что мой первый

муж был дворником. На самом деле он великий художник — Сергей Денисов, но он работал дворником. Когда приехала в Питер, я стала жить с ним. Его очень хвалили на районе, и я однажды шла и слышала, как женщины говорили, что «у нас на участке всегда очень-очень чисто». А это был особый район: Соляной переулок, Мухинское училище, речка Фонтанка, Летний сад... И, знаешь, такое вот обнюхивание города всегда было, и не только у меня — у нас у всех. Город как собственное тело. Невозможно было оторвать одно от другого. Казалось, я могла вытянуть руку и дотянуться от Невского проспекта до Стрелки Васильевского острова... Где-то мы пели, где-то танцевали, мы все время жили в городе. И дома постоянного у меня не было. Сейчас есть. Мы выросли.

— Историческое состояние города 1990-х годов —

«

Мой город,
мой литературный,
мой придуманный город
— теперь он как будто
захвачен.

»

как бы ты охарактеризовала его?

— Начало века. Серебряный век. У нас с Глюклей была такая героиня, называлась она «гимназистка». Имелась в виду, с одной стороны, историческая гимназистка, румяная, которая пила уксус для бледности, которая растворяла в уксусе перламутровые пуговицы и натиралась, которая стрелялась из-за любви. С другой стороны, слово «гимназистка» означало для нас такое состояние, когда ты готов пойти на смерть, на подвиг ради того, что в этот момент считаешь важным. Гимназистки отправлялись на фронт сестрами милосердия, становились революционерками... Гимназистка — уязвимая, очень слабая часть в душе каждого человека. Можно найти

гимназистку в душе дворника, в душе генерала, в душе поэта, в душе кого угодно. Она очень хочет быть любимой, и она ради любви этой, ради того, чтобы быть видимой кем-то, готова пойти на все... Так мы тогда думали.

— **Интересно, как вы перекодировали эти вписанные в тело Петербурга литературные коды в по-своему феминистском ключе.**

— К сожалению, мы тогда с Глюклей не были феминистками совершенно.

— **Может, это и нельзя назвать феминизмом в его обычном современном понимании, но вы ставите женщину, «гимназистку», Лизу в центр вашей конструкции мироздания...**

— Мы всегда были за равенство. Да, люди отличаются друг от друга, все мы разные, но я до сих пор убеждена, что феминизм — это о равенстве, и это прекрасный тренинг — производить мысленную операцию, спрашивая себя, где и в чем люди равны. Сейчас это непопулярно, люди считают, что война полов гораздо более интересна. Но меня никто с этой точки зрения не собьет — что важнее думать про то, где мужчины и женщины равны.

Но в 1990-х годах об этой социальной проблематике ни-

«

— Забери свои деньги. Я советский офицер.

»

кто не говорил. Мы считали, что «Фабрика найденных одежд» — это тайный орден, мы придумывали игру, и нам казалось, что все в нее играли. Мы с Глюклей создавали «хорошо организованную грезу», так мы это называли.

— **Правильно организованный бред — как говорят психоаналитики про результат анализа...**

— Но удивительно то, что люди верили нам. Все играли по нашим правилам.

— **Зрители?**

— В 1990-е годы мы никогда не адресовались к зрителям. Мы адресовались только к своим друзьям, таким же,

как мы. Зрителя для нас как бы не было, на тот момент он нас вообще не интересовал.

— **То есть вы были как бы выключены из общества.**

— Об обществе мы не думали! Оно нас не интересовало.

Я только недавно осознала, что у вас совершенно нет опыта советского, и только недавно поняла, что это значит. Вы выросли при постмодернизме, где все в культуре играло. И вам нужно преодолевать именно это. Мы-то были в выигрышной ситуации — нам нужно было преодолевать какое-то дурацкое корыто, какой-то идеологический мешок. А постмодернизм, в котором вы, бедняжки, подросли, который мы для вас создали, — это очень изощренная ироническая вязь, ее преодолевать куда сложнее.

— **Расскажи про вашу акцию «Триумф хрупкости». Это акция, тоже очень погруженная в текст, пространство города, и тоже про смешение полов, в центре которого — «гимназистка».**

— Мы показали в этом перформансе правильное взаимоотношение силы и слабости. Мы с Глюклей всегда были о слабости, но такой, которая может трансформироваться в очень специальную силу. Как ты думаешь, какая лампочка светит на маяке?

«

Об обществе мы не думали!

»

— **Очень большая, наверное?..**

— Нет, 220 вольт. Просто система зеркал усиливает свет.

Я думаю, что слабость устроена так же. Существуют ситуации, когда обыкновенное, ничем не примечательное может трансформироваться. И, в принципе, слабое делает человека человеком. В «Триумфе хрупкости» идут сильные моряки и несут в руках слабые тени белых платяниц.

— **У вас был какой-то договор с городскими властями? Или тогда это не вызывало вопросов?**

— Нет, тогда это не нужно было. Мы заплатили морякам деньги, естественно. Но город не сопротивлялся, даже наоборот. Когда я пришла к начальнику подводников, чтобы догово-

риться с ним выпускать эти платья из-под воды, я ему говорю: «Знаете, вот мы с подругой хотим это...» А он смеется. Я говорю: «Вот у нас какие-то деньги есть...» Он в ответ: «Забери свои деньги. Я советский офицер. Я могу это сделать для тебя, для твоей подруги, для искусства, но ради денег я это делать не могу. Для тебя сделаю». То был 2002 год.

— **Сейчас эта эпоха закончилась?**

— Закончилась, конечно.

— **А когда и как?**

— В 2004 году мы делали «Дрейф», и тогда еще было в Питере то течение города, которого сейчас уже нет. Но тогда мы уже понимали, что город — это социальное пространство.

Переломным был 2003 год с нашей первой акцией группы «Что делать?», которая называлась «Мы уезжаем из Петербурга». Было празднование 300-летия Петербурга, и мы были возмущены всей этой официозной и рекламной хренью, было отвратительно. И мы решили: раз все приезжают в Петербург, то мы уедем. И уехали на проспект Ветеранов, чтобы основать новый город. Там нас арестовала милиция, естественно. Это были по сравнению с нынешними сладчайшие времена: составили протокол, осудили быстренько, 500 рублей штрафа с каждого — и отпустили. Но вот тут и стало очевидно, что город — это общественная система, а не текст, в котором ты просто вольно плаваешь.

[Акция «Мы уезжаем из Петербурга» \(2003\)](https://vimeo.com/66730005)

<https://vimeo.com/66730005>

— **Это очень интересно, что вы стали думать об обществе ровно тогда, когда стало заметно присутствие государства.**

— Да. Помню, тогда приехал Ким Чен Ир, ехали шикарные старые автомобили, и автоматчики стояли рядами. И у меня случился тогда какой-то щелчок: мой город, мой литературный, мой придуманный город как будто захвачен.

Сейчас, когда я выхожу в город, то это возможно только сознательно, я иду на демонстрации или снимать фильм. Это мой поступок. А так я не выхожу в город, я бегу по городу в какое-то место из точки в точку...

— **У меня ощущение, что город поделен на зоны доступа. Это, видимо, то, чего у вас не было. Я всегда должен понимать, имею я право здесь находиться или не имею.**

— Да-да! Раньше так вообще вопрос не стоял! Наше время

было в некотором смысле гораздо хуже — очень бедное, очень опасное. Но что касается каких-то живых вещей, все было гораздо интереснее.

— **Ощущение опасности города для вас было важным?**

— Конечно, да! Город должен быть опасным. Сейчас, когда у меня дочь, я соглашаюсь, что город лучше делать безопасным. Но вообще-то, если твоя жизнь безопасна, то непонятно, как ты можешь ее почувствовать. Нарвская, когда мы делали там рейд, была очень опасным местом! Там были улицы (сейчас их снесли), на которых стояли дома, давно уже предполагавшиеся под снос, но заселенные какими-то деклассированными людьми: отчасти они еще работали на ближайших заводах, отчасти вообще уже нигде не работали... Почти трущобы. Там жили крысы вместе с людьми, блохи, клопы, дома разваливались.

Глюкля (Наталья Першина)

— **Как бы вы охарактеризовали состояние города (как социальной, пространственной, политической системы), в котором проходили ваши акции в 1990-е годы? Чем это отличалось от предшествующего и последующего исторических периодов?**

«

**Мы тогда вообще не думали,
остановит нас милиция
или не остановит.**

»

— Для меня публичного пространства не существовало до 2000—2003 года. Это была черная дыра космоса, которую мы пронизывали белыми лучами наших интервенций. Но зато была улица, где все люди были наши, мы стремились туда. Это была наша сцена, где мы чувствовали себя свободно, потому что мы доверяли этому пространству извне нас, как листу чистой бумаги.

Да, был момент страха: неизвестно же, как черный лист бумаги себя поведет, — но нам это нравилось: искусства без при-

ключения не бывает.

Я не вижу особенной разницы в этом между сегодня и тогда. Сейчас точно так же городское пространство — интригующее нечто, в которое ты бросаешься с надеждой, что будешь услышан.

Но, с другой стороны (не со стороны внутреннего измерения или внутренней необходимости, как говорил Кандинский), разница между тогда и сейчас огромна. Потому что в полицейском государстве, которое сейчас Путин с друзьями устраивает из России, контроля гораздо больше. Это структурированное пространство страха и запрета очень отличается от 1990-х, где мы жили в хаотичном месиве общества и все было вокруг как глина, из которой можно было, казалось, что хочешь лепить.

«

**Не было идеи, что можно все
задокументировать на видео
и потом просто подложить
голос Шаляпина.
Все делалось по-настоящему.**

»

Когда мы делали перформанс «Торжество хрупкости» (2002) с нахимовцами, несущими белые платья, то это было потому, что мы уже почувствовали, что надо срочно спасать хрупкое, так как ставка на силу и власть начинала доставать. Но мы тогда вообще не думали, остановит нас милиция или не остановит. Такой вопрос не стоял. Мы были сосредоточены больше на том, как участники нашего перформанса себя чувствуют. Оголтельный майор, которого нам удалось вовлечь в наше дело, конечно же, ничего им не объяснил, а просто приказал: делайте так, и все. Ведь у нас был бюджет 300 евро, которые нам дал куратор Чарльз Эше.

В начале перформанса мы увидели, что юноши ничего не понимают и ужасно себя чувствуют. И мы прямо на Мар-

совом поле все остановили и принялись им рассказывать про то, что значит белое платье, про нашу игру. Они потом совсем в другом состоянии пошли. Прохожие выразительно комментировали наш марш: например, я помню, как кто-то на полном серьезе спросил: «Это что, новая секта?»

Энергия города тоже стала другая. Сейчас на улице все как бы очень благопристойно, но люди вялые. Только вот в 2011-м все как вывалили на митинги — вот это было да!

Улица сейчас является самой главной площадкой для художника. Это единственное чистое место, не оскверненное политикой или деньгами. Выходи и делай свое высказывание. Другое дело, что сейчас, конечно, это опаснее. Нужно готовиться гораздо больше и готовить близких к тому, что тебя заберут в милицию.

Группа «Фабрика найденных одежд». Триумф хрупкости. 2002 год

— Пространства, где вы совершали ваши акции, — можете ли вы сформулировать логику, согласно которой вы выбрали те или иные конкретные локации в городе?

— Логика была поэтическая — в связи с идеей. Я помню, как шла по Троицкому мосту и раскинувшаяся передо мною Нева дала мне это чувство: вот же наш холст, почему бы не представить, что наши кисти — это вертолет и что мы должны реку ублажить как единственное существо, которое понимает нас. Мы, как индейцы, должны ей принести свой дар, чтобы очиститься самим от страхов и тем самым очистить все вокруг. Так возникла идея перформанса «Ублажение Невы» (1996), в ходе которого мы сбрасывали в реку платья с вертолетов — тогда

арендовать вертолет не так дорого стоило.

Но также этот перформанс был связан с тревогой и болью о наших отцах, которые после перестройки были в ужасном состоянии — пили и губили себя, были потерянными и ненужными в этом обществе. Поэтому мы арендовали также и лодку, и наши отцы сидели там и вылавливали баграми одежду, сброшенную с вертолета, чтобы не сделать плохо реке. Нам еще казалось очень важным, чтобы это сопровождалось пением Шаляпина, ритуал ведь должен быть внушительным. Поэтому был пригнан также грузовик со звуковыми усилителями, и пляж Петропавловской крепости был облагорожен чудным голосом великого певца. Тогда ведь не было идеи, что можно все задокументировать на видео и потом просто подложить голос Шаляпина. Все делалось по-настоящему.

— Что из ваших акций было бы возможно, а что невозможно совершить сегодня и почему?

— Вертолетную акцию невозможно, наверно, теперь это очень дорого. До матросов нас бы не допустили или это потребовало бы невероятных усилий подготовки и хождения по инстанциям. Проникнуть в Нахимовское училище сейчас почти невозможно. А Путин, если бы увидел такое позорище, как военные юноши несут белые платья, наверно, сразу нас в тюрьму бы посадил.

Но зато мы извлекли из публичного пространства настоящий экстаз восторга совсем недавно, во время публичной программы «Манифесты-10» в Петербурге (2014), когда вышли на улицу из Александринского театра, где шли дебаты о болезненной теме аннексии Крыма, и двинулись по Невскому проспекту к статуе Гоголя. Моя идея была, чтобы кульминацией перформанса стал именно этот выход на улицу, когда театр не мог больше вынести дебатов по теме, которая слишком велика, чтобы уместиться в стенах театра. Акция (совместная с Анной Биткининой) была согласована — офис «Манифесты» постарался, и милиция нас охраняла, как она вообще-то должна всегда делать. Мы шли по Невскому и были абсолютно счастливы, как всегда в таких акциях, чувством невероятного единения и восторга оттого, что мы вместе и борьба продолжается.

«Товарищество Новые тупые» (Александр Ляшко, Владимир Козин, Инга Нагель, Елена Невердовская, Игорь Панин, Максим Райскин, Сергей Спирихин, Вадим Флягин, Олег Хвостов)

Владимир Козин,
Игорь Панин,
Вадим Флягин.
Акция,
видеоперформанс
«Светлое пасхальное
воскресенье».
Шапкинские озера,
Ленинградская область,
11 апреля 1999 года
© Клавдия Алексеева

Владимир Козин

— Как бы вы охарактеризовали состояние города (как социальной, пространственной, политической системы), в котором проходили ваши акции в 1990-е годы? Чем это состояние отличается от городской ситуации предшествующего и последовавшего исторических периодов?

— Состояние города 1990-х годов — это, с одной стороны, передел собственности, политическая нестабильность, с другой — нахлынувшая свобода: можно было что-то узнавать, совершать поступки, делать заявления. Ощущение свободы, драйва присутствовало, несмотря на нищету и безденежье. Это была ситуация выживания физического, материального.

Я жил и в советское время, и там была совсем другая система. Я работал в Мордовии в художественном фонде, иногда делал заказы, изредка зарабатывая... Сейчас это время воспринимается с некоторой ностальгией еще и потому, что мы просто были моложе.

В сравнении с сегодняшним днем... все ясно, тут и комментировать нечего. Выходит человек, который хотел что-то сказать, произнести. Его могут забрать в ментовку, надавать тумаков, выйдут защитники непонятно каких моральных ценностей и т.п.

В то время это было совершенно безразлично властным структурам: милиции, тем, кто занимался охраной правопорядка. Главное — чтобы не было разбоев, драк. В целом все

было достаточно свободно.

Петербург 1990-х был свободнее Петербурга сегодняшнего (как и город вообще). Для художников, для «Новых тупых» это было более комфортное время.

«

Это была ситуация выживания физического, материального.

»

— Пространства, где вы совершали ваши акции, — можете ли вы сформулировать логику, согласно которой вы выбрали те или иные конкретные локации в городе?

— Буду говорить от своего имени. Мне кажется, что логика была очень простой — чтобы это было близко, где-то под боком. Художники — люди ленивые... А поскольку Петербург в сравнении с Москвой — город небольшой, его можно было охватить, это были узнаваемые, знаковые места города. Единственные, кажется, места, куда мы выезжали, — под Вырицу и на Серезину (Сергея Спирихина. — *Ред.*) акцию неудавшуюся в Кронштадт, когда он пытался поджарить яичницу на костре сжигаемых произведений.

— Как городская ситуация влияла на образ, форму и содержание ваших акций?

— Влиял сам город, его архитектура, его пространства и их протяженность.

Могу сказать, что на меня повлиял город, когда я разрабатывал идею проекта «Музей мышеловки». Этот символ города был аналогией горизонтального пространства, открытого всем ветрам, с возможностью видеть достаточно далеко на противоположной стороне.

Если вспомнить акции, проходившие во дворах, в Ахматовском садике, на Дворцовой набережной или у Русского музея, то, конечно, это были сознательно избранные места.

— Что из ваших акций было бы возможно, а что невозможно совершить сегодня и почему?

— Дважды не войти в одну реку. Те акции, что мы проводили в то время, не соответствуют сегодняшнему духу, градусу времени. Они были рождены, проходили в то время, были уместны тогда. Судить об уместности этих акций сейчас невозможно. Носить столик на Дворцовой? Делать музей перед памятником Пушкину на площади Искусств? Прыгать с моста?..

«

**В то время мы были
достаточно наивными.
Нам было интересно.
Сейчас современному
искусству учат в институтах.
Люди обременены грузом
знаний.**

»

Изменилось время, изменилось то, что мы узнаем о происходящем в современном искусстве. В то время мы были достаточно наивными, во многом все происходило на уровне интуиции. Нам было интересно. Сейчас современному искусству учат в институтах. Люди обременены неким грузом знаний. У нас этого знания не было.

Была идея деятельности без результата. Важным было состояние, в которое мы входили благодаря этой деятельности.

Это тоже, пожалуй, свойство времени — безрассудство, эйфория от возможностей. Нам был важен процесс, окружающая нас обыденность.

У меня была идея проекта (неосуществленная) — снимать ежедневную регламентированную реальность, то, что не поддается кардинальным изменениям: как человек проснулся, сделал зарядку, почистил зубы, позавтракал, отправился на работу...

В этом мы существовали и с этим работали. А осталось...

в лучшем случае документ, артефакт, фотографии... яичницы, например.

— **Как изменилось ваше ощущение города с тех пор?**

— Город, конечно, поменялся. Что-то снесли, что-то замостили. Вонючие дворы-колодцы и лестницы, обгаженные котами, сохранились. Внешние декорации чуть-чуть обновились. Как человек, живущий в области, город я воспринимаю как некий театр. У меня есть четкий маршрут, которым хожу. Я очень редко выезжаю из центра, где города вообще нет, я его не воспринимаю Петербургом.

Санкт-Петербург — это центр и то место, где у меня мастерская. А поскольку я живу на дистанции в 50 км, то каждый раз, когда приезжаю, у меня нет усталости от города. Я никогда не ночую в мастерской. Все время для меня — некий внутренний праздник. Мало что поменялось в моем отношении к городу.

Александр Ляшко

— **Как бы вы охарактеризовали состояние города (как социальной, пространственной, политической системы), в котором проходили ваши акции в 1990-е годы? Чем это состояние отличается от городской ситуации предшествующего и последовавшего исторических периодов?**

«

Можно было передвигаться по городу и «работать» более свободно. Многие дворы были проходными.

»

— Петербург — большой мегаполис, в котором намешано много политических, этнических, культурных и других вещей. Он все время меняется. В 1990-е был один, сейчас — другой. С одной стороны, это были сложные годы, с другой — более раскрепощенные. Я мыслю как фотограф. Для меня город изменился в пространственном смысле.

Когда я говорю о городе, то имею в виду его центр. Это моя мастерская. Периферию я почти не знаю.

Раньше можно было передвигаться по городу и «работать» более свободно. Многие дворы были проходными. Зная центр, можно было пройти его насквозь в любых направлениях. «Тупые» эффективно это использовали. Ходили как тигры по тропам. Я жалею, что это утрачено. Защита, ворота, решетки, коды — это хорошо, это безопасность, условно, конечно, но все-таки. А раньше все было нараспашку. Но это было интересно.

Игорь Панин,
Сергей Спирихин,
Вадим Флягин,
Александр Ляшко.
Перформанс в городской
среде «Движение
чайного столика
к закату. Семь дней
пути». Санкт-Петербург,
25 августа 1996 года
© Александр Ляшко

Мы ходили по городу и устраивали акции прямо на ходу. Иногда они возникали без сформированной концепции. Моя задача как фотографа состояла в фиксировании происходящего. Меня почти не видно в акциях, потому что я был с другой стороны объектива. Мое участие заключалось в этом.

— Как городская ситуация влияла на образ, форму и содержание ваших акций? Что из ваших акций было бы возможно, а что невозможно совершить сегодня и почему?

— Петербург для меня — это большой интерьер. Идешь по улице, и кажется, что идешь по большой квартире. Этого нет в других городах, в Москве, например. Такое ощущение, что находишься у себя дома, просто комнаты очень большие, огромные. И чувствуешь себя очень комфортно.

Акция «Движение чайного столика к закату» (1996) состояла в передвижении стола по городу, который был интерьером. Стол как бы говорил, что вокруг не экстерьер, а именно интерьер, очень уютный, в котором можно пить чай/кофе/пиво и печатать на печатной машинке какие-то тексты. Совершенно домашняя ситуация. Путешествие по дому с перестановкой стола.

Представляете — берете стол и путешествуете по Петербургу, как по своей квартире? Эту акцию придумал я. Тогда я не формулировал ее четко в голове, она была внезапной, схематичной. Мне самому не очень понятной. Сейчас я могу объяснить, что я имел в виду, — Джеймс Джойс, «Улисс». Я жил в Манежном переулке, и этот стол стоял там. Биеннале современного искусства, на которую мы шли со столом, проходила в Манеже. Нужно было выйти из Манежного, идти по Пестеля, перейти Фонтанку,

«

**Милиционеры шмонали
торговцев сувенирами,
а к нам вообще не было
никаких претензий.
А сейчас нужны аусвайс,
обоснования, аккредитации,
регистрации.**

»

пройти по Мойке, Дворцовой площади и мимо Адмиралтейства. То, что свободно можно было делать в 1990-е, сейчас сделать будет сложно. Думаю, сейчас мы бы не дошли дальше Преображенского собора. Нас бы отвезли в участок. А тогда мы свободно сидели за столом на площади перед Зимним дворцом. Милиционеры шмонали торговцев сувенирами, а к нам вообще не было никаких претензий. А сейчас нужны аусвайс, обоснования, аккредитации, регистрации.

— **Пространства, где вы совершали ваши акции, — можете ли вы сформулировать логику, согласно которой вы выбрали те или иные конкретные локации в городе?**

— Есть фотография, где Панин в траншее... Мы бродили по городу. Просто шли с «Тупыми». Был еще один интересный парень, уже не помню его имени. Флягин и Панин увиде-

ли траншею. Панин в нее залез. Я сфотографировал. Потом мы развернулись и пошли обратно. Пришли в какую-то расселенную коммуналку, где остался жить только один человек. Бесконечные коридоры. Куда идти? Потолки до неба. Только неба не хватало. Вот и вся локация. Все на ходу...

— **И как изменилось ваше восприятие города с тех пор?**

— Не изменилось.

Елена Невердовская (о Вадиме Флягине и «Новых тупых»)

Пост в FB от 13.10.2016

Одинокий мужчина желает познакомиться.

Сегодняшний день проходит под знаком Флягина.

Весь день вертится в голове его «Любовь к брату», «Любовь к брату два» и красные буквы «пейзаж», растворившиеся в уже не существующем пейзаже.

И вот что оказывается, если подумать, — Флягин был главным пространствообразующим персонажем Петербурга «Тупых» середины 1990-х. Он единственный жил на поверхности, осмысляя стягивающую город поперечную балку Литейного, с небольшим довеском Владимирского вплоть до рынка, где Флягин покупал борейскую траву. Невский был темен и пуст, он не мог быть никакой осью в то время. Другие не жили в той топографической реальности, они как бы точно возникали из ниоткуда. Хотя нет, Козин возникал на Московском вокзале, а потом как бы сразу оказывался у Борея. И Сергей Спирихин возникал, ведь невозможно было даже представить, что он мог

Владимир Козин,
Игорь Панин,
Сергей Спирихин,
Вадим Флягин.
Инсталляция, акция,
перформанс «Венок».
Смольный собор
(Санкт-Петербург),
3 октября 1996 года
© Сергей Тенин

где-то на Нарвской спускаться в метро, а затем ехать в подземном поезде, прижимая пахнущие жидким маслом и растворителем холсты к серому плащу или куртке, и выныривать рядом с Литейным, затем спускаться в Борей, а уж оттуда планировать все свои вылазки и победы. Инга вообще не перемещалась по городу, ее тонкий профиль казался облаком сигаретного дыма подчас. Панин существовал вообще вне пространства и времени, он запрокидывал голову, закатывал светлые глаза и пропадал в своей речи. «Ушел в женщину», «ушел в работу» (надписи. — *Ред.*) стояли на стульях — одной из его работ в галерее Вальрана, «Необатализм 2».

«

**Невский был темен и пуст,
он не мог быть никакой
осью. Другие не жили в той
топографической реальности,
они как бы точечно возникали
из ниоткуда.**

»

Да, Лиговский благодаря Вальрану стал еще одной балкой, удерживающей пустой Невский и не дающей городу развалиться. («Пушкинская-10» была точкой, как многое в городе, а не магистралью.)

Флягин, как дитя подземелья, хотел и Дворцовую освоить, приручить, преобразовать под себя. Для этого нужно было вынуть часть мостовой, выкопать пару комнат и санузел и закрыть все бронированным стеклом вместо крыши. Снаружи бы ходили несуществующие люди, а под стеклом жил бы Художник.

В Петербурге 1990-х всегда темно, всегда пусто, жителей нет, есть только отдельные персонажи. Проходные и релевантные для истории. Встречи с последними запоминались в обязательном порядке лайф, их высказывания заучивались

для будущих мемуаров.

Алик Семенцов, попавший в нашу квартиру, восхищенно кричал: «Это же искусство! Это ж надо клеить!», подразумевая — консервировать как инсталляцию.

Так вот там — нужно было все клеить: и темный неосвещенный город с пустым Невским и знаковым Литейным, и комара перед больницей, и Флягина на стуле в «Борее»¹.

Вадим Афиногенович. Человек, художник и экспонат.

Игорь Панин

— Как бы вы охарактеризовали состояние города (как социальной, пространственной, политической системы), в котором проходили ваши акции в 1990-е годы? Чем это состояние отличается от городской ситуации предшествующего и последовавшего исторических периодов?

— Дело в большей степени не от города зависит, а от людей, которые там живут.

Я не вижу никакой разницы между городом 1970-х и городом 1990-х. Могу сказать, что город 1970-х был более спокойным и пустынным.

Город 1980-х был чем-то наполнен, была какая-то политическая среда, которая была и в 1960-х, и в 1970-х, и в 1980-х. Город советского режима был контролируемым в прямом смысле. И это был контроль всего чего угодно.

В 1990-х город, конечно, стал другого режима. Поэтому на фоне города советского город перестроечный был свободным, уже свободным.

Но для искусства, для художественных поступков политическая среда, город не имеют никакого значения.

Город — он в большой степени для широких социальных масс. Город имеет значение для жилищных служб, для бизнеса. Единственное — художественные поступки бывают более средними, бывают более плоскими. Но смысл искусства, смысл работы художника в городской среде — делать художественный объект. Здесь речь, конечно, идет не о политических демонстрациях. Я могу сказать, что политические демонстрации устроены везде одинаково при любом режиме, при любой ситуации общества. Это две большие разницы. Акции «Тупых» имеют привязку к Петербургу, ибо мы здесь жили. Жили бы мы в Нью-Йорке / Вене / Нижнем Новгороде, это было бы в одном из этих городов. А так как мы жили в Петербурге,

¹ Перечисление некоторых работ «Новых тупых».

это было в Петербурге. Мне кажется, это связано просто с этим — с местоположением художника в пространстве.

— Пространства, где вы совершали ваши акции, — можете ли вы сформулировать логику, согласно которой вы выбрали те или иные конкретные локации в городе?

— Относительно города Петербурга — да, они были обусловлены знакомой средой и некоторыми узловыми, знаковыми историческими точками. Например, зачем делать акции на лодочной станции в лодочном клубе, если есть «лодочная станция» — «Аврора»? Естественно, для художественной акции «Аврора» будет более выигрышной. А памятник Петру более значим, нежели памятник Ленину.

«

**Смысл художника —
зацепить время и какую-то
возможность. Мы просто
успели где-то что-то сделать,
где сейчас это невозможно
сделать.**

»

Культурная составляющая имела большое значение. Так как в большей степени это были не политические акции, а художественные, то фактор культуры прошлой среды имел большое значение.

— Как городская ситуация влияла на образ, форму и содержание ваших акций?

— Она только помогала, конечно, но здесь ведь штука такая — опять мы возвращаемся к первому вопросу — думать, что среда определяет личность... Это где-то так и есть. Но смысл художника — разыграть эту среду и включить ее в свою идею, в свой проект. Мы разыгрывали эту ситуацию. Это как при раздаче карт: у тебя оказался определенный расклад мастей, и ты играешь

этими мастьями. Так же и город. Мы оказались в 1996 году. Если бы это было в 2016-м, то проект выстраивался бы для 2016 года. — **Что из ваших акций было бы возможно, а что невозможно совершить сегодня и почему?**

— Невозможно было бы осуществить акцию «Памятник комару» (1997), потому что уже не существует ни этой чаши, ни этой змеи и место это пустое. Невозможно было бы запустить стрелку в Смольном соборе, потому что изменилась среда сооружения. Невозможно было бы в Константиновском дворце что-то сделать, потому что он уже изменил свою знаковую суть. Здесь логически вытекает, что смысл художника — зацепить время и какую-то возможность, где это возможно было бы сделать. Если мы проследим какую-то часть акции, то мы просто успели где-то что-то сделать, где сейчас это невозможно сделать. Было «свято место», которое мы включили в свой проект. Сейчас также есть те места, где еще возможно что-либо сделать, но сегодня это были бы другие места.

— **Как вы тогда воспринимали на уровне интонации пространство города? И как изменилось это ощущение с тех пор?**

— Городская среда — это всегда экспериментальная уникальная среда. В каждое время существует своя уникальность. В одну и ту же воду дважды не войдешь. В каждой голове существует своя интонация. Интонацию же 1990-х годов

Игорь Панин.
Ситуационный перформанс
«На Литейном».
Литейный проспект, 52
(Санкт-Петербург),
29 июня 1996 года
© Александр Ляшко

я бы не стал определять. Город воспринимался как экспериментальная площадка. Мы искали какие-то углы для экспериментов. И эти эксперименты, эти площадки были до нас, и сейчас они там, но все это меняется. Каким я был в детстве? В 3 года я соответствовал трехлетнему ребенку, в 5 — пятилетнему, в 20 — двадцатилетнему. Какие люди бывают в 20 лет? Этот, например, был в 6 лет круче, чем некоторые в 70. Интонация — индивидуальное понятие. В городе 1990-х годов существовали такие понятия, как «ленинградцы», «блокадники». Сейчас они отсутствуют, потому что ушел этот пласт. Интонацию города определяют его жители, тот исторический пласт, в котором мы живем, определенный культурный уровень. Тогда еще был академик Лихачев, Курехин был рядом и занимался своими программами. Названия, среда были другими. Город в то время был еще не так разрушен, как сейчас. Тогда не было изуродованного, развращенного большим бизнесом центрального городского ландшафта, архитекторы были не такими распущенными (не совсем купленными). Была экспериментальная торговля: тогда еще только начинали строить ларьки. У нас на глазах менялась архитектурная среда, соответственно психологически менялась среда городская.

«

**Тогда не было
изуродованного,
развращенного большим
бизнесом центрального
городского ландшафта.**

»

Чтобы не описывать Петербург сегодня, я бы описал целиком страну. Все большие города обладают историческим противовесом, непотопляемостью. Большая политика вряд ли может их изменить, хотя некое ощущение блокады присутствует. Город 2016 года стал напоминать город 1980 года: слег-

ка опустел, бабушек не стало многих (в реальном смысле этого слова), много новых других людей. Город — это люди. Что касается архитектуры, одно убожество сменилось на другое. Например, появилось много одинаковых сетевых магазинов.

Город стал более общим понятием, более сувенирным. Покрасили Петропавловскую крепость в цвет кирпича, хотя он был кирпичным сам по себе. Город становится туристической зоной, что, может быть, и хорошо, потому что он начинает экономически жить как туристическая территория. То же самое могу сказать про город Москву. Появился лоск определенный. Ушла немытость, зашили дырявые носки, постирали их. Петербург — огромная единица. Большой, мощный город с мощной культурной средой. Число событий и значимых точек превышает число каналов телевидения. Это большая, сильная среда. Мы использовали его возможности процентов на пять, может быть, на три, может быть, на два, а точнее, на 0,02.

Максим Райскин

На мой взгляд, никакого особого пиетета перед городом или какой-то особой петербургской традицией у «Новых тупых» не было. Их часто сравнивали с обэриутами, но точно так же можно провести какие-то параллели с французскими дадаистами, Флюксусом или еще кем-нибудь.

Но влияние Петербурга 1990-х тем не менее было. Сейчас даже трудно представить, в какой феерической нищете жил тогда город. Поскольку заработать денег в Петербурге для большинства было практически невозможно, то мало кто к этому и стремился, по крайней мере, года до 2000-го. Многие, в том числе и я, жили в сквотах, практически никто не помышлял о покупке машины или квартиры. Вообще материальная и соответственно «карьерная» сторона жизни как будто полностью отсутствовала.

Почему я подробно говорю о таких очевидных вещах? Нравится нам это или нет, деньги как эквивалент труда являются важной частью человеческой жизни. Уберите их, и окажется, что жизнь превратилась в сплошные новогодние праздники, когда можно не работать (или работать, только когда хочется), пить, ходить друг к другу в гости, общаться на отвлеченные темы. Жизнь при отсутствии необходимости зарабатывания денег сильно упрощается. Парадокс: несмотря на то что жизнь в 1990-е в Петербурге была необыкновенно трудна, она была при этом необыкновенно проста.

В этом смысле Петербург был отчасти похож на Западный Берлин до падения стены: жилье было легко достижимо, много художников жило в сквотах, вопросы карьеры, зарабатывания денег не стояли — достаточно было немного работать, чтобы поддерживать свое существование и заниматься тем, чем хочешь.

Западный Берлин официально перестал существовать более 25 лет назад. Сейчас в Германии существует такой принцип: если художник через пару лет не может прокормить себя как художник, значит, он не художник, но любитель. Я не хочу сказать, что это приводит меня в дикий восторг: это просто реалии капиталистического общества. Художники, хотя бы они того или нет, вынуждены им соответствовать. Необходимость «платить по счетам» очень сильно усложняет их жизнь, но, возможно, делает ее более профессиональной.

«

**Поскольку заработать денег
в Петербурге для большинства
было практически
невозможно, то мало
кто к этому и стремился.
«Карьерная» сторона жизни
отсутствовала.**

»

Думаю, не открою ничего нового, если скажу, что искусство на Западе считается состоявшимся, если оно легитимировало себя в трех областях: если оно имеет стоимость на художественном рынке, если его выставляют в музеях и если оно вошло в систему образования, т.е. о нем рассказывают в университетах.

В Питере 1990-х эти области легитимации отсутствовали, их заменял принцип участия. Художником был тот, кто себя так

называет, и тот, кто участвовал в этой жизни, переполненной выставками, перформансами, хэппенингами, вернисажами и ночными посиделками на коммунальных кухнях. Это было. Это было прекрасно в своей простоте и самодостаточности, но этого больше нет.

Сергей Спирихин

(Чтобы ответить на вопросы о городе, нужно для начала представить тех, кто отвечает. Чтобы снять излишнее напряжение в сформулированных вопросах, задающих несколько ложную оппозицию «город — субъекты в нем».)

Петербург — это не совсем город в смысле строения и административного права. Тем более для группы «Новые тупые». Даже будучи прописанным на Невском, ты можешь жить вовсе не в городе, а в другом измерении, просто в коммунальных платежах и в капризах погоды. Петербург прежде всего — это «Петербургский текст». И раз отвечают «Тупые», то этот город они прежде всего и будут иметь в виду.)

«

Для меня улица была местом заработка.

»

Ответы

Состояние города 1990-х, наверное, можно определить как постмодернистскую эклектику, включающую революционную разруху, НЭП, Чикаго 1930-х и восточный базар. А в смысле настроения — это время вольницы, подвески, авантюры, пира во время чумы, пассионарности, брошенности, цинизма, инфляции и стагнации смыслов, страхов, надежд — переполяризация мира, когда утки летят вперед хвостами.

Для «Тупых» такое положение вещей, видимо, и было плодотворным. Ничего «превозмогающего себя» не надо было выдумывать, надо было только найти такому самочувствию адекватную форму. Даже не найти, а не полениться поднять эту форму на дороге и не побояться (не побрезговать) примерить ее на себя. Ну и еще чтобы оказалось впору. Видимо, это и была

акакиевская шинель-2, как бы разыгранная товариществом в постсоветском Ленинбурге.

В такой шинели маленького человека мы и осуществляли свои — уличные в том числе — акции. Большой разницы, где представляться — «внутри галереи или вовне», мы не видели, метафизическое пространство города для нас было единым: большая декорация, где бегают сумасшедшие евгении, акакии, обломовы... (Хоть обломовы как раз и не бегают, но это приятное исключение.)

У Довлатова есть такой эпизод: встречается он с приятелем Валерой у Пяти углов (возможно, это поэт Глеб Горбовский), там еще стояла скамейка у театральной кассы, Довлатов спрашивает у Валеры: ну, как жизнь? Да так, говорит, все бросил, ото всех ушел, работы нет, «Былое и думы» — и те пропиты вчера. «Ну и где же ты живешь?» Валера встает со скамейки и широко разводит большими руками: «Я? А — везде!»

Клавдия Алексева,
Владимир Козин,
Инга Нагель,
Елена Невердовская,
Игорь Панин,
Максим Райскин,
Сергей Спирихин,
Вадим Флягин,
Олег Хвостов.
Ландшафтная
акция, инсталляция
«Обнаружение пейзажа».
Парк Константиновского
дворца, поселок
Стрельна (Санкт-
Петербург),
29 августа 1998 года
© Юрий Молодковец

Что-то типа этого было и у всех «Тупых». «Дома» или не было, или это было трудно назвать «домом». Для меня улица была местом заработка (продавал для народа пейзажи с лотка, как калачи, благо «народ» и сам жил на улицах, торгуя накопленным богатством). Демократизм бытия был как у Диогена в винной амфоре в Афинах (хотя в головах шел евроремонт).

Отпутать такую запутанность своими силами довольно сложно, но можно ее показать: например, «Памятник комару на Литейном» (1997) — как раз такая иллюстрация. Бронзовая чаша у решетки Мариинской больницы на Литейном была взята самохватом вполне в духе времени, туда поставили проволочного

комара, исполненного Володей Козиным в человеческий рост; памятник этому бичу божьему наделал много шума в СМИ и в путеводителях — это же действительно символ Петербурга, триста лет и три года загнанный в коллективное бессознательное.

Сегодня для подобного памятника пришлось бы втираться к власти в доверие, разрабатывать схему взяток, ходить на поклон к патриарху, пить на стрелке водку мира с братьями-казаками или сидеть, свесив ноги, на нарах за самострой.

«

Демократизм бытия был как у Диогена в винной амфоре в Афинах (хотя в головах шел евроремонт).

»

Такая же участь, наверное, постигла бы и «Пасху», и «Светлое похмелье в шишкинском лесу», а в Стрельне, если бы мы сейчас там пытались под руководством Ели Невердовской «обнаружить пейзаж», нас бы просто пристрелили охранники Константиновского дворца, испугавшись одного только «Автопортрета» Олега Хвостова, который был выставлен тогда в подземелье.

Можно только порадоваться за милиционеров и правозащитников, что «Тупые» вовремя вымерли (надели овечьи шкуры): меньше забот.

Так что акции «Тупых» вполне вписывались в «общий контекст» под названием «общее дело». Какие-то гонения со стороны, так сказать, властей были исключены: у них там своих перформансов было невпроворот. Наоборот, культурные власти устраивали ежегодные «Солнцевороты», где уличные и экспериментальные театры делали что хотели. Театр «Дерево», постмодернистский «Формальный театр» Могучего, «Поп-механика» Курехина, группа «Тижолае Изкуство», «ФНО», «Академики», «Митьки» — все топтали свою заячью поляну под светлым питерским солнцем.

Если в основании «тупизма» лежали абсурдизм, сюрреализм, минимализм и дадаизм, то одно это уже заставляло

практиковать «стирание границ», переходить от конструктивного к деконструкциям, а сознание испытывать на прочность разрушительным бессознательным, когда оно было в кондиции. Стратегия «игры означающих с означаемым» на практике тоже приводила к неизбежным кульбитам. «Сделаем вашу жизнь красивой» (1997) — акция-пародия на местные выборы в питерскую думу. В галерее или у себя дома проводить ее было бы бессмысленно по законам жанра. Сидеть на кухне с лозунгами по стенам «Голосуй за Чебурашку!» — это, конечно, крутой соцартовский изыск, грозивший бы в 1970-х невероятными жертвами, но в 1997-м даже на Литейном он не произвел никакого шума: сумеречные прохожие и две приглашенные бомжихи ни грамма не удивились — вот Яковлева недавно избрали мэром, хоть и видно, что он животное, а прошел.

«

Яковлева недавно избрали мэром; хоть и видно, что он животное, а прошел.

»

В сравнении с 1980-ми в 1990-е с петербургским текстом, конечно, произошли большие изменения: он стал более читабельным, разновариантным и открытым широкой публике для дополнений. В данное время он набирает свои страницы дальше, кажется, в геометрической прогрессии благодаря виртуальному пространству.

А тогда город был почти без интернета и без соцсетей. И этим все сказано об эпохе. Узлами связи и коммуникационными потоками были реальные люди на двух ногах, пробирающиеся по своим тропинкам по руинам и новострою (все тогда было Яковлевым перекопано, центр очень удачно представлял собой декорации для кино на тему апокалипсиса).

«Тупые потопали топтать по тупосу», — говорил Валерий Савчук², когда мы неожиданно, как у сюрреалистов, пересека-

² Теоретик искусства и философ.

лись на маршруте.

Что касается логики выбора мест, то ее формулировка проста: где пусто место, там, видимо, нас и не хватает, то есть потому оно и пусто, что нас там еще нет. Желательно еще, чтобы поблизости был пивной киоск. Тогда смысловое поле рабочего локуса быстрее поддается расшифровке и последующей перекодировке. Акция-инсталляция вокруг памятника Пушкину у Русского музея, где на газетах были представлены русские художники в виде материнских плат — Шишкин в виде шишки, Коровин в виде коровы, Поленов — полена, — отвечала такой причинно-следственной рассудочности. Сермяжность и посконность родной культуры вдруг просветилась сквозь эту уличную выставку. А туристы, глядя на шишку, должны были осознать, что не боги горшки обжигают.

«

На станции метро «Сенная» меня ставили милиционеры к стенке и пытались стрельнуть из табельного оружия в затылок.

»

«Движение чайного столика к закату» (1996) — тоже показательный перформанс в плане обживания, одомашнивания имперской статности и открытости фасада Петербурга. Один из удачных фрагментов этой акции — «Тупые» сидят на Дворцовой площади в тени ангела с Александрийского столпа, двигаясь вместе с ползучей вечерней тенью. Это само по себе красиво, как картинка из Кирико: нерукотворное солнце на одной стороне мира, пушкинский Александрийский столп и рукотворный ангел в центре, а на окраине, в тени — х*етворные три художника — за тлетворным круглым столом! (Шуру Ляшко не видно, он снимал, и его идея.)

«Внутренний эротизм» (2000) из той же серии, только

одомашнивание впало в крайность публичного совокупления с этими декоративными атрибутами петербургского мифа.

В «Возможно, Беккет»³ это описывается так:

«Акция Взаимного оплодотворения (Большого оплодотворения, Мимолетного насилия, Концептуального пристаивания) длилась три дня. Мы ходили по центру и высматривали достойные насилия, соблазнительные и фотогеничные элементы экстерьера. Это мог быть мусорный контейнер или почтовый ящик в темном подъезде. Водосточная труба с объявлением

Акция «Новый образ лидера». Участники: Алексей Варсопко, Гарри Зух, Владимир Козин, Игорь Межеричский, Максим Райскин, Сергей Спирихин, Вадим Флягин, нищенки с паперти Владимирского собора и лица без определенного места жительства. Литейный проспект (Санкт-Петербург), 6 декабря 1998 года © Фото из архива «Товарищества Новые тупые»

“женюсь на девице с любым прошлым”. Есть фотография, где мы облепили мост на Некрасова. Целая серия, где мы возимся с тяжелыми отпилами парковых кленов (лип). Ступеньки дворца. Заигрывание с кустами. Насилование всем телом Флягина, взятым поперек, красивой кирпичной стены с отверстием для прохода кошек. Изнурительный половой акт с дыркой в набережной Фонтанки, до которой еще нужно было добратся через водоросли. Дорожные указатели. Клумбы с геранью. Двор-колодец с искрами сварочного аппарата вместе со сварщиком в маске. Конструктивистские железные лестницы. Отверстия в люках и решетках. Половодье чувств! В Ахматовском садике (по которому она ходила) был снят непристойно-зажигательный звуковой фильм под названием “Землеебы”. Утреннее солнце, охристо-медово-зеленоватая гамма, Панин, Флягин и я копаем веточками эротообразные лунки и щели в достаточ-

³ Книга Сергея Спирихина.

ном количестве, отбрасываем в траву все лишнее, вставляем еще не разогретые члены в эти холодные норки — дальше кто на свой вкус, кто по учебнику (если есть такой учебник)».

Почему не было в то время деления на сакральные пространства и профанные? На добро и зло? Пришел постмодернизм? Только одним этим (не) или возможно объяснить, почему, например, у девушки-милицейской в Манеже после открытия выставки современного искусства появился под глазом отчетливый фингал, почему «Тупые» рисовали на лицах своих поклонников образ «я у мамы дурочка», почему Флягин сжег свою шинель на Вечном огне на Марсовом поле, зачем он разбил свои «банки»⁴, зачем темной ночью на станции метро «Сенная» меня ставили милиционеры к стенке и пытались стрельнуть из табельного оружия в затылок; отчего, зачем все это?

А по поводу различений «тогда, вчера, сегодня» — вряд ли ценностно-экзистенциальное измерение убывает или прибавляется. Нынешний дворник-татарин метет свой участок на Звездной с таким же эротическим пофигизмом, как и «Тупые» в свою бытность ухаживали за метафизическим обликом города на Неве. В смысле благоустройства и Блага — никому не выйти из своего горизонта Судьбы, не обмануть, не прочесть мораль, разве что адекватно ее запросу ее с нею же разделить. И этим отделаться.

Олег Хвостов

Правда в том, что мы об этом не думали, не выбирали и не анализировали ситуацию, а просто в ней жили и пили пиво.

«

Просто жили и пили пиво.

»

⁴ Серия работ Вадима Флягина размещалась в стеклянных банках.

Памятник. Призрак. Революционер

Снос памятника
Феликсу
Держинскому
на Лубянской
площади в Москве.
1991 год

Глеб Напреенко о том, как революционер Держинский стал памятником, который снесли революционеры, Бренер стал призракoм того памятника, а Павленский хочет стать памятником тому призраку

Памятник и революционер

Революции сносят памятники. В 1871 году Парижская коммуна по инициативе художника Гюстава Курбе снесла Вандомскую колонну — памятник наполеоновскому милитаризму. В 1917—1918 годах в России прокатилась волна сносов памятников царизму. Один из них, снос памятника Александру III в Москве, стал позднее ключевым образом фильма «Октябрь» Сергея Эйзенштейна (1927). В 1991 году толпа протестующих против переворота ГКЧП добилась сноса памятника Держинскому на Лубянке. А во время Майдана в 2014 году начался «ленино-

пад» — снос памятников Ленину — на Украине.

Но что такое памятник? Что делают восставшие и революционеры, разрушая его? Ответ вроде бы очевиден: памятник — символ уничтожаемого политического режима. Но в чем состоит его символическая функция? Она заключена не только в нем самом — не только в том, что он изображает российского императора, основателя ВЧК или военные победы армии Наполеона. Памятник обозначает определенные отношения представляемой им фигуры с пространством окружающего его города — отношения «фигура/фон», лежащие в основе гештальта, целостного замкнутого образа, отделяемого от окружающей его среды. В отношениях «фигура/фон» два уровня городской реальности разделяются как несмешиваемые. Постулируемая памятником невозможность их смешения задает определенное понимание того, что есть город, — понимание политическое, то есть утверждающее стабильность определенного политического режима. Словно, пока стоит памятник, в городе соблюдается разделение между разными его слоями — пространственными, временными, социальными. И отношения «фигура/фон» служат символическим гарантом этого разделения. Именно их атакует революция в памятниках.

Снос памятника
Александру III в Москве.
1918 год

Принцип «фигура/фон» пронизывает наше повседневное восприятие города: мы мыслим себя на фоне города, наподобие фигурок стаффажа в классическом пейзаже. Стабильно функционирующий, воспроизводящий себя как систему город постоянно поддерживает разделение своих слоев. Между этими слоями, разумеется, возможны взаимодействия и смешения, но только по определенным установленным законам, которые и составляют порядок города. Ключевые имена этого закона записаны на памятниках. Но когда сносы памятников в ходе революции из стихийных становятся нормативными, можно говорить о том, что они стали частью новой городской системы, — например, когда на Украине «ленинопад» стал «декоммунизацией».

«

Чистота города во время путинской инаугурации — провозвестник дальнейшей стерилизации Москвы.

»

Что я называю слоями города? По-разному движущиеся элементы пейзажа: автомобили, общественный транспорт, пешеходов, плакаты, временные сооружения, крепкие постройки. Застройку разных эпох: деревянные сельские домишки, особняки, доходные дома, фабрики, конструктивистские кварталы, элитные новостройки, торговые центры. Разные слои общества. Человеческие и материальные ресурсы, финансы и информацию. Капитал и труд. Каждый из этих слоев — поток, движущийся и меняющийся в пространстве со своей скоростью. Например, иллюзия неподвижности зданий — лишь эффект медлительности их трансформаций.

Иногда — например, вследствие революции — законы, регулирующие отношения между слоями города, нарушаются и срываются. Тогда потоки начинают смешиваться (бедняки врываются во дворцы и захватывают телеграф) или, напротив,

теряют сцепку друг с другом (каждый спасает свою шкуру, государственные институты перестают исполнять свои обязанности).

На чем зиждется порядок города — порядок несмещения разных его слоев? Порядок, задействующий человеческую готовность подчиняться? Возможны разные ответы — на автоматизме, на страхе неудовольствия или непризнания, на насилии... Но есть ли у этого порядка какие-то всеобщие гаранты, подобные логике гомеостаза в природе? Нет. Город — проявление изъятости человека из природы. Город — не джунгли. Человек как существо, потенциально несогласное с чем угодно, — обязательный элемент города. Именно факт человеческого несогласия задействуют революции. Но все то, что им противостоит, — все то, что залатывает провалы в гарантиях воспроизводства существующего общества, — указывает на риск несогласия: указывает, скрывая его.

«

Шинели снуют в роскошных интерьерах.

»

Символическими заплатами на риске человеческой непопущности помимо памятников служат производимые в городе ритуалы, прикрывающие точки, где может сорваться воспроизводство общественного строя. Например, в дореволюционной России одним из таких ритуалов была коронация, сшивавшая правления разных царей, а также множество других церемониалов — например, военные парады, демонстрирующие невозможность сокрушения государственного строя ни извне, ни изнутри. Коронация и парады, как и памятники, производят разделение «фигура/фон»: чинно и плавно плывут на фоне толпы и зданий собранные в геометрические фигуры тела солдат и придворных. Именно в краткий момент междуцарствия попыталось внедриться в свое время восстание декабристов.

Если парады так никогда толком и не прекращались со времен империи, то о коронации в России уже позабыли — но недавно у россиян возникла возможность вспомнить об этом ритуале во время инаугурации Владимира Путина 7 мая 2012

года. Логика «фигуры/фона» в президентской церемонии была соблюдена безупречно: кортеж Путина торжественно проехал по полностью очищенным от прохожих и автомобилистов улицам Москвы, напоминающим фотообой. Политическое значение чистоты фона здесь было как нельзя более очевидно: накануне в Москве состоялся многотысячный митинг, впервые за долгие годы в столице сопровождавшийся массовыми столкновениями протестующих с полицией, — и во избежание эксцессов маршрут президента был зачищен. Чистота здесь — эффект жесткого разделения разных слоев города: президентского кортежа, зданий и граждан. Это разделение было, как и всегда, призвано не допустить срыва воспроизводства общественного порядка.

Сегодня ретроспективно кажется, что чистота города во время путинской инаугурации — провозвестник дальнейшей стерилизации Москвы: сноса «самостроя» и благоустройства ЦАО по программе «Моя улица» в 2016 году. Эти градостроительные инициативы реализуют намеченное после 6 мая 2012 года стремление власти к ясному и четкому разделению слоев города: больше не должно быть никаких промежуточных слоев неурегулированной торговли между государственной властью и крупным капиталом, с одной стороны, и горожанами, с другой.

Логика несмещения противостоит революционной логике монтажа и апроприации. Церемониалы, рожденные русской революцией, взяли за основу церемониалы царской России — но изменили их смысл, заместив в них некоторые прежние элементы новыми. Примером тому — **«красные похороны»** погибших героев революции на Марсовом поле в 1917 году. Провозвестником этой церемонии стали нецерковные похороны-митинг Баумана в 1905 году. Но для похорон на Марсовом поле был разработан особый, ранее не существовавший ритуал. И этот ритуал осуществлял двойное присвоение: доселе церковной церемонии похорон — и доселе предназначенного для парадов пространства Марсова поля.

Низовой перемонтаж старой реальности продолжился во время реализации ленинского плана монументальной пропаганды — новые, чаще всего сознательно временные, сделанные из некрепких материалов **памятники воздвигались нередко на старых постаментах**.

Уже в интеллектуально осмысленном, эстетском виде перемонтаж старой реальности как средство ее революционизации

[http://
openleft.
ru/?p=5683](http://openleft.ru/?p=5683)

[http://
openleft.
ru/?p=423](http://openleft.ru/?p=423)

был взят на вооружение производственниками и конструктивистами в искусстве — и Эйзенштейном в кинематографе. Например, в «Октябре» (1927) Зимний дворец наполняется теми, для кого он не предназначен: солдатами и солдатками. Шинели снуют в роскошных интерьерах. Монтаж, смешение разных слоев города производит метафору, прибавочный смысл — и становится способом высказать что-то, не высказываемое иначе. Солдат в казарме и статуя во дворце — каждый в своем слое городской реальности — несут лишь уже заранее известное знание. Но их встреча порождает то, чего не бывало раньше.

Кадр из фильма Сергея Эйзенштейна «Октябрь» (1927)

Но как отличается эта сцена вторжения солдат в Зимний дворец, полная драматических столкновений пришельцев с объектами дворцового быта, от тождественной по сюжету сцены из «Ленина в Октябре» Михаила Ромма, снятой десятью годами позже, в 1937-м! У Ромма предводитель ворвавшихся назидательно призывает товарищей относиться с уважением к ценностям дворца — то есть поддержать разделение и смешение слоев реальности. Ритуалы, рожденные революцией и построенные как экспериментальный перемонтаж старых царских церемониалов, в сталинское время перестали быть символами незнания, символами открытости никому не известным переменам — но, напротив, стали знаками существования высшего знания, высшего разумного закона, обладателем которого стала считаться партия во главе с генсеком.

Призраки вместо памятников, памятники вместо призраков
Художники в обезвреженном виде осуществляют те смешения и перехлесты городских слоев, которое всерьез производят

революционеры, террористы, юродивые, нелегальные строители — или призраки. Призраки, согласно легендам, возникают в разрывах между слоями реальности — там, где должна была быть сцепка между ними, приводящая их в движение по некому закону, но где ее не оказывается. Таким разрывом может стать смерть человека, государства или целой политической модели в результате революции — например, Российской империи или Советского Союза. Призраки обычно обладают каким-то скрытым, оборванным знанием, а иногда стремятся сообщить нечто нелицеприятное — например, кто на самом деле получил выгоду от гибели их живых прообразов. Призраки могут даже подстрекать к восстанию — но сами не владеют никакими реальными средствами его осуществления.

«

В самом ли деле пустоет место памятника Дзержинскому?

»

1995 год. Художник Александр Бренер, стоя на месте снесенного четырьмя годами ранее памятника Дзержинскому на Лубянке, выкрикивал, словно обращаясь к кружащим вокруг него по развороту автомобилям: «Все в порядке! Продолжайте работать! Я ваш новый коммерческий директор! Все в порядке!» Бренер озвучивал умолчанные императивы постсоветского капитализма — но из того места, которое считалось отныне освобожденным и пустым — места якобы чистого фона безо всякой фигуры. Настойчиво убеждая отсутствующих адресатов своей речи, что «все в порядке» — то есть что говорить, в общем-то, не о чем, что его, Бренера, как бы и нет, — он неизбежно заставлял подозревать: а все ли в самом деле в порядке? В самом ли деле пустоет место памятника Дзержинскому, этого символа власти? Бесконечное кружение автомобилей задавало ту длительность, в которой вопросы Бренера повисали без ответа.

Разрыв, возникший между слоями города в 1990-е, — это

разрыв между государством и его гражданами, ранее находившимся под его опекой и надзором. Возникшую неопределенность можно прочесть и как долгожданную либеральную свободу, и как потерю законных ориентиров и социальных гарантий — в зависимости от того, где тебе повезло или не повезло оказаться в новый исторический период. В уличных акциях 1990-х годов, даже самых настойчиво-телесных, художники выступали как призраки, как фантомы, возникающие в прорехах городской и исторической реальности, — как осколки текстов о Петербурге («Фабрика найденных одежд»), как бездомные собаки (Олег Кулик), как кричащие без надежды быть

Александр Бренер.
«Чего не доделал
Давид?» (Лубянская
площадь в Москве, 1995)

услышанными теми, к кому они обращаются (Александр Бренер в акции «Первая перчатка» (1994) вызывал на бой Бориса Ельцина, адресуясь безучастным кремлевским стенам). Изъятость акционистов 1990-х из окружающего города создавала эстетическое измерение их акций — словно они осуществлялись в ином, приостановленном времени, выключенном из каких-либо отношений власти. Но это эстетическое — разрыв между сказанным и умолчанным, между актом и содержанием высказывания — возникало как бы не специально, а ввиду самой исторической ситуации — распада прежних общественных отношений¹.

Призрак — двойник памятника: они оба изъяты из окружающей реальности по принципу «фигура/фон», и оба занимают

¹ Подробно о российском акционизме 1990-х в контексте города мы писали с Александрой Новоженовой в статье «Московский акционизм в период фрагментированного государства» (еще не опубликована).

ключевое место в определяющем реальность законе. Бренер в акции «Чего не доделал Давид» стал призрачным двойником памятника Дзержинскому. Изъятость призрака — это брешь, умолчанное в существующем порядке дел, провал в памяти. Призрак не способен соприкоснуться с окружающими его вещами. Изъятость памятника — напротив, изъятость того, что предъявляется, что торчит как яркое воспоминание, плотно окруженное актуальной реальностью. Но бывают исторические ситуации, когда памятник и призрак, несмотря на свою противоположность, взаимнообратимы. Анатолий Осмоловский превратил в призрак статую Владимира Маяковского на Триумфальной площади в Москве в своей акции «Путешествие Неце-зиудик в страну Бробдингнеггов» (1993), увидев в памятнике пролетарскому поэту безучастного гостя из иного мира — окаменевший образ умершего отца, к которому можно прильнуть, сев ему на плечо (как и сделал Осмоловский), но который останется безучастным.

«

**В уличных акциях 1990-х
годов художники выступали
как фантомы, возникающие
в прорехах городской
и исторической реальности.**

»

После 1990-х годов призраки, порожденные разломом между советским социализмом и постсоветским капитализмом, перебрались из открытого пространства города на стены арт-галерей. На улице их выходкам власти не оставили места, а в мире искусства для них были выстроены ловушки — ловушки статичных образов: например, образов фотографических. И тут постсоветские призраки были четко вписаны в диахронический разрыв двух исторических эпох. Например, в фотосерии Антона Курышева с видами города Кирова (2008) использован

светофильтр, придающий им вид советских открыток. Взгляд, производимый в этой фотосерии, — взгляд не современного туриста, а туриста-призрака, застрявшего между двумя историческими эпохами. Светофильтр «советского» служит здесь атрибутом почти внеисторического универсализма, стремление к которому отличает советский модернистский пласт городской застройки, но атрибутом призрачным, эфемерным, — и этот атрибут накладывается на конкретную, сиюминутную современность города, обладающую материальной несомненностью. Сходный прием использует в своих работах автор «Глущенкоиздата» Кирилл Глущенко, также снимая современные российские города так, будто на дворе неопределенный год между концом 1960-х и 1980-ми².

«

Мы то и дело переживаем элементы социалистического города на телесном уровне, даже сами того не создавая.

»

Советское действительно существует для всех жителей постсоветского города — как парадоксальная фигура постоянно присутствующего Другого, к которому, однако, нет доступа, при том что почти все ему биографически причастны. Мы то и дело переживаем элементы социалистического города

² Ряд примеров, где искусство производит взгляд постсоветского призрака, можно продолжить. Например, Ербосын Мельдибеков и Нурбосын Орис в серии «Семейный альбом» (1989—2009) сопоставляют две фотографии одних и тех же городских площадей с одними и теми же позирующими на их фоне людьми — но в разное время: советское и постсоветское. Призрак здесь существует как бы в двух параллельных мирах, видя одновременно молодость и зрелость одних и тех же людей и разные монументы на одном и том же месте города: статуи Ленина и советских солдат сменяются фигурами новых национальных героев, перемонтируются, сносятся. Тут, в отличие от работ Глущенко и Курьшева, советский и постсоветский период равнозначны для взгляда.

на телесном уровне, даже сами того не сознавая. Расстояния, установленные внутри микрорайонов до узлов инфраструктуры разного уровня важности (школы, детские сады, библиотеки, транспорт), до сих пор частично определяют маршруты передвижений их жителей. Мы носим в себе своего двойника-призрака, ходящего по городу 30-летей давности, мы живем рядом с этим городом-призраком, который одновременно существует и отсутствует.

Анатолий Осмоловский.
«Путешествие
Нецезиудик в страну
Бробдингнеггов» (1993)

Как можно сегодня обходиться с этим призраком в пространстве города? Неолиберальные институции вроде «Гаража» пускают призраков в финансовый оборот, вдыхая в архитектурные руины советской инфраструктуры жизнь капиталистической культурной индустрии. Некоторые художники и активисты пытаются замирить призраки, ревитализировав элементы советской инфраструктуры в новом левом ключе — как, например, в проекте «Кому это надо?» (2015) в забытом выставочном зале в Сколково. Наконец, государственная власть то и дело норовит обратить призрака в памятник — будь то памятники маршалам Второй мировой войны (как Военно-историческое общество) или памятник жертвам сталинских политических

репрессий (как правительство Москвы, «укрававшее» давнюю идею общества «Мемориал»). Эти попытки власти рождают у граждан подозрения, что, замещая призраков памятниками, она стремится заставить умолкнуть вопросы о собственном месте в истории, в том числе в истории политических репрессий — вроде дела 6 мая. Памятник, стремящийся говорить за призраков, вызывает не меньше недоверия, чем призрак на месте памятника.

КИРОВ. Октябрьский проспект

Снимок фото: А. Куршев

Антон Куршев.
Из серии «Город Киров.
Набор из 20 открыток»
(2008)

Играя в революционеров, становясь памятниками

К концу 1990-х разрыв между слоями города, из которого фонило потусторонним сквозняком, сомкнулся. Революционер в роли альтер эго художника сменил призрака.

Процитирую несколько фрагментов из своего другого текста³. «1990-е в России были временем длительной капиталистической (контр)революции. <...> Акции были попытками обозначить пока не очевидные, непривычные границы нового общественного порядка — попытками, невозможными в эпоху таких перемен. Из этой невозможности достичь определенности и проистекала энергия и поэтика акционизма 1990-х. Когда российский авторитарный госкапитализм окреп, то акционизм обрел новую функцию. Его акты стали актами пресечения закона — репетицией революционных актов в одиночку или в узком кругу единомышленников. И это уже гораздо более привычная для буржуазного общества форма трансгрессивных актов — нетерпеливых попыток разыграть революцию — и гораздо более привычная форма невозможности — невозможности осуществления этой революции всерьез».

«Война» и *Pussy Riot* словно соревнуются с агентами государства, кто ловчей. Они показывают, как можно остроумно

³ Статья «От вопросов без ответов — к ответам без вопросов» в книге «Cosmic Revolution» (2016).

обходить табу и запреты, и демистифицируют власть, демонстрируя, что она строится на уловках, ничем принципиально не отличающихся от их собственных анархистских придумок. Трюки или специальные приспособления, позволяющие обхитрить власть, — важнейшие составные части их акций. В этом акционизм 2000-х и 2010-х принципиально отличается от акционизма 1990-х.

«

**Попытки власти рождают
подозрения, что, замещая
призраков памятниками,
она стремится заставить
умолкнуть вопросы
о собственном месте
в истории.**

»

Акционист 1990-х был подобен сгустку голой жизни, выброшенной в неопределенность постсоветского города, — как бездомная собака, альтер эго художника Олега Кулика, или обнаженное тело Бренера. Реакция власти (например, милиции), когда она возникала, не была составной частью самой акции — а скорее ее концом, обрывом. Как и не был частью акции “Путешествие Нецезиудик в страну Бробдингнеггов” (1993) строительный кран, поднявший Анатолия Осмоловского на плечо статуи Владимира Маяковского: содержанием акции был просто образ Осмоловского, сидящего на плече у пролетарского поэта. В 2000-е, когда зазор между телами граждан и государством оказался заполнен медиумами реализации государственной власти, акционисты принялись экспроприировать эти медиумы, бороться с государством за те символы, устройства и изобретения, которыми опосредованы их с ним

отношения. Например, поднимающийся строго по расписанию разводной Троицкий мост в Санкт-Петербурге — экспропрированный у государства медиум акции группы «Война» «Х*й в плену у ФСБ» (2010)».

Сегодня политические акционисты обычно внедряются в один из слоев города, временно присваивая его ритуалы, как в панк-молебне *Pussy Riot* в храме Христа Спасителя (2012), где они словно подражали революционерам — авторам «красных похорон»; или как в поминках по Дмитрию Александровичу Пригову в вагоне московского метро, организованных группами «Война» и «Бомбилы» (2007).

Группа «Война».
Акций «Х*й в плену
у ФСБ» (2010)

Эти молебны и похороны отличаются от вторжения в церковный ритуал Бренера, когда тот во время штурма Грозного кричал «Чечня» у алтаря Елоховского собора (1995), или сскальпов, похищенных из морга и прибитых «Департаментом пропаганды насилия» к земле у подножия памятника Маяковскому, оскверняя таинство смерти (1994). То были прорывы незамаскированного, чудовищного, неосмысляемого реального в ослабевшую ткань общества, выходы призраков, не пытающихся вписаться ни в какие церемонии — так как церемонии сами по себе трещали по швам. Такие акции упоминались в крайне узком кругу СМИ — например, в газетных рубриках городских происшествий.

А сегодня СМИ — один из важнейших слоев современного города, в который способны целенаправленно вторгаться акционисты — в своих отношениях как с государством, так и с обществом.

«Общество возникло для российских акционистов как отчетливый и структурированный, а не сырой и произвольный адресат в тот же момент, когда возникла ясность поведения государства, когда окончилось состояние социальной подвешенности 1990-х. И тогда как в отношениях с государством, так и в отношениях с обществом ключевым для акционистов стал вопрос о посредниках, о медиумах. И если в отношениях с государством этими посредниками стали специальные трюки, приманки, захваченные орудия и инструменты побега, то в отношениях с обществом ими оказались СМИ.

«

Трюк превращается в монумент.

»

И в наши дни такие акционисты, как *Pussy Riot* или Петр Павленский, склонны во время акций скорее игнорировать случайно оказывающихся рядом с ними представителей общества, будь то свечницы в храме Христа Спасителя или прохожие. Единственное и принципиальное исключение составляют агенты власти (полицейские) и журналисты: непосредственная реальность акции приносится в жертву ее медийному образу. СМИ оказываются чуть ли не единственными полноправными представителями общества для художников.

И именно усилиями СМИ акция отчетливо разделяется на две составляющие: на акт высказывания, который оказывается сведен к скандалу, и на содержание высказывания — некое записываемое словами политическое послание. Акт и содержание высказывания в пропущенной через СМИ акции лишены тех парадоксальных отношений, которые были присущи им в акционизме 1990-х: акт просто служит орудием продвижения содержания. И потому чем более акция делает ставку на воздействие через СМИ, чем более она слипается с собствен-

ным медиаобразом, тем меньше в ней “эстетического” (в смысле Жака Рансьера — то есть как приостановки существующего порядка вещей). Именно так устроены, например, акции Павленского, претендующие быть статуарным образцом и упреком, расходящимся в тысячах перепостов по соцсетям. В гораздо меньшей степени это касается группы “Война”».

Захватывая лишь фрагмент одного из слоев города, будь то заданный ритм развода мостов, предсказуемые реакции полиции или СМИ, и не производя разрыва между слоями или не смешивая их, акционисты автоматически производят памятник: специально выделенный фрагмент одного из слоев города — «X*й» на мосту или зрелищное фото в интернете.

Петр Павленский
в образе памятника
на Лубянской площади
в Москве. Фотомонтаж.
(2016)

Трюк превращается в монумент.

Петр Павленский — наиболее яркий пример такой стратегии: его акции-памятники, как и подобает памятникам, тавтологически подтверждают существующие законы политического порядка (см. [ТУТ](#)). Недаром разошлась по соцсетям фотожаба с Павленским, который стоит на месте памятника Дзержинскому: стоит не как призрак, но как памятник революционеру после окончания революции — каким был и сам снесенный во время революции 1991 года памятник организатору ВЧК.

<http://www.colta.ru/articles/raznoglasiya/11139>

Сегрегация в России: социальная, этническая, транспортная

Мстислав Добужинский.
Гримасы города. 1908

*Советское наследие
смягчает постсоветскую
сегрегацию или заложило
ее основы?*

*Где острее стоит проблема?
Кто что может сейчас
исправить?*

Мнения исследователей

*Этой осенью российские граждане начали получать первые уведомления с расчетом налоговых сумм на имущество за 2015 год. Налог считают по новой схеме — по кадастровой стоимости, а не инвентаризационной, как раньше, то есть исходя из практически рыночной цены жилья. В результате к 2020 году, когда налог вступит в полную силу, собственники будут платить в разы больше, чем сейчас. Так, например, траты владельца квартиры в центре Москвы могут **вырасти в 56 раз**.*

Нововведение предсказуемо вызвало дебаты. Сторонники новой схемы говорят о том, что налог даст свободные сред-

ства муниципалитетами и позволит справедливо распределить финансовую нагрузку между гражданами в зависимости от рыночной стоимости их недвижимого имущества. Противники указывают, что запланированный рост выплат, напротив, усилит социальную сегрегацию и в пределе будет способствовать геттоизации российских мегаполисов.

Мы опросили исследователей о том, как обстоит дело с сегрегацией в городах России сегодня. Разговор строился вокруг следующих вопросов:

— Насколько остро стоит вопрос сегрегации в российских городах? В каких городах он стоит острее и почему?

— Какие формы принимает сегрегация? Приведите, пожалуйста, самые яркие примеры сегрегации из вашей исследовательской практики.

— Каковы, на ваш взгляд, основные причины сегрегации? Ее динамика? Насколько в этом отношении Россия встроена в общемировой процесс?

— Насколько взаимосвязаны этническая и социальная сегрегации? Могли бы вы привести примеры?

— Какие проблемы ставит перед российским обществом социальная и этническая сегрегация? Можно ли говорить о том, что расчет жилищного налога по кадастровой стоимости жилья в 2016 году резко ускорит сегрегационные процессы? Стоит ли ожидать геттоизации российских мегаполисов?

— Принимает ли российская власть какие-либо меры, направленные на смягчение сегрегации? Если да, то какие именно? Если нет, то почему? Что может сделать для смягчения сегрегации общество?

— Какие пути выхода из сложившейся ситуации видите вы? Насколько применимы в российской действительности общемировые подходы? Применим ли опыт СССР?

Как вы увидите, прочитав ответы, мнения об истоках сегрегации в российских городах у исследователей разнятся, а Екатерина Деминцева вообще сомневается в том, что в российских столицах сегодня существует сегрегация.

Участники опроса:

Алла Махрова

Кирилл Пузанов

Марлен Ларуэль

Ольга Вендина

Екатерина Деминцева

Алла Махрова

социолог, ведущий научный сотрудник МГУ имени М.В. Ломоносова

Социальная сегрегация растет — это несомненно. Более остро проблема стоит в крупнейших городах, которые сегодня оказываются успешными, привлекая людей, капитал, инвестиции. Сегрегация в российских городах связана с дифференциацией населения по доходам — это показывает имеющаяся статистика. Понятно, что процессы наиболее выражены в Москве.

Сегрегация проявляется прежде всего в кварталах нового жилья, образующих отдельные жилищные комплексы, «анклавы». Иногда это бывают и коттеджные поселки в черте города в самых лакомых, интересных местах — как правило, в центре, у берегов рек... Другой тип сегрегации носит этнический характер, например, в виде цыганских кварталов. Такая сегрегация далеко не везде заметна, но в некоторых местах она существует.

В целом в российских городах этническая сегрегация пока еще выражена относительно слабо и носит точечный характер. И хотя проблема мигрантов гораздо больше волнует наше общество, чем проблема социальной сегрегации, в реальности этническая сегрегация пока выражена в гораздо меньшей степени, чем социальная. Как будет развиваться ситуация в этом плане, понять сложно. Все зависит от политики государства. Пока наши мигранты из бывших республик Советского Союза владеют русским языком, им в достаточной степени понятно наше общество, нам относительно понятно их общество. Но через 10—15 лет, когда совсем поменяется состав населения, трудно сказать, насколько молодые мигранты в трудоспособном возрасте будут владеть русским языком, насколько будут знать российскую культуру, насколько она будет принимать их. Это отдельная история со многими вопросами.

Пока Россия отстает от общемировых процессов сегрегации благодаря политике советского периода, когда преобладало социально однородное смешанное расселение людей и сегрегация была выражена очень слабо. И сейчас эта выраженность меньше, чем в Европе или Америке. При этом отношение к этому явлению в разных странах различается. Европа очень сильно озабочена проблемой нивелирования социальной сегрегации и часто делает это весьма неплохо, Америка к сегрегации относится более терпимо.

О последствиях нового жилищного налога, который будет

рассчитываться исходя из кадастровой стоимости, приближенной к рыночной, говорить пока рано. С одной стороны, вводится рыночный налог на недвижимость. С другой, мы видим, что существуют меры поддержки населения, включая собственников, с тем, чтобы эти последствия сгладить. Посмотрим, как все это реально будет работать. Я думаю, наше государство, наши власти не сильно будут рады, если у нас случится социальный взрыв по такому поводу. У нас же еще есть второе, дачное, жилье у людей, и там налоги растут... Будет ли применяться практика повышенных налогов на второе жилье или будет применяться расчет налогов, просто исходя из кадастровой оценки жилья? При этом и сама кадастровая оценка — инструмент тоже не очень удачный, потому что очень часто получается, особенно в условиях колебания цен на рынке жилья, что кадастровая цена жилья выше, чем рыночная. Здесь очень много таких нюансов. Ну, как всегда, когда проходим какой-то новый этап, очень много подводных камней выскакивает на поверхность. А в нашей стране в особенности, у нас все эксперименты идут по живому: вначале принимают закон, затем смотрят, как он работает, потом его корректируют.

«

Сегрегация в российских городах связана с дифференциацией населения по доходам.

»

Пока я не слышала ни в одном выступлении представителей власти, чтобы кто-то четко артикулировал проблему сегрегации. Вообще не слышала. Скорее, наоборот, слышала много раз от представителей, например, московских властей, что у нас «Москва для богатых» и т.д. Де-факто понятно, что это так и работает. Но политика, в принципе, очень непоследовательная, рваная. С одной стороны, часть мер способствует тому, чтобы сегрегация в той же Москве была меньше. С другой

стороны, мы видим, как развивается рынок жилья, и по факту идут процессы, наоборот, усиливающие сегрегацию, хотя сдвиги в этом направлении очень медленные и слабо заметные. У нас же большая часть людей проживает в жилье, которое было получено еще в советские годы. Сохранение смешанного характера проживания большей части населения в многоэтажных домах тоже препятствует развитию сегрегации. При этом у нас жилье финансово не слишком доступно, и жилищная мобильность у нас низкая. Если бы у нас, как в той же Америке в свое время, был массовый отток более обеспеченного населения, среднего класса из панельного жилья, понятно, что сегрегация у нас была бы очень заметна, но у нас этот процесс идет очень медленно, в том числе и из-за недоступности покупки нового жилья. Однако проблема будет естественным образом нарастать, потому что происходит старение жилищного фонда, к тому же какие-то районы будут становиться все менее престижными, и переезд состоятельных людей будет только способствовать большей выраженности этих процессов.

Мер, которые могут быть направлены на смягчение сегрегации, очень много; здесь нужен целый комплекс таких мер, носящих точечный характер. С одной стороны, это может быть снижение и субсидирование кредитной ставки для отдельных групп населения. С другой стороны, это внедрение других моделей кроме американского варианта ипотеки, которые открывают людям путь на рынок жилья. С третьей стороны, это должно быть и развитие социального арендного жилья, и вообще развитие сектора арендного жилья, что будет способствовать жилищной и трудовой мобильности населения. Наконец, это могут быть и самые разные меры, связанные с тем, будут ли власти проводить политику, направленную на создание условий для смешанного проживания разных слоев населения — не только по социальным, но и по возрастным стратам. Здесь очень много инструментов, и в сумме они могут дать какой-то эффект. Конечно, общество также может участвовать в решении этой проблемы, но для этого гражданское общество должно быть активным. Я не думаю, что наше общество сейчас можно таковым назвать.

Кирилл Пузанов

социолог, географ, кандидат географических наук, МГУ имени М.В. Ломоносова

Сегрегация в англоязычной терминологии не несет негативной

коннотации, это просто отделение одного от другого. Сегрегация, которой занимаюсь я в рамках исследования городов, — это ситуация, когда район вырезан из тела города.

Есть сегрегация добровольная и вынужденная. Первый случай — это, например, всевозможные ВИП-комьюнити в Америке, в Европе, которые сами себя «отгораживают» от города в силу ряда причин — скажем, у них более высокий статус или они просто хотят вариться в собственном сообществе. В этом нет ничего принципиально плохого. Другое дело — вынужденная сегрегация, когда, может быть, мы и рады быть частью города, но в силу, например, транспортных причин у нас это не получается. В результате в районе возникает депривация — недоступность социальных услуг, городской жизни в целом.

«

Про политику российских властей, направленную на решение проблемы сегрегации, я не слышал.

»

В российских городах добровольная сегрегация встречается достаточно редко. В Москве в центре в определенном смысле введение платных парковок и установка большого количества шлагбаумов способствовали распространению этого явления. Чаще приходится говорить о вынужденной сегрегации. Это серьезная проблема, корни которой уходят в советский период. Допустим, построили завод, рядом с ним рабочий поселок или квартал, а завод в 1990-е закрылся. Район становится депрессивным, одновременно значительная часть его жителей теряет работу — иногда даже не успевает ее обрести.

И таких районов по России достаточно много. Есть города, которые разорваны изначально. Братск из этой же серии: две части города разделяются мощным лесным массивом, который пешком не пройдешь, тем более в зимнее время. Поэтому город — это, по сути, несколько сателлитов, борющихся за распреде-

ление бюджета. Один становится ведущим, второй начинает депривироваться из-за низкой транспортной связности. Эта история повторяется во всех городах России, где практиковалась модель строительства «завод плюс рабочие кварталы».

Как правило, депривация связана со сложной транспортной ситуацией. Один из самых ярких московских примеров — это Бирюлево Западное, которое находится между МКАД и двумя ветками метро.

Маргинализация работает как замкнутый круг. Из-за территориальной обособленности ухудшаются социальные характеристики, в результате район еще сильнее сегрегируется и т.д. Вокруг района формируются мифы, легенды и стереотипы. В результате и сами жители не покидают района, и другие горожане в него не попадают. Территория становится белым пятном в пространстве повседневных практик большинства горожан.

Можно утверждать, что транспортная сегрегация в большинстве случаев означает автоматическую депривацию городской инфраструктуры. Потому что есть набор повседневных инфраструктурных объектов в каждом районе и та инфраструктура, которой мы пользуемся реже, которая сконцентрирована лишь в определенных районах города. Свой оперный театр не должен быть в каждом районе Москвы. Он есть в центре. Консерватория, крупные отделения банков, шикарные отели, рестораны авторские — все это сконцентрировано в центре. И это не только московский или российский пример — это общемировая практика, когда центр города концентрирует в себе набор эпизодических услуг, которыми пользуется человек раз в месяц, в неделю, в год и так далее. За счет транспортной доступности центра эти неповседневные услуги окупаются. Таким образом, какие-то повседневные услуги у жителей Бирюлева Западного есть — магазины шаговой доступности, мелкие кафе и так далее, но все остальное уходит за рамки, и если вы хотите купить какую-то брендовую одежду или сходить в музей, то внутри собственного района это почти нереально.

Про политику российских властей, направленную на решение проблемы сегрегации, я не слышал. Однако в случае Москвы некоторые меры, например, транспортные — запуск МЦК — явно снижают уровень сегрегации. Мое личное мнение, что это побочный эффект. То есть прямой цели снизить сегрегацию не было, однако это произошло как бонус в ряде районов. Но особо проблемные районы как были депривирова-

ны, так и остались — Метрогородок, то же Бирюлево Западное. Более того, часть инициатив — в частности, сокращение количества маршруток, их реформирование — вероятно, сильно ударила по этим районам.

Зарубежные десегрегационные практики — например, создание комьюнити-центров, автобусные экскурсии, знакомящие жителей сегрегированных районов с городом, — не сильно применимы в российских реалиях. Дело опять-таки в характере застройки и заселения. В ином типе собственности. В американской, европейской традиции, даже если ты бедный горожанин, даже если ты живешь в сегрегированном районе, ты можешь быть собственником своей земли и отвечаешь перед самим собой в первую очередь, а в случае с московскими реалиями у тебя есть квартира, которую у тебя могут изъять, особенно если ты живешь в барачного типа двухэтажке. Это, конечно, проблема. Человек не привязан к территории — не привязан символически, не привязан эмоционально.

Марлен Ларуэль

социолог, помощник директора Института исследований Европы, России и Евразии Университета Джорджа Вашингтона

Проблема сегрегации в российских городах есть, но в разумных масштабах. Она стоит не так остро, как во многих городах Европы и особенно Америки. Это объясняется наследием советской эпохи, когда расселение горожан было смешанным, а трудовая миграция не носила этнической окраски. В США, например, есть бедные районы, богатые районы, этнические районы — и это очень заметно. Сейчас в России сегрегация только набирает обороты.

Ситуация зависит от города. Например, в Мурманске практически нет сегрегации — ни социальной, ни этнической. Жилье у всех одинаковое — главным образом это панельные дома 1970-х, и стоит оно одинаково. В Норильске же сегрегация колоссальна. Приезжие из Азербайджана, Дагестана, Чечни селятся в отдельных районах, где жилье очень низкого качества, не лучше коммуналок. Качество воздуха там тоже ниже, чем в других районах города, из-за промышленного загрязнения.

Разница в силе сегрегации между городами, на мой взгляд, объясняется диверсификацией рынка труда. В Мурманске рынок довольно разнообразен, в том числе благодаря военному и торговому флоту. В Норильске — либо ты работаешь на норильский рынок, либо ты никто. Этнические меньшин-

ства заняты главным образом в частном секторе — работают в кафе, на овощных базах и рынках, таксистами и водителями маршруток.

Проблемные перспективы сегрегации — те же, что и в Европе. Рост сегрегации — это всегда деградация качества жизни. Из этнических пригородов уезжает средний класс, закрываются школы, падает уровень школьного образования. В результате возникают гетто, что для общества всегда плохо в целом.

«

В Европе интеграции мигрантов способствуют всевозможные общественные объединения.

»

На федеральном уровне власть на эту проблему не реагирует — по всей видимости, она просто не знает, как ее решать. В условиях рыночной экономики и системной коррупции трудно управлять трудовой миграцией. И это не только российская проблема — в Европе она также существует. По идее, рынки труда и жилья — это область ответственности государства, но при рыночной экономике регулировать их трудно. В результате решение делегируется на муниципальный уровень, и тут все уже зависит от конкретного мэра и городских властей.

В Европе интеграции мигрантов способствуют всевозможные общественные объединения, и в России этот опыт можно брать на вооружение. В случае с Мурманском именно так дело и обстоит. Существуют этнические общины, землячества. Новоприбывший может позвонить в землячество, которое поможет найти квартиру, поручиться за приезжего перед арендодателем, выступить в качестве посредника между мигрантом

и фирмой, которая его нанимает. Взаимодействие с землячеством на неформальном уровне облегчает вписывание мигранта в социальную среду, потому что, если приезжему некуда пойти, он пойдет туда, где представители его же этнической группы, а это означает рост сегрегации. В России ситуацию затрудняет тот факт, что нет самих традиций создания общественных объединений.

Я думаю, что решение проблемы сегрегации должно быть в первую очередь гибким и локальным, адекватным ситуации в данном конкретном городе. В создании этого адаптивного механизма должны участвовать все заинтересованные стороны: местные власти, землячества и компании, которые заинтересованы в рабочей силе и могут брать на себя часть жилищных выплат.

Ольга Вендина

ведущий научный сотрудник Лаборатории геополитических исследований Института географии РАН

Социальная сегрегация — вечная спутница человечества. Любой человек хочет жить в социально однородной среде и в такой же среде воспитывать детей. Чем крупнее город и чем разнообразнее в нем население, тем больше вероятность, что там будет выраженная социальная сегрегация. Но парадоксальным образом проблемы, связанные с социальной сегрегацией, острее проявляются не в крупных, а небольших городах, в пригородных и рекреационных зонах, в спутниках крупных населенных центров. Там возникают своего рода параллельные миры, каждый из которых живет своей жизнью.

Это не означает, что в малых и крупных городах разная сегрегация. Сегрегация одна и та же, но отношение к ней разное. Если в крупных городах это норма, то в малых городах это, скорее, отклонение. В социальной среде с низким уровнем индивидуальной автономности жизни сегрегация обостряет проблемы взаимного неприятия и подозрительности. Это проявляется в случае как компактного расселения этнических групп, чаще всего цыган, так и коттеджных поселков обеспеченных людей.

В любом крупном региональном центре вы можете увидеть наглядные примеры социальной сегрегации. Так, в советское время, когда главным критерием различий были не столько деньги или этническая принадлежность, сколько культурный капитал, образование, профессия и так далее, город делился на рабочие и интеллигентские районы. Сейчас это трансфор-

мировалось в районы богатого жилья и дешевого жилья. Но поскольку городская территория ограничена, даже в тех районах, которые еще 15 лет назад считались непрестижными, сегодня возникают огороженные анклавы «обеспеченности», что делает сегрегацию более видимой. Это можно наблюдать и в Москве, и в Петербурге, и в любом городе с населением больше 100 тысяч человек. Но если говорить о малых городах, то такие параллельные миры чаще всего возникают в моногородах, где есть предприятие, привлекающее рабочую силу, или в туристических городах, как, например, Осташков, Суздаль или приморские Сочи, Анапа и пр.

«

Советские города развивались с учетом двух принципов: смешанное расселение и наличие публичных пространств.

»

Динамика явления соответствует социальным процессам — расслоение усиливается, усиливается сегрегация. Но чтобы картина не выглядела столь ужасной, можно сказать, что в городах, особенно в крупных, накоплен большой опыт противодействия сегрегации. Города заинтересованы в том, чтобы существовало городское сообщество — не только в силу привлекательности демократии, но и в силу необходимости: существует множество проблем городской жизни, которые человек и власть не могут решить без опоры на сообщество. Например, каждый персонально заинтересован в нормальном функционировании транспорта, социального сервиса или в благоприятной городской экологии, но для решения этих задач необходимы вынесение проблем в публичную сферу и общественное давление на лиц, принимающих решения. Так же и власть, даже если общество оценивает ее как авторитарную, нуждается

ся в социальном одобрении своих действий и проектов, которые иначе будут считаться прихотью или произволом.

Поэтому в городах, с одной стороны, мы имеем сегрегацию, которая обеспечивает людям личный комфорт, а с другой стороны — публичную сферу, которая обеспечивает людям возможность совместной жизни, социализации, принятия решений. И одним из способов преодоления последствий сегрегации является развитие публичных пространств в городах. В советское время этой теме уделялось довольно много внимания. Однако в поздние советские годы в силу дискредитации общественной жизни публичные пространства пришли в запустение и воспринимались уже как разбазаривание дорогой городской земли. В первые постсоветские десятилетия мы наблюдали приватизацию публичной сферы, а сегодня, наоборот, по крайней мере, в Москве мы видим ее возвращение. Возвращение происходит по той простой причине, что процессы сегрегации населения, его деление по все новым и новым критериям уже начинают достигать конфликтных масштабов. Поэтому возникла потребность в восстановлении публичной сферы, где сегрегированные группы населения могли бы соприкоснуться, где люди могли бы почувствовать город родным.

Работа с общественными пространствами — осознанный шаг властей к решению проблемы. Эта тема была поднята еще в конце XIX века. Собственно, советские города развивались с учетом двух принципов: смешанное расселение и наличие публичных пространств. Сейчас эти принципы возвращаются просто потому, что города со смешанным населением и развитой публичной сферой развиваются более успешно, чем города сегрегированные. Факт позитивного влияния инклюзивности и открытости города на уровень его экономического благосостояния считается доказанным.

Конечно, проблема сегрегации далека от решения. Но хорошо уже то, что это стало приоритетом, что это стало делаться в Москве. Примеры западных городов важны для нас как ориентир, но очень часто считается, что «там» это хорошо, но «у нас» неприменимо. А Москва — вполне реальный пример, которому можно следовать; глядя на нее, города могут оценить и ценность подходов, и необходимые затраты для их реализации, и свои приоритеты.

Конечно, это ставит вопрос о соотношении авторитарных и демократических методов управления. Как правило, решение общегородских вопросов требует централизации, а проблемы

ежедневной жизни, возникающие на уровне дома-двора-микрорайона, лучше решаются демократическим путем. И вот здесь встает вопрос конфликта интересов. Население стремится к сегрегации, к отделению пространства, которое оно считает своим. А власть стремится минимизировать сегрегацию. Хотя мы чаще всего обсуждаем проблему исключения общества из процесса принятия решений и передачи всех полномочий на административный уровень, власть, в свою очередь, стоит перед не менее сложной дилеммой: кому из маленьких отдельных сообществ можно передать ответственность по управлению территорией.

«

Разница в силе сегрегации между городами объясняется диверсификацией рынка труда.

»

Пока на уровне жилищных товариществ эта проблема плохо решается. Чаще всего активисты, которые готовы бороться, не готовы выполнять рутинную работу на постоянной основе. Но здесь тоже есть подвижки. На уровне Москвы я знаю примеры, когда согласовывались проекты организации двора, стоянок, подъездных путей и прочих сфер, включая кафе и рестораны, — проекты, предложенные местными жителями.

Конечно, власти удобнее просто прийти и сделать. Поэтому любой контакт с населением — скажем, публичные слушания — очень часто превращается в формальную процедуру с выхолощенным содержанием. Трудно выстраивать контакты, находить взаимопонимание. Этот процесс требует взаимной ответственности власти и общества. И в этой ситуации часто ни власть, ни общество не оказываются на высоте.

У нас сложилась феноменальная ситуация: существует

очень большой класс неимущих собственников. Ведь имущество — это не только владение своей квартирой, но и содержание дома в целом. Думаю, что новый жилищный налог приведет не к усилению сегрегации, а к деприватизации жилья. Окажется, что гораздо выгоднее быть просто съемщиком муниципальной квартиры, поскольку из этой квартиры тебя вряд ли выгонят. Лучше платить муниципальную квартирную плату, чем налог на собственное имущество. Особенно это касается людей, которые десятилетиями живут у себя дома: смена жилья для них — серьезная проблема. Экономисты говорят о возможности деприватизации жилья последние 10 лет. В Москве очень высокая доля собственников квартир — более 80% жилья приватизировано. Обычно в крупнейших городах западных стран, где преобладает многоэтажная застройка, эта доля находится на уровне 15—40%. Основные жители таких домов — это квартиросъемщики, а не владельцы, именно потому, что владение квартирой предполагает, что на твоей ответственности лежат крыши, лифты, подвалы, лестничные холлы, прилегающие территории и так далее. За это большинство нашего населения платить не готово — мы знаем, какое недовольство вызывает то, что коммунальные платежи теперь должны покрывать и расходы на капитальный ремонт дома. Поэтому тот, кто и так собирался продавать квартиру, ее продаст, повышение налога лишь подхлестнет это решение, а тот, кто не собирался, и не будет этого делать. На процессы замещения населения в центре города больше влияют не экономические факторы, а социально-демографические. Бабушки-дедушки умирают, дети уже не хотят жить в этой квартире и предпочитают ее продать, чтобы иначе решить свою жилищную проблему.

Города — это огромная самонастраивающаяся система. Власть оказывает очень большое влияние на эту систему, но это лишь один из агентов городского развития. Далеко не всегда решения властей приводят к результату, который власти планируют. И более того, часто властям приходится принимать решения, противоречащие их убеждениям. Политика, которую проводят власти в Москве, — это политика де-факто демократическая, но методы ее реализации и убеждения городских властей авторитарные, хотя либеральные с экономической точки зрения.

Все опасения касательно, например, нового налога на недвижимость — это экстраполяция конкретных ситуаций до логического конца, который никогда не случается. В 1990-е годы

было много дискуссий, что вот-вот обрушится коммунальная система, станут падать дома и так далее. Но этого не случилось — ни в Москве, ни в других городах. Или, например, десять лет назад и менее шли разговоры об опасности возникновения этнических кварталов — в Москве или других городах. Да, есть тревожные тенденции, но тем не менее никаких гетто мы с вами не видим. Поэтому я противник экстраполяции негативных или позитивных процессов и придания им алармистского звучания.

«

В советское время город делился на рабочие и интеллигентские районы. Сейчас это трансформировалось в районы богатого жилья и дешевого жилья.

»

Демократическая политика авторитарными методами — это парадокс, но пока он работает. Достаточно выйти на улицу [в Москве], чтобы увидеть: публичная среда работает так, как она должна работать. Конечно, это сочетание не идеальное. Конечно, лучше бы было по взаимной любви и согласию, а не внедрять сверху. Есть серьезный антидемократический минус, потому что горожане превращаются в потребителей городской среды, а не ее создателей. Но сам демократический образ жизни ориентирован на общие, а не групповые цели. В Москве большинство населения составляют люди, конформно настроенные к власти, а людей, имеющих демократические убеждения, не больше 30% населения, а скорее всего и меньше. Тут просто непонятно, на кого ориентироваться. В этом

смысле волевое решение власти, направленное на реализацию неких общих городских идеалов, оказывается даже в чем-то более эффективным.

Превращение человека из деятельного участника городских процессов в потребителя — это обратная сторона авторитарного принятия решений властью. И, конечно, лучше было бы не так. Но даже во вполне демократических странах это тоже существует. И существует по той причине, что человек не становится автоматически горожанином. Города, особенно

«

Превращение человека из деятельного участника городских процессов в потребителя — обратная сторона авторитарного принятия решений властью.

»

крупнейшие, развиваются за счет миграции. И если я вчера приехала из Рязани в Москву, то сегодня я еще не москвичка. Я приехала из Рязани, потому что хочу заработать больше денег, потому что здесь больше возможностей для самореализации, потому что я хочу жить в более обустроенной городской среде. Я приезжаю сюда как потребитель, а не как участник трансформационных процессов, готовый вкладывать энергию, ответственность и так далее. То же самое происходит во всех крупнейших городах. Доля людей, готовых активно включаться, не очень велика, и важен вопрос, насколько эта группа людей способна артикулировать свои представления и доводить их до решения власти. Насколько власть готова это услышать и ориентироваться в своих действиях на эти представления.

Нужны эксперты, которые бы артикулировали опыт и практику городской жизни, сложившейся в демократических западных странах.

Этот опыт не чужд столичному населению. Например, и в Москве, и в Петербурге есть значительные группы населения — особенно среди молодежи и людей среднего возраста, — которые ведут очень современный образ жизни, связанный с представлениями об информационном и постиндустриальном обществе. Это вообще удивительно, насколько быстро московское население освоило нововведения. Скажем, велосипед, уличная торговля — я не думала, что это произойдет так быстро. Это говорит о том, что власть, имитируя практики, сложившиеся в крупнейших европейских городах (в этом смысле ее действия были не стопроцентно авторитарны), ответила на запрос, который был в обществе, но не был достаточно артикулирован. Власть еще не умеет слушать общество, но она уже умеет слушать советы тех людей, которые слушают общество. Вот так вот — левой ногой за правым ухом. Но тем не менее почесано правильное место.

Екатерина Деминцева

антрополог, Высшая школа экономики

Занимаясь исследованиями жизни мигрантов в больших российских городах, я могу сказать, что в Москве и Санкт-Петербурге я не увидела сегрегации. Наше исследование, направленное на изучение мигрантов из стран Средней Азии, показало, что, например, в черте МКАД приезжий может найти себе дешевое жилье с равным успехом вне зависимости от района, пользуясь примерно одинаковыми схемами и задействуя свои социальные связи. Мигранты часто селятся по несколько человек в комнате и снимают койко-место. Что касается приезжих из других регионов, то они тоже ищут жилье в разных районах города, так как недорогие квартиры в пятиэтажках, комнаты в коммуналках, еще оставшихся в Москве и Петербурге, можно найти в любом районе города.

Все районы Москвы в черте МКАД, даже те, которые мы традиционно считаем престижными, были и остаются с советского времени смешанными. Например, дома академиков, стоящие на Ленинском проспекте, заселялись смешанно — там селились и сами академики, и технический персонал научных институтов, только первые получали отдельные квартиры, а другие — комнаты в коммуналках. Кроме того, за этими

помпезными домами академиков стояли дома более низкого качества с менее привилегированными жителями того же района — в них расселяли людей из бараков и окрестных деревень, а также строилось жилье для соседних заводов. И сегодня в любом самом престижном районе живут в больших или меньших количествах бедные люди. Даже сейчас, когда центр становится более богатым и нарастает социальное расслоение, эти бедные люди из него окончательно никуда не исчезают. И я не вижу, чтобы ситуация быстро и сильно менялась — в первую очередь, этого не происходит из-за низкой мобильности населения внутри города, о которой говорят географы.

«

Советская система микрорайонов внутри МКАД никуда не делась.

»

Еще одна черта советского и постсоветского города, препятствующая сегрегации, — все жилье примерно одного качества и с примерно одним доступом к инфраструктуре: все районы за пределами Третьего транспортного кольца примерно одной застройки — от панельных хрущевок до 20-этажек. «Элитная» точечная застройка ситуацию сильно не меняет — ее жители все равно пользуются инфраструктурой окружающего района: создать замкнутый, изолированный район с помощью точечной застройки нельзя по определению. По большому счету, советская система микрорайонов внутри МКАД никуда не делась.

Также мне хотелось бы подчеркнуть, что ни в Москве, ни в Санкт-Петербурге нет этнических анклавов, сколько бы их ни искали. И это опять же связано с тем, что у нас нет однородно бедных и однородно богатых районов. Приезжие в Европе и США селятся в дешевых районах, но у нас в любом районе можно найти дешевое жилье, рынок плохого жилья у нас есть повсюду. Да, существуют места, где живут мигранты, например, на рынках или в промзонах, где мигрант спит рядом со своим

рабочим местом, но это никогда не постоянные поселения.

У нас нет однородно бедных районов, например, как пригороды социального жилья в Европе. Именно в связи с районами такого жилья, действительно очень бедными, говорят о сегрегации в европейских странах — людям из таких мест очень трудно выбраться оттуда и в силу создающихся там связей, которые «привязывают» их к этим территориям, и в силу того, что они не могут себе позволить купить или снять более дорогое жилье в другом месте.

В Москве и Петербурге нет таких районов, про которые бы говорили «никогда туда не ходи» и которые бы пользовались славой однозначно опасных для пришельцев извне, как, например, «гетто» в США.

Наконец, новые кварталы, вырастающие сейчас на окраинах за МКАД, тоже не производят сегрегации, так как все их население — люди не бедные: они покупают там жилье по более низкой цене, чем в пределах города, однако это все же большие деньги. В основном там покупают жилье люди с детьми, которые не столь богаты, чтобы купить себе большую квартиру внутри МКАД, но располагают достаточным бюджетом, чтобы приобрести большую квартиру в новостройке за ее пределами. Порой туда переселяются люди, продавшие квартиру в Москве, чтобы увеличить жилплощадь.

Возможно, в малых городах ситуация иная, но касательно наших столиц я убеждена, что о сегрегации в них мы пока говорить не можем.

Ребекка Зорак: «На этом чикагский модернизм умер»

Гангстеры-активисты, городские парки, сегрегация и комьюнити-арт глазами доктора искусствоведения из Чикаго

Ребекка Зорак — профессор университета Northwestern, специалист по Ренессансу и по афроамериканским художественным движениям Чикаго 1960-х — 1970-х годов. Александра Новоженова поговорила с Зорак о городской реальности Чикаго. Для российского читателя в этой урбанистической ситуации много непривычного — но кое-что, напротив, резонирует с нашим опытом. Это и глобальное наступление неолиберализма, при котором за все надо платить, и банды гангстеров, которые начинают выполнять функции отсутствующей социальной инфраструктуры, что напоминает о процессах, происходивших у нас в 1990-е, в эпоху «силового предпринимательства».

— Мы сидим с вами в Чикаго, на Северной стороне, в прекрасном университетском пригороде Эванстоне — милейшем и спокойнейшем месте. Чикаго — великий индустриальный город, и впечатление такое, что он процветает. Но в этом году Чикаго достиг пика в уровне огнестрельного насилия за 20 лет. Как это возможно?

— Что Чикаго процветает, кажется потому, что десятилетиями предпринимались огромные усилия, чтобы переизобрести город как культурную столицу, мировой туристический центр постиндустриальной эпохи. Огромные вложения делались в Миллениум-парк, украшение этих улиц и районов, культурные программы, привлекательные для туристов в Даунтауне или отдельных районах Норфсайда. И одновременно с этим — хотя не обязательно из-за этого — происходило фантастическое недофинансирование других районов, наложившееся на долгую историю неравномерного развития разных частей города. Разные люди объясняют огнестрельное насилие в Чикаго по-разному, но есть очевидные и актуальные причины: за последний год закрылось 50 школ, закрываются психиатрические клиники, есть проблема массового тюремного заключения чернокожих молодых людей. Многие из этого объясняется финансовым кризисом, который, скажем, не позволяет городу обеспечить адекватное бесплатное образование каждому ребенку.

При этом есть такая вещь, как тиф-фонды, где лежат миллионы долларов, которые достаются огромным институциям — недавно Университет Де Поля получил из этих фондов деньги на строительство нового стадиона. Но у подобных институций есть другие возможности по привлечению средств, кроме

Озеро Мичиган.
Прогулочный корабль
«Меркурий». 1960

как государственное финансирование. Тиф-фонды существуют в рамках национальной госпрограммы *Tax Increment Financing*. Это инструмент привлечения средств в города, маркирующий некоторые районы как тиф-зоны, которые подлежат экономическому развитию, то есть в них должны вырасти цены на недвижимость — например, благодаря окультивированию и украшению этих районов, и в это вкладываются средства.

«

**Где выше цены на
недвижимость, там
лучше и школы. Это одна
из встроенных в систему
форм неравенства.**

»

А когда вырастают цены на недвижимость, вырастают и налоги на недвижимость. Налоги взлетают вверх и поступают в государственные фонды, которые недоступны обычным городским службам — они предназначены для девелопмента. И за эти деньги идет большая борьба. Большая проблема в Америке в том, что образование финансируется из налогов на недвижимость. Так что где выше цены на недвижимость, там лучше и школы. Это одна из встроенных в систему форм неравенства. В Чикаго единый школьный округ, и деньги от налогов на недвижимость со всего города идут на один этот округ. Но распределяются они крайне неравномерно. И в районах дорогих частных домов школы просто шикарные, поскольку у людей, которые там живут, есть ресурсы, чтобы влиять на решения города, а другие школы не имеют никаких ресурсов — родителям приходится устраивать краудфандинг, чтобы нанять учителя рисования. Идет постоянная борьба за то, как распределять деньги из этих тиф-фондов. И пока это распределение крайне недемократично, оно не публично.

Другая причина того, что в определенных частях Чикаго

зашкаливает насилие, — это распределение разных этнических групп по районам. Иммигранты, афроамериканские переселенцы с юга — все они оспаривали границы обитания, решая, кто где должен жить, и все это вылилось в противостояние банд — если говорить про более раннее время. Большая часть насилия — это насилие, связанное с бандами. Но сейчас организация группировок отличается от обычного представления о бандах. В 1990-х и начале 2000-х (хотя процесс начался раньше) проводилась последовательная политика по ликвидации лидеров банд и организованного руководства. Но хотя они, конечно, делали много нехорошего, эти лидеры банд хотя бы контролировали ситуацию. Организация банд была жестче, было больше дисциплины. Сейчас организованная субординация исчезла, при этом подростки имеют бесконтрольный доступ к оружию и наркотикам. До того это все было централизованным — распределение оружия и решения о грабежах, например. Малолетние члены банд не могли просто пойти и сделать что-то по собственному разумению. Их бы быстро приструнили. Сейчас же они идут и убивают кого-то из личной неприязни. А подается это как результат разборок банд. Допустим, они говорят: мы выросли на таком-то районе, принадлежим к такой-то банде, которая связана с более крупной организацией, — но на самом-то деле это очень условные и свободные связи. В середине XX века был подъем сильных организаций, на смену которому пришла более хаотическая ситуация, но с гораздо более легким доступом к оружию. И это все на фоне полной депривации определенных районов города в плане медицинского обслуживания, продовольственной инфраструктуры, жилищных стандартов и царящей там безработицы.

— **Чикаго, в отличие от средневекового города с солярно-радиальной структурой, расходящейся из центра, то есть из кремля или замка, достиг своего расцвета в индустриальную эпоху. Он имеет нецентрическую регулярную структуру пересекающихся улиц и авеню и отчетливо делится на Западную, Южную и Северную части. И это разделение поддерживается резким расовым и социальным разделением на приличный и преимущественно белый Норфсайд и бедные черные Вестсайд и Сауфсайд.**

— Чикаго начался с ядра у озера, там, где сейчас Даунтаун, и расширился оттуда, но существенная часть первоначального роста происходила как раз в Сауфсайте, там, где сейчас находится Университет Чикаго. Последовательные волны мигран-

тов занимали те районы, которые были свободны. Другим фактором был великий пожар 1871 года, после него началась активная застройка. Это история разных этнических групп, которые приезжали в Чикаго и начинали строить с того места, где остановились другие. Когда афроамериканцы начали приезжать в Чикаго с американского Юга, из-за расизма для них были закрыты многие районы — для этого существовало много инструментов, в том числе законодательных. В разрешение на постройку дома закладывался запрет на продажу его черным — или, скажем, евреям. Это привело к появлению резких границ. Одни этнические группы въезжали в районы, где жили другие этнические группы, но уехали, так как продвинулись по социальной лестнице или переехали в пригороды. Скажем, Вестсайд и район Бронзвилл были польской территорией, и поляки не включали в разрешение на стройку запрет на продажу домов евреям. Тогда там начали селиться евреи. Евреи не ставили запрета на продажу домов чернокожему населению. Так крошечный Бронзвилл стал черным районом, поскольку больше нигде черным селиться было нельзя. Люди быстро перестали там помещаться — район и так был перенаселен, дома резали на клетушки, и при этом люди не могли переехать в другие места. Законодательные ограничения отменили в 1948-м, и это открыло для черных большие части города. Это не означало, что белые застройщики стали продавать дома черным, но хотя бы теперь отсутствовал запретительный фактор.

«

Лидеры банд хотя бы контролировали ситуацию.

»

Если раньше белый покупал дом у другого белого и на доме лежал запрет на продажу его черным, новый владелец при желании не мог перепродать дом черному, даже если не он этот запрет наложил. Закон был признан неконституционным в Высшем суде, и после этого афроамериканцы начали селиться в Сауфсайде, распространяя зоны своего проживания за пределы Бронзвилла, который остался чем-то вроде культурной

столицы черного Чикаго — афроамериканцы прожили там достаточно долго, чтобы основать знаковые для себя институции. В 1940-м в Бронзвилле был основан Комьюнити-арт-центр, и к 1960-му у них уже было к чему обратиться в смысле собственной культурной истории. «Белизна» Норфсайда — это тоже недавняя история, до 1970-х там было много латиноамериканцев, но джентрификация сделала Норфсайд желанным районом для белого состоятельного населения.

— Одна из замечательных вещей в Чикаго — потрясающие парки, они были организованы еще в XIX веке, и это доступные всем общественные пространства, совсем не похожие на заброшенные государством и капиталом районы нищеты, преступности и социальной деградации. Как это все сосуществует?

— Есть много причин для недовольства тем, как Администрация парков распределяет ресурсы (Администрация парков, или *Park District*, контролирует пространства публичной рекреации, включая парки, игровые площадки, бесплатные спортзалы и бассейны). И некоторые районные парки или детские площадки в Сауфсайде даже не поливают летом, в Гайд-парке, где я живу, приходится звонить в администрацию, чтобы включили

Дети белят стену арт-центра «Art & Soul»
© Ann Zelle

оросители, — при этом в других районах такой проблемы нет. С другой стороны, городские парки — это одно из еще сохраняющихся общественных достояний, и в Сауфсайде есть действительно прекрасные парки, а детские программы Администрации парков, хотя не обязательно равномерно распределяются по городу и на всех их не хватает, все же существуют, и я могу совершенно бесплатно пойти со своим сыном на выходных в бассейн — в определенные часы, конечно. Сегодня, когда почти ничего бесплатного не остается, это просто удивительно.

«

В разрешение на постройку дома закладывался запрет на продажу его черным — или, скажем, евреям.

»

— Если говорить про ваши интересы в искусстве XX века, вы занимаетесь историями, которые происходили именно в Вестсайде и Сауфсайде. Как это вышло?

— Есть маленькая составляющая моего проекта, связанная с Норфсайдом, но ведь это все про то, где люди работали и жили, и если говорить про 1960-е и 1970-е, которыми я занимаюсь, то в это время всего два черных художника в Чикаго выставлялись за пределами Вест- и Сауфсайда. Почти все галереи локализовались в Норфсайде и в Даунтауне, и до 1980-х они вообще почти не выставляли черных художников.

— Вы пишете, что *Black Arts Movement* (Движение черного искусства) вытесняется магистральной историей искусства в Америке: например, в книге «Искусство с 1900-го» текст про это движение и «гарлемский Ренессанс» был заказан другим авторам, потому что ни Хэл Фостер, ни Розалинда Краусс, ни Бенджамин Бухло не хотели за эти статьи брать-ся. Это как бы вторичный феномен по отношению, напри-

мер, к нью-йоркскому процессу 1960-х.

— Есть идея, что в каждый отдельный момент может быть только один авангард и можно изучать только его или близких к нему художников. История искусства в этой книге организована как последовательность дат, и есть только одна дата, связанная с Чикаго, — это смерть Ласло Мохой-Надя. На этом чикагский модернизм умер. И есть попытка переориентировать американскую историю искусства с того, что происходило в Нью-Йорке — ну и еще чуть-чуть в Калифорнии, но в основном в Нью-Йорке. Это подразумевает внимание к другим режимам производства искусства, а также к вещам, которые происходят за пределами в США, — даже в связи с другими континентами: скажем, черные художники из Чикаго в это время активно ездят в Африку на разные фестивали, устанавливают связи и стараются мыслить в рамках panaфриканской парадигмы.

— **Сюжет, над которым вы сейчас работаете, — история банды *Conservative Vice Lords*, до того известной просто как *Vice Lords* (а после как *Allmighty Vice Lords Nation*), которая отчасти встала на путь добра и взяла шефство над своим районом и над своим локальным комьюнити — это беднейший район Лоундейл на окраине Вестсайда. Интересны сами два этих понятия — комьюнити и банда. В вашей истории выходит, что банда — это само по себе не плохо и не хорошо, это форма социальной организации, которая может обернуться неожиданной стороной в ситуации, когда район испытывает нехватку в государственных и социальных институтах.**

— Не уверена, что дело в оставленности этих районов государством, — в таком разрезе я об этом еще не думала. Если говорить об этой конкретной ситуации, то в результате этнических миграций в городе устанавливаются границы районов, а подростки проводят время на улицах — что само по себе совершенно нормально — и организуются, чтобы противостоять, скажем, польской группировке из соседнего района.

— **Но, чтобы получилась банда, недостаточно соперничества мальчишек из соседних районов. Нужно еще, например, оружие.**

— Вначале у них не было оружия, только ножи и кулаки.

И дело не только в отсутствии государства — дело в том еще, что полиция хватает этих мальчишек за мелкие нарушения и бросает в тюрьму, где они знакомятся с другими мальчишка-

ми, и это всегда было частью нарратива банд, что переводит ситуацию с уровня мальчишеских противостояний на уровень организации с собственными целями, членством и так далее. И это проблема массового помещения молодых афроамериканцев в тюрьмы.

— С другой стороны, есть такая вещь, как комьюнити района, — что это такое? В истории, которую вы исследуете, банда и комьюнити в какой-то момент начинают работать вместе.

«

Сегодня почти ничего бесплатного не остается.

»

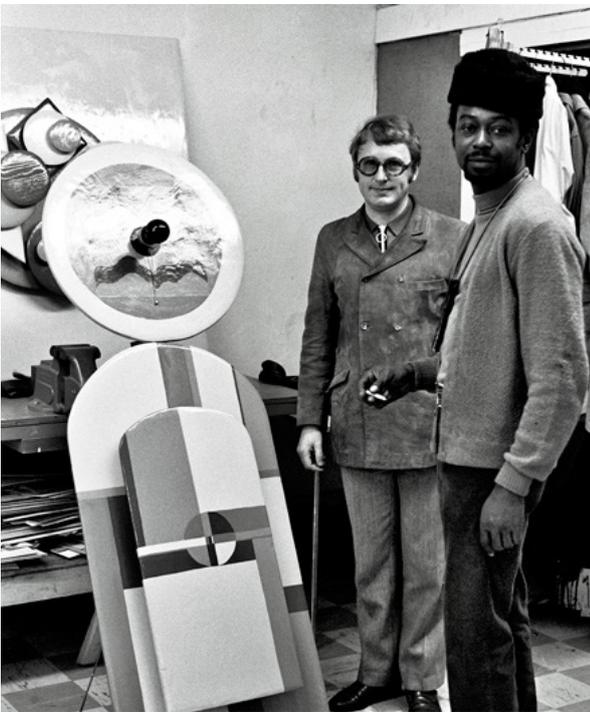
— Если говорить о Вестсайде, то там есть маленькие бизнесы и крупные компании, которые дают району много рабочих мест. Когда евреи уехали, а черные приехали, многие белые бизнесы все еще оставались там. Эти белые чувствовали определенную ответственность перед районом, где уже не жили. Потом, родители детей, состоявших в бандах, — они тоже составляли комьюнити, поскольку понимали власть, которой обладают банды, и их волновала судьба их детей. Кроме того, в комьюнити присутствовали католическая церковь, разные фонды и организации социальной помощи.

— Как эта банда вообще пришла к идее улучшить свой район?

— История такая, что в середине 1960-х членам банды уже было за 30 лет. Они чувствовали, что они — старшее поколение. К ним приходили молодые парни, которые хотели вступить в банду, чтобы «кого-то пристрелить». На вопрос о том, что этот кто-то им сделал плохого и зачем им это, они отвечали: «чтобы сделать себе имя, как вы, парни, в свое время». *Vice Lords* были совершенно не заинтересованы в неуправляемом насилии на подконтрольных им территориях, то есть насилие для решения своих проблем они считали нормальным, но просто позволить молодежи творить что угодно они не хотели.

Поэтому они задумались, как можно направить молодежь на созидательную деятельность, профподготовку, помощь комьюнити и все такое прочее. Банда представляла это свое

решение как сугубо самостоятельное, но я так думаю, что это носилось в воздухе. Тогда появились все эти государственные федеральные программы по помощи населению, ориентированные на сотрудничество. И был такой термин — «максимальное возможное участие». Это подразумевало, что если государство планировало осуществлять социальную поддержку, например, малоимущим детям, то люди, которым это государство собиралось послужить, должны были принимать участие в решениях по этой программе — так что и члены банды должны были быть вовлечены.

Директор Музея современного искусства Чикаго Ян ван дер Марк и директор «Art & Soul» Джэки Хеверингтон с кинетической скульптурой «Черная мадонна с младенцем» Регги Мэдисона
© Ann Zelle

— То есть социал-демократические идеи того времени каким-то образом передались этим *Vice Lords*?

— Они вроде как капитализировались на сдвиге в социал-демократической идеологии государства в сторону открытого сотрудничества с комьюнити.

— При этом не уступая своего влияния на район государству?

— В общем — да.

— На что был похож этот район?

— До того это был еврейский район. Поворотной точкой стало сооружение шоссе, которое перерубило его пополам. Это строительство подразумевало использование права государства на отчуждение собственности — людей выселяли, чтобы

снести дома. Чувство связности района было нарушено, шоссе теперь проходило прямо насквозь. Многие еврейские жители тогда уехали, и опустевшие дома заняли черные. К 1960-му район был полностью черным, одним из самых бедных в городе, — и до сих пор таким остался. К концу 1960-х большинство работодателей оттуда ушло. В 1968 году после убийства Мартина Лютера Кинга там случились беспорядки и большой пожар, пострадало или было разрушено много домов, так что непрерывность жилого пространства нарушалась пустырями и заброшенными зданиями. Так что дело было не только в отсутствии государства, но и в разорванности инфраструктуры и жизненного пространства.

«

Vice Lords были совершенно не заинтересованы в неуправляемом насилии на подконтрольных им территориях.

»

— И тогда *Vice Lords* открыли там свой комьюнити-арт-центр *Art and Soul* («Искусство и душа»), но не только это?

— У них были магазины мороженого, площадка для подростковых тусовок под названием *Teen Town*, магазин одежды, закусочная, центр профподготовки для молодежи — частично эти бизнесы были несетевыми, частично принадлежали «Лордам» по франшизе, например, закусочная (это был не «Макдональдс», но что-то вроде того); все это в районе 16-й улицы.

— Что такое комьюнити-арт-центр? Это не галерея, которая показывает какое-то «хорошее искусство», это фактически районный Дом культуры или кружок самодеятельности?

— Самый большой арт-центр в черном комьюнити — это *South Side Community Art Center*, основанный в 1940 году по инициативе *WPA* (*Works Progress Administration* Франклина Рузвельта,

государственная программа по обеспечению безработных рабочими местами во время Великой депрессии). Некоторые центры основываются на локальной привязке к району, а некоторые на идентичностях (скажем, черное или другое этническое комьюнити). В этих арт-центрах есть кружки для детей и взрослых, кроме того, там устраиваются выставки. Арт-центр, который организовали «Лорды», был того же рода. У них были разные направления. В основе были кружки. Но были и экспозиционная часть, резиденция для художников, выставочная программа на основе конкурса; в этом крошечном пространстве совмещалось много функций — комьюнити-арт-центр, при этом весьма амбициозный в плане выставок высокого качества и просветительской деятельности.

— В какой-то момент этот арт-центр начал сотрудничать с Музеем современного искусства Чикаго. Как вышло, что большая государственная арт-институция стала, по сути, сотрудничать с бандой?

— Тогда в мейнстримных, а по сути, в белых институциях США была общая идея, что они должны больше работать с афроамериканцами и конкретно с беднейшим черным населением. Движение за гражданские права добилось больших успехов на уровне принципов, но не имело последствий на практике — или, во всяком случае, еще не успело к ним привести. Нищета и дискриминация все еще были чудовищными, и некоторые музеи и другие культурные институции (особенно совсем новые, как, например, Музей современного искусства Чикаго) были вынуждены рефлексировать свою реальную роль — поддерживают ли они социальное разделение или могут поспособствовать его ликвидации. В Чикаго этот вопрос стоял особенно остро в связи с беспорядками и протестами, которые прокатились по Вестсайду после убийства Мартина Лютера Кинга в апреле 1968-го. Думаю, эти события заставили многих людей задуматься. Возможно, сотрудничество с «Лордами» представлялось рискованным, но еще более рискованным было сидеть и ничего не делать.

— Что касается идеологии — *Black Arts Movement* в целом и комьюнити-арт в черном районе преимущественно завязаны на афроамериканской культурной идентичности и всячески ее утверждают. В этом арт-центре было то же самое?

— Большая часть того, что делали дети, была основана на идентичности. Но, например, художник, выигравший конкурс, который устраивал арт-центр, сориентировался в том, что от него

требуется, сделал абстрактную кинетическую скульптуру из отдельных разноцветных блоков, весьма отдаленно напоминавшую женщину с ребенком, и назвал ее «Черная Мадонна с младенцем» — довольно цинично. В центре работали японский художник Сати Ямасито, который расписал арт-центр снаружи звездами и полосками, и другой автор Джефф Арнольд, афроамериканский художник, который был в центре в резиденции и выставлял там свои коллажи, как правило, политические, но не всегда связанные именно с афроамериканской идентичностью.

— Вы участвуете в работе двух художественных институций, связанных с Сауфсайдом: это *South Side Community Art Center* и кинопроект *South Side Projections*. Можете про них рассказать?

«

**Музеи были вынуждены
рефлектировать свою роль
— поддерживают ли они
социальное разделение или
могут поспособствовать его
ликвидации.**

»

— Глубокоочтимый *South Side Community Art Center* я уже упоминала, я несколько лет состою в его совете, и моя функция заключается в помощи по хранению и систематизации его обширных коллекций и архивов, потому что своих сотрудников у центра для этого нет. Гениальная вещь, которую сделали основатели центра, — по копейке собрали с комьюнити деньги на покупку собственного здания, и это чуть ли не единственный арт-центр времен *WPA*, который это сделал, благодаря чему выживал все эти годы на мизерном финансировании. А через свои кружки и программы центр сохраняет глубокие связи с художниками в комьюнити (которые работают в самых

разных медиумах). Так что многие этот арт-центр очень любят. Комьюнити, которому он принадлежит, отчасти рассеялось, и, я думаю, одна из текущих задач для центра — установить связь с очень локальным сообществом района Бронзвилл, многое пережившего за последние годы. Что приятно, сейчас центр развил бурную деятельность, расширил штат и получил несколько больших грантов. Что касается *South Side Projections*, то это куда более молодая и бедная организация, без собственного помещения. Это независимый перемещающийся кураторский кинопроект, который вступает в сотрудничество с другими организациями и пространствами в Сауфсайде для демонстрации фильмов и организации по их поводу дискуссий — часто это малоизвестная социальная документалистика и экспериментальные фильмы. В этой работе я участвовала с самого начала.

— Эти организации вовлечены в движение «Черные жизни имеют значение»?

Чикаго. 1970-е

— Это большой вопрос, на который так просто не ответить. Короткий ответ — да, но эпизодически, через отдельных людей, то есть не институционально. «Черные жизни» — по большей части молодая организация (я имею в виду возраст участников, хотя не всех, конечно), и я думаю, тут есть некоторый поколенческий разрыв — в плане языка и методов. При этом *South Side Community Art Center* делает сейчас больше выставок с художниками, которые прямо адресуются или вдохновляются движением. В Чикаго это движение очень обширное и объединяет много разных сообществ, при этом оно не сводится к организации, которая называется «Черные жизни имеют значение».

— Чикаго», многие ее члены состоят в других организациях. Некоторые из них занимаются молодежью и образованием, некоторые — правами мигрантов, жилищными проблемами, полицейским насилием, тюрьмами, квир- и транс-правами и так далее, и в каждой из них есть своего рода континуум групп и отдельных личностей, которые склоняются к милитантным и автономным позициям, а с другой стороны, охотно работают «внутри системы». Многие из них — приверженцы аболиционизма. Раньше этот термин использовали для отмены рабства, но теперь его используют по отношению к тюрьмам и полиции.

Шесть шатаний

Глюкля
(Наталья Першина-
Якиманская).
«Девочка и Солдат»

*О бездомности и о любви.
Личная переписка художниц
Ольги Житлиной и Анастасии Рябовой
(ака Дневник октября)*

1. ВЗОРВИСЬ МОЙ ДОМ!

Ольга Житлина-бомж-утопист: прости, что давно не отвечала я тебя не забыла, просто у меня нерегулярная связь точнее, не связь доступ к эл-ву позавчера почувствовала, что больше не могу жить дома и ушла жить на улицу. любовь не помещается в квартиру.

Анастасия Рябова из-под одеяла: Друг не имеет дома и он у меня ночевал ночью на полу.

Но у нас ничего не было, потому что предложение встречи был

обозначен как отсутствие ночлега.

ОЖ-б-у: пробовала жить в одном заброшенном дворце там потолки повыше и залы просторные для балов, но и там тесно.

АриПО: Про свою любовь, оля, мне даже страшно думать, начинается вспыхивание

взорвись мой дом
шанталь акерман помнишь?

Он пришел, и я почувствовала, что дом сейчас взорвется.

Заброшенный дворец звучит неплохо...

Поосторожней с памятниками, ведь люди в скалах полуголые.

Я не могу работать без любви, вот что я поняла, а когда любовь приходит, работа рушится.

Звёздный проспект — моя любимая руина.

ОЖ-б-у: Кому предназначена эта звезда?

АриПО: Конечно, ему.

ОЖ-б-у: Звезда — она для просмотра сверху или для прохождения изнутри?

АриПО: Она для чувств и представлений.

[http://
zvezdniyprospekt.com/](http://zvezdniyprospekt.com/)

Анастасия Рябова.
«Звёздный проспект-2».
Штаб строительства.
Москва, район Южное
Чертаново
© Григорий Поляковский

(Мне кажется, мы сейчас с тобой тоже немного извилисто переплетаемся.)

ОЖ-б-у: помнишь, что было, когда проснулся нестриженный самсон?

что с твоим домом?

АриПО: Штаб стоит, время идет, аренда капает, трон стоит бесплатно.

ОЖ-б-у: знаешь, как-то в москве во время прогулки на по-мойке около дома своих родственников я нашла трон. пришлось

попросить всю компанию, культурного атташе австрии, художника арсения жиляева и еще нескольких человек нести этот трон по всей москве в направлении андрея паршикова, а тот весь вечер менял дислокацию. так трон путешествовал много часов по всему городу между машинами, посетителями выставок и вечеринок, прохожими, пока ночью наконец не был затащен по узкой лестнице на четвертый этаж конструктивистского дома недалеко от американского посольства.

АриПО: Есть фотка?

ОЖ-б-у: не, это был спонтанный дрейф без документации.

АриПО: Я недавно проснулась на даче, выкурила сигарету и решила поселиться в бочке. Почувствовала себя человеком.

«

**Я недавно проснулась
на даче, выкурила сигарету
и решила поселиться
в бочке. Почувствовала
себя человеком.**

»

А что ты в итоге с ним сделала?

Легла в него?

Трон есть — телик не нужен — бери, да живи, сиди и властвуй.

ОЖ-б-у: трон был доставлен андрею (ни у кого не возникло сомнений, что именно он остро нуждается в троне или трон в нем). и все потели и героически тащили его.

2. ГОРОД-ТРАМПЛИН

АриПО: Чтобы любить, нужен дом,

Чтоб умереть, нужен дом,

Чтоб ходить без штанов, нужен дом.

ОЖ-б-у: Мы с загадочным художником-урбанистом Д. Бородулиным поставили эту цитату одним из эпиграфов к [третьему выпуску Агентства Утопических Новостей](http://os.colta.ru/art/projects/35987/details/38021/).

Второй эпитафия был из «Бременских музыкантов»:

Наш ковер — цветочная поляна

Наши стены — сосны-великаны

Наша крыша — небо голубое

и т.д.

Мы пытались разрешить противоречие между необходимостью иметь дом, чтобы нормально социализироваться, и номадической утопией. Исходили из предположения, что необходимость дома навязана экономической, социальной и физической реальностью города — такого, как мы знаем его. А номадическая идиллия ассоциируется с лоном свободной, никому не принадлежащей природы. Но в современном мире ее остается все меньше и меньше, поэтому мы попытались представить себе город, в котором жизнь без дома возможна и удобна. Я пытаюсь соотнести эти умозрительные идеи со своей теперешней бездомностью, с внезапным порывом уйти из дома, с ощущением, что жизнь не умещается в городскую сетку, не укладывается в его ритм. Но это все грязно, холодно и опасно. Представь, тупо пописать днем — проблема. Часто не пускают. Постоянное блуждание вокруг мест, где тепло или может попасться еда, возможность зарядить телефон, как на привязи. Зарядка — самое важное. Он уже не работает как телефон, в нем остался только инет. Я больше никогда и не смогла бы ответить на звонок или кому-то позвонить, я вообще больше не говорю, но пока могу писать. Я так противостою самой главной опасности бродяжничества — немоте. Как у Никиты из «Реки Потудань» или как в цикле «Немое» композитора Раннева. Но в то же время, знаешь, моя дичающая бездомность — обветренная и окрыленная. Это признание и призыв потерять дом всем любимым сразу. Это борьба между скатыванием в расщелину немоты и онемения и проковыриванием новых пор в городском пространстве, как в твоём «Звёздном проспекте», сквозь дома и стены города. Как думаешь, может, его провал в Москве связан с тем, что ты выбрала не тех союзников? Может, Проспект Звезды мог быть проложен только процессией бродяг и бездомных, как в конце «Трехгрошовой оперы»?

АриПО: Я против домов. «Пусть в нем будет триста шестьдесят пять комнат, — приказал синьор Монетти, — по одной на каждый день года. И двенадцать этажей — по одному на каждый месяц года. И пятьдесят две лестницы — по одной на каждую неделю года. И все это пусть будет сделано из монет, понятно?»

ОЖ-б-у:)))))

[https://
ru.wikipedia.
org/wiki/Дом_
искусств](https://ru.wikipedia.org/wiki/Дом_искусств)

А Ольга Форш — она в год рождения Джанни Родари жила в ДИСке, **Доме искусств**, — описывает в «Сумасшедшем корабле», романе об этом доме и его временных жителях, как из комнат литераторов мебель аннексируют в пользу пролетариата и они придумывают обстановку из книг: «...писателям, склонным к ассоциациям литературным даже в свой последний смертный час, показалось, будто мебель, как в известном рассказе Мопассана, сама пешком убежала из комнат. <...> Опустошенные писатели, покорившись без борьбы, уже было наладились, как они будут спать на многотомнейших классиках, обедать за энциклопедией или сидеть на современниках с автографом».

«

**Может, Проспект Звезды
мог быть проложен только
процессией бродяг
и бездомных, как в конце
«Трехгрошовой оперы»?**

»

АриПО: У Звёздного проспекта не может быть провала, в этом его уловка. Это не эффективное решение проблем, это ПРОБЛЕМА сама по себе. А У ПРОБЛЕМЫ НЕТ ПРОБЛЕМ. Ха-ха.

Так же как, дав нищему кров, ты не решишь проблему, но общество нищих — это общество утопического толка.

ОЖ-б-у: Общество «в роскошной бедности, в могучей нищете» или Орден Нищенствующих живописцев...

А может быть, Звёздный проспект уже проложен городскими паразитами, голубями, тараканами, крысами?

Что говорят об этом наши друзья, исследователи городской фауны?

«Звёздный проспект» в Италии

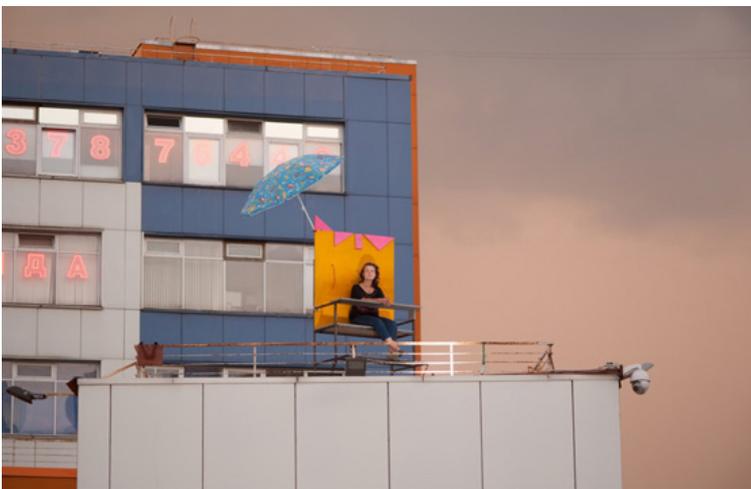
<https://www.youtube.com/watch?v=7mIMWVxfKpM>

https://docs.google.com/spreadsheets/d/1GdybxXPАЕА0ffuAYGo9Rb-hGfRQFyq-mLhZq_0tRH-c/edit#gid=559588351

АриПО: Скорее, партизанами. Недавно Будрайтскис прочел отличную лекцию, часть цикла **«Движение длиною в са- мую темную ночь»**

Говорил о теории партизана Карла Шмидта
пишет прямым текстом
пишет очень вдохновляющую вещь.

С «высоты» 1960-х годов он утверждает смерть традицион- ного типа партизана — вооруженного вилами и топорами вне регулярной армии. Пишет: «Мертвецы скачут быстро, а если они моторизованы, то движутся еще быстрее».

Анастасия Рябова.
«Звёздный проспект-2».
Смотровый трон. Москва,
район Южное Чертаново
© Григорий Поляковский

И тут он начинает писать о будущем партизане. И выяс- няется, что от него не остается физического тела за ядерными технологиями и искусственным интеллектом. Получается, что остается только сердцевина, которая выходит за преде- лы войны и становится художником. Такая вот конструкция про человека в городе.

<http://urbanfaunalab.org/ru/new-tunnels-in-mountains-of-garbage>

Но надо сказать, что еще **Алекс когда-то писал:**

«Дороги пронизывают горы, срезая излишки пересечен- ной местности. Они призваны разгладить фракталы фьордов, они компенсируют иррациональное стремление материи бес- конечно повторять себя в разных масштабах».

Вот они и столкнулись — искусство, природа, война и сте- ны... Хе-хе-хе.

ОЖ-б-у: У ПРОБЛЕМЫ НЕТ ПРОБЛЕМ!!!!)))))) Это скоро бу- дет про меня, если я еще неделю не смогу помыться!

Урбанисты вечно пытаются до/переделать город, чтобы он стал удобным, безопасным, доступным и пр., латают дыры, исправляют несовершенства городского планирования. Мне

нравится, что в «Звёздном проспекте» город — это трамплин. Он культивирует не довольного горожанина, а горожанина-акробата, Ромео превращается в Меркуцио-паркурщика, делает сальто-мортале и, перепрыгивая через стены и охранников, влетает в окно к Джульетте, у нее уже дети, она на диете, муж в туалете, надо быстро сваливать, но маршрут проложен, частное и общественное пространства успели ненадолго слиться в поцелуе.

«

**От партизана не остается
физического тела
за ядерными технологиями
и искусственным
интеллектом.**

»

3. РУКИ В ТРУСАХ

АриПО: А где ты сейчас?

А главное, с кем и как?

Не отвечай где ты. Скажи как ты сейчас и с кем? «Где» уже неважно.

ОЖ-б-у: мы я в очереди

ждем суп

ночлежка

бывают драки

АриПО: Сколько человек в комнате и кто там преимущественно?

ОЖ-б-у: сегодня не так много

АриПО: чем пахнет ночлежка?

ОЖ-б-у: на площади у Достоевского

тут раздают суп

АриПО: Вкусный?)))

ОЖ-б-у: горячий

АриПО: Понятно. А там можно заниматься сексом? Что такое бездомная любовь?

ОЖ-б-у: я там не спала
волонтеры

привозят суп

АриПО: Может это страсть не обремененная бытом? Любовь, для которой нет места в обществе... такая безумная...

*нет места в городе.

ОЖ-б-у: я хожу спать в кино на все дневные сеансы
дали проходку на фест
а ночью хожу по городу
жарю еду на вечном огне

«

Любовь не в том, чтобы
жить под одной крышей,
а, наоборот, в том, чтобы
вместе уйти из дома.

»

АриПО: Красивая жизнь.

ОЖ-б-у: Я съела суп и зашла в метро.

Тут тепло. Размораживаюсь.

Раньше я думала, что надо перестраивать дома, чтобы в них могли сосуществовать самые разные союзы. Мы с архитектором Саматом Мамбетшаевым даже придумали проект дома для любви будущего.

Но теперь мне стало казаться, что любовь не в том, чтобы жить под одной крышей, а, наоборот, в том, чтобы вместе уйти из дома.

АриПО: А расскажи как ваши идеи разрушились. Обо что?

ОЖ-б-у: Они не то чтобы разрушились... Просто этот нарисованный план дома из ясных форм с прямыми углами... Он скорее всего совсем не такой. Я стала улавливать его фрагменты в домах, где я бывала, нащупывать его очертания во сне. Однажды приснился какой-то сумрачный питерский сквот

на чердаке здания с малюсенькой башенкой. В ней жила сосредоточенная девушка с Дальнего Востока, башня была совсем маленькой, размером с платье. Окна были только наверху. Там стоял подиум из пыльной фанеры, а на нем столик и стул, чтобы, забравшись на него, можно было сидеть под окнами. Непонятно, где она спала, ведь больше ничего в башню не помещалось. Может, в ящике-подиуме под столом? Или каждый вечер куда-то все выносила. Девушка не унывала и не отвлекалась, у нее было много дел и планов. В других помещениях жило еще много народу. Парни-музыканты с длинными жирными волосами, мужчины постарше. Сколько там точно жило народу и сколько было комнат, было непонятно. П. сказала,

Анастасия Рябова.
«Звёздный проспект-2».
Планы на город. Москва,
район Южное Чертаново
© Григорий Поляковский

что иногда уходит сюда по ночам и это ее спасает. Почему-то мы с ней были там голые, но не замечали этого, пока какой-то бородатый мужик не начал нас фотографировать на пленку, а парни с грязными волосами просто пялиться. Это стало напрягать, мы легли на какой-то пыльный картон в петляющем коридоре и решили обняться, чтобы спрятаться от взглядов. Наверно, это и был дом-полиамория... Хотя, честно говоря, меня подбешивает это слово... Оно стало модным в питерской богемной тусовке пару лет назад. Но, по-моему, это еще одна уловка неолиберальной экономики, лезущей все глубже в наши жизни, а теперь засовывающей руки нам в трусы. Блажь апер-мидл-класса и лишение последней защиты и стабильности прекария. Ведь сейчас работник, отягощенный семейными обязательствами и верой в пенсию, не так эффективен, как тот,

у кого свободная любовь и, возможно, несколько отношений сразу, но ни одни не связаны с ответственностью, ни одни не затмят по важности вездесущую Работу. Это, как повышенная мобильность, гибкий график, подключенность 24/7, еще один новый элемент идеологии и лайфстайла разъезжающего по миру карьериста. Семейные узы объявляются атавизмом на пару с социальными гарантиями. Получается, что любовь, которую мы пытаемся выволочь из тупика нуклеарной семьи, тут же попадает в ловушку. Поэтому я целыми сутками тыкаюсь во все разваливающиеся дворцы, пыльные квартиры, пустыри площади, пытаюсь найти лазейку. Понимаешь?

Насть?

Ты тут?

АриПО: Нет, не тут. Но знаю точно: возникшая в стенах офиса любовь разобьет работу вдребезги очень эффективно.

ОЖ-б-у: Или, наоборот, приведет к повышению эффективности за счет роста аффективности))

АриПО: Факт, ошибка, спокойной ночи... Хрррррр.

«

**Полиамория — еще одна
уловка неолиберальной
экономики, лезущей все
глубже в наши жизни,
а теперь засовывающей
руки нам в трусы.**

»

4. ВРЕМЕННЫЙ ФЛАГ

АриПО: Оль, а теперь слушай хочу рассказать тебе о...

ОЖ-б-у: кажется, я его знаю, он беженец? Тоже бездомный. Мы познакомились в каком-то европейском городе осенью.

АриПО: угу

У него вроде есть дом, но в доме нет дров.

Мы живем вместе во временном доме.

ОЖ-б-у: Там было человек 6—7 — одна музыкальная группа — спали все в одной маленькой комнате на матрасах, и он прибил к ним.

ОЖ-б-у: Он всю жизнь прибивается к тем, у кого есть временное жилье

по-моему, он не может долго на одном месте

АриПО: Есть такое у него ага.

ОЖ-б-у: я думаю, если это настоящее, когда станет тепло, надо уходить спать вместе на улицу

«

Если сожмет ветками, свернитесь в калачик и крикните.

»

АриПО: Пойду порисую... сижу онлайн... пиши, если что
Буду тоже писать...

ОЖ-б-у: нарисуй мне дорожку
ты о нем заботишься или он о тебе?

АриПО: оба...

ОЖ-б-у: он юный совсем?

АриПО: 25 скоро. Думаю, что подарить...

ОЖ-б-у: рисунок? плакат?

АриПО: Солнце и звезды?)) Вещи он не сохранит.

ОЖ-б-у: Тогда временный флаг.

АриПО: Шикарная идея...

5. ПЛАНЫ НА БУДУЩЕЕ

ОЖ-б-у: Мне приснилось, что он тоже ушел из дома и мы живем на улице вдвоем и что у нас есть матрас. Он лежит у стены на улице. Осень, уже довольно холодно. Слякоть. Вдвоем на матрасе тесновато, но тепло. Подходит изможденный одноногий солдат. Начинает засовывать целую уставшую ногу к нам под одеяло. Нога грязная, я чувствую брезгливость.

«Надо, ребят, погреться», — говорит. Правда, надо. Пытаюсь подвинуться и привстаю. Тут нарисовывается еще один, совершенно здоровый, нагловатый. Без тени смущения укладывается на мое место, мне уже некуда. И тут появляется их босс — толстый китаец. Теперь — как пить дать — пропал наш матрасик, единственное пристанище.

АриПО: Хочу тоже сон рассказать. Но не свой.

Поэтому расскажу, что сказала мне Книга мертвых во время гадания сегодня.

«Сидите синяя. На улицы не смотрите. Будьте ими. Если сожмет ветками, свернитесь в калачик и крикните. Будет здорово, если прыгнете и повернетесь к Северу, чтоб не заснуть».

ОЖ-б-у: Красиво

Похоже на стихи бомжа Саныча

Давно гадаешь?

АриПО: Три года. И-цзин.

ОЖ-б-у: А ведь три года и цзынь — это средняя продолжительность жизни бездомного в Петербурге при морозах не ниже —20 градусов.

6. ЭТО ЕЩЕ НЕ КОНЕЦ

Над номером работали

Главный редактор: Глеб Напреенко

Соредактор: Александра Новоженова

Дизайн: Анастасия Шенцева

Авторы текстов номера: Эльза Абдулхакова,

Юлия Бочарникова, Ольга Житлина,

Дина Жук, Петр Иванов, Дебби Кент,

Глеб Напреенко, Иван Напреенко,

Александра Новоженова, Алиса Олева,

Анастасия Рябова, Николай Смирнов,

Николай Спесивцев.

Участники опросов и интервью:

Александр Бренер, Ольга Вендина,

Ольга Егорова, Екатерина Деминцева,

Ребекка Зорак, Владимир Козин, Олег Кулик,

Марлен Ларуэль, Александр Ляшко,

Олег Мавроматти, Алла Махрова,

Елена Невердовская, Анатолий Осмоловский,

Игорь Панин, Наталья Першина,

Кирилл Пузанов, Максим Райскин,

Сергей Спирихин, Авдей Тер-Оганьян,

Олег Хвостов.

Расшифровка аудиозаписей (как в этом,
так и во всех предыдущих номерах):

Наталия Лебедева

Фоторедактор: Сергей Новиков

Литературный редактор: Ирина Тимашева

Ответственный редактор: Лиза Лерер

Выпускающий редактор: Катерина Манько